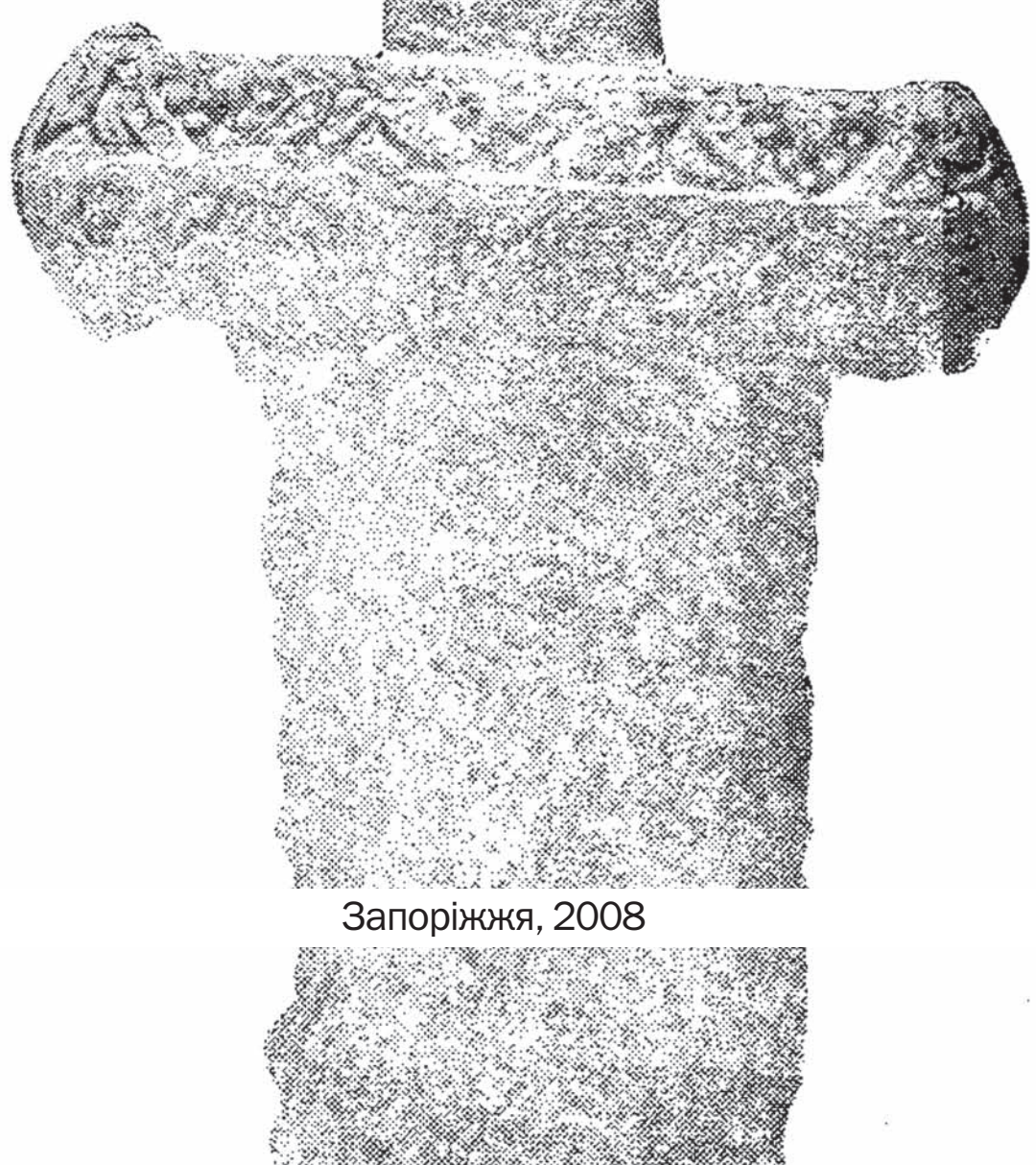


НАУКОВО-ВИРОБНИЧО-КОМЕРЦІЙНЕ ТОВАРИСТВО
З ОБМЕЖЕНОЮ ВІДПОВІДАЛЬНІСТЮ «ДІАНА-92»

МУЗЕЙ ІСТОРІЇ ЗБРОЇ

ІСТОРІЯ ЗБРОЇ

АЛЬМАНАХ №1 2008



Запоріжжя, 2008



НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННО-КОММЕРЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ «ДИАНА-92»

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ

ИСТОРИЯ ОРУЖИЯ

АЛЬМАНАХ №1 2008

Запорожье, 2008

ІСТОРІЯ ЗБРОЇ

№1 2008

Засновник

Шлайфер В.Г.

Свідоцтво про реєстрацію
КВ № 12246-1130Р

Головний редактор

Шлайфер В.Г.

Зав. головного редактора

Мурзін В.Ю.

Редактор

Тоцев Г. М.

Верстка та дизайн

Нестеренко А.

Автори

Бережинський В.Г., полковник, кандидат історичних наук, старший науковий співробітник. **Волох О.О.**, співробітник Музею історії зброї, м.Запоріжжя. **Івануц М.Г.**, викладач факультету воєнної підготовки Національного університету державної податкової служби України. **Ластенко О.В.**, спеціаліст з історії зброї. **Максимов Ю.А.**, спеціаліст з історії зброї, співробітник Соінського краєзнавчого музею. **Мурзін В.Ю.**, доктор історичних наук, професор Запорізького юридичного інституту МВС України. **Петков С.В.**, заступник начальника Запорізького юридичного інституту Дніпропетровського державного університету ВС. **Ступка М.В.**, науковий співробітник Національного заповідника Херсонес-Таврічеський. **Тітков О.В.** завідувачий сектором Полтавського центру археологічних досліджень. **Тоцев Г.М.**, кандидат історичних наук, доцент Запорізького Національного університету. **Шаповалов Г.І.**, доктор історичних наук, професор, директор Запорізького обласного краєзнавчого музею. **Шлайфер В.Г.**, директор Музею історії зброї, м.Запоріжжя.

Рецензенти

Клочко В.І., доктор історичних наук, старший науковий співробітник інституту архітектури НАН України. **Лях С.Р.**, доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії України Запорізького Національного університету.

Члени редколегії

Алексєєв А.Ю., доктор історичних наук, завідувач відділу державного Ермітажу. **Алфьоров С.М.**, кандидат юридичних наук, начальник Запорізького юридичного інституту МВС України, генерал-майор міліції. **Антошкіна Л.І.**, доктор економічних наук, ректор Бердянського університету менеджменту та підприємництва, **Козак Д.Н.**, доктор історичних наук, заступник директора інституту археології НАН України. **Мурзін В.Ю.**, доктор історичних наук, професор Запорізького юридичного інституту МВС України. **Пошивайло О.М.**, доктор історичних наук, директор інституту керамології НАН України. **Супруненко О.Б.**, кандидат історичних наук, директор центру дослідження археологічних пам'яток Полтавської області. **Толочко П.П.**, академік, директор інституту археології НАН України. **Тоцев Г.М.**, кандидат історичних наук, доцент Запорізького Національного університету. **Туровський Є.Я.**, кандидат історичних наук, завідувач відділу Херсонського історико-археологічного заповідника. **Шаповалов Г.І.**, доктор історичних наук, професор, директор Запорізького обласного краєзнавчого музею. **Яблонський Л.Т.**, доктор історичних наук, завідувач відділу інституту археології РАН.

© Шлайфер В.Г.

Друк: Адреса друкарні

т. (000) 000-00-00

Замовлення № 000. Наклад 700 прим. Ціна договірна

Серіальне видання

Адреса редакції:

Україна, 69000, м. Запоріжжя, пр. Леніна, 189,

тел.: (0612) 13-20-00

office@diana-92.com

ИСТОРИЯ ОРУЖИЯ

№1 2008

Основатель

Шлайфер В.Г.

Свидетельство регистрации
КВ № 12246-1130Р

Главный редактор

Шлайфер В.Г.

Зам. главного редактора

Мурзин В.Ю.

Редактор

Тощев Г. М.

Верстка и дизайн

Нестеренко А.

Авторы

Бережинский В.Г., полковник, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник **Волох О.О.**, сотрудник Музея истории оружия, г. Запорожье. **Ивануц М.Г.**, преподаватель факультета военной подготовки Национального университета государственной налоговой службы Украины.

Ластенко А.В., специалист по истории оружия.

Максимов Ю.А., специалист по истории оружия, сотрудник Сочинского краеведческого музея.

Мурзин В.Ю., доктор исторических наук, профессор Запорожского юридического института МВД Украины. **Петков С.В.**, заместитель начальника Запорожского юридического института Днепропетровского государственного университета ВС.

Ступка М.В., научный сотрудник Национального заповедника Херсонес-Таврический. **Тітков О.В.**

заведующий сектором Полтавского центра археологических исследований. **Тощев Г.Н.**, кандидат исторических наук, доцент Запорожского Национального университета. **Шаповалов Г.І.**, доктор исторических наук, профессор, директор Запорожского областного краеведческого музея.

Шлайфер В.Г., директор Музея истории оружия, г. Запорожье.

Рецензенты

Клочко В.І., доктор исторических наук, старший научный сотрудник института архитектуры НАН Украины. **Лях С.Р.**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Украины Запорожского Национального университета.

Члены редколлегии

Алексеев А.Ю., доктор исторических наук, заведующая отделом государственного Эрмитажа. **Алфёров С.М.**, кандидат юридических наук, начальник Запорожского юридического института МВД Украины, генерал-майор милиции. **Антошкина Л.І.**, доктор экономических наук, ректор Бердянского университета менеджмента и предпринимательства. **Козак Д.Н.**, доктор исторических наук, заместитель директора института археологии НАН Украины. **Мурзин В.Ю.**, доктор исторических наук, профессор Запорожского юридического института МВД Украины. **Пошивайло О.М.**, доктор исторических наук, директор института керамологии НАН Украины. **Супруненко А.Б.**, кандидат исторических наук, директор центра исследований археологических памятников Полтавской области. **Толочко П.П.**, академик, директор института археологии НАН Украины. **Тощев Г.М.**, кандидат исторических наук, доцент Запорожского Национального университета. **Туровский Е.Я.**, кандидат исторических наук, заведующий отделом Херсонесского историко-археологического заповедника. **Шаповалов Г.И.**, доктор исторических наук, профессор, директор Запорожского областного краеведческого музея. **Яблонский Л.Т.**, доктор исторических наук, заведующий отделом института археологии РАН.

© Шлайфер В.Г.

Печать: Адрес типографии

т. (000) 000-00-00

Заказ № 000. Тираж 700 экз. Цена договорная

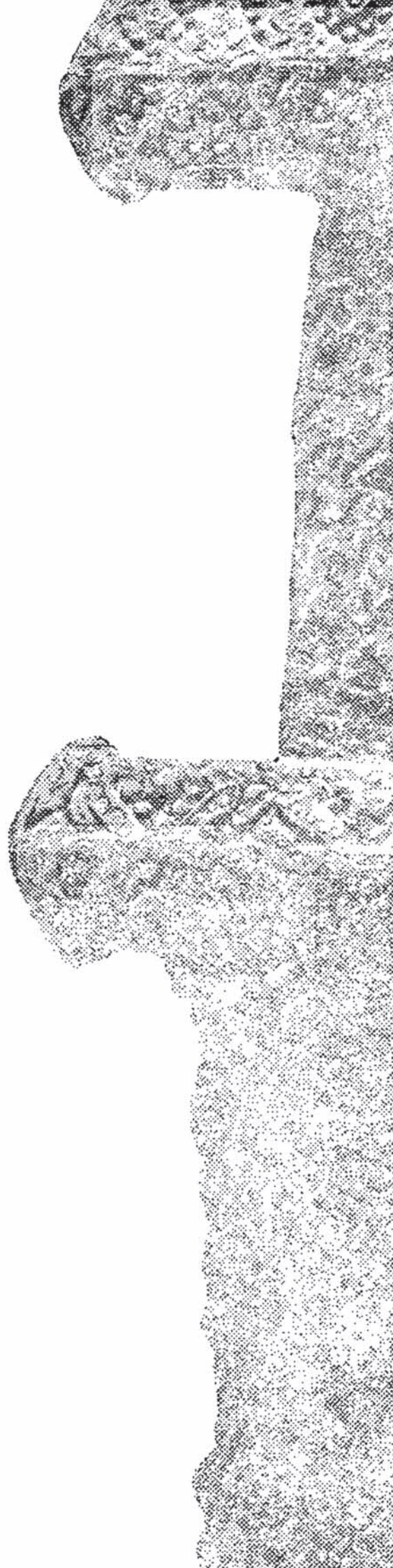
Сериальное издание

Адрес редакции:

Украина, 69000, г. Запорожье, пр. Ленина, 189,

тел.: (0612) 13-20-00

office@diana-92.com





ВСТУПЛЕНИЕ К ПЕРВОМУ НОМЕРУ



важаемые читатели, перед вами первый номер альманаха «ИСТОРИЯ ОРУЖИЯ».

Музей истории оружия г. Запорожье создан 4 года назад. За это время его посетили десятки тысяч человек. Сотрудниками музея опубликован ряд статей по истории оружия в научных, научно-популярных и специализированных изданиях. Нам представляется интересным создание специализированного издания, главной темой которого будет ИСТОРИЯ ОРУЖИЯ.

Мы понимаем, что эта тема не может быть раскрыта полностью ни в одном номере и ни в одном издании, но подобно тому, как из отдельных маленьких осколков складываются большие мозаичные полотна, мы стараемся улучшить освещение этой, бесконечно интересной темы.

Оружие — самый древний человеческий инструмент. Оно менялось вместе с человеком и меняло человечество. Изучение истории оружия помогает нам понять самих себя.

Бессмысленно отрицание или замалчивание исторических аспектов роли оружия, а недооценка его и недостаточное изучение искажает общую картину познания.

Само по себе оружие никогда не существовало отдельно от человека и времени, поэтому изучение его (оружия) истории, будет способствовать более глубокому познанию истории человечества.

Надеемся, что издание будет полезно историкам, краеведам, специалистам и просто увлеченным изучением разных сторон этого сложного феномена — оружия.

Мы приглашаем к сотрудничеству заинтересованных лиц и организации.

Редакция не всегда разделяет все взгляды своих авторов и оставляет за собой право публиковать спорные, но убедительные материалы.

Виталий Шлайфер

ЗМІСТ СОДЕРЖАНИЕ

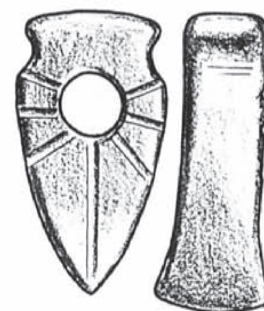


М.В. Ступка. КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕННЫЕ ТОПОРЫ-МОЛОТКИ В СИСТЕМЕ ЯМНО-КАТАКОМБНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ	11
Г.Н. Тощев. КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА 185 МАМАЙ-ГОРЫ	37
В.Ю. Мурзин, В.Г. Шлайфер. СКІФСЬКІ СОКИРИ-СКІПЕТРИ ІЗ ЗІБРАННЯ МУЗЕЮ ІСТОРІЇ ЗБРОЇ У м. ЗАПОРІЖЖІ	45
В.Г. Бережинский. К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ДРЕВКОВ СТРЕЛ ДЛЯ ЛУКОВ КОЧЕВНИКАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	55
М.Г. Ивануц. ПРИМЕНЕНИЕ БОЕВОГО ТОПОРА В ВОЙСКЕ КИЕВСКОЙ РУСИ	65
С. В. Петков. ЗБРОЯ ВІКІНГІВ	79
Г.И. Шаповалов. КОРАБЕЛЬНАЯ ПУШКА XIV – XVI СТ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЗАПОРОЖСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ	93
Шлайфер В., Волох А. ДВУРУЧНЫЙ МЕЧ XVI В. ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ (Г. ЗАПОРОЖЬЕ)	101
А.В. Ластенко. ШЕСТИФУТОВАЯ КОРАБЕЛЬНАЯ ПУШКА РОССИЙСКОГО ФЛОТА	111
О.В. Тітков. СІКОМЕ-ДЗУЄ ЗІ ЗБРОЯРСЬКОГО ЗІБРАННЯ ПОЛТАВСЬКОГО КРАЄЗНАВЧОГО МУЗЕЮ	125
Ю. Максимов. АНАЛИЗ КОНСТРУКТИВНЫХ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И КАВКАЗСКОГО КРЕМНЕВЫХ ПИСТОЛЕТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА.	131

CONTENT



M.V. Stupka STONE DRILLED AXES-HAMMERS IN SYSTEM OF PIT-CATACOMB ANTIQUITIES	11
G.N. Toshev CATACOMB BURIAL FROM BARROW 185 FROM MAMAY-GORA	37
V.U. Murzin, V.G. Shlayfer SCYTHIAN AXES-SCEPTRES FROM COLLECTION OF MUSEUM OF HISTORY OF WEAPONS IN ZAPOROZHYE CITY	45
V.G. Berezhinsky TO PROBLEM OF PRODUCTION OF SHAFTS OF ARROWS FOR BOWS BY NOMADS OF EASTERN EUROPE DURING EARLY MIDDLE AGES	55
M.G. Ivanuz USE OF BATTLE AXE BY TROOPS OF KIEV RUS	65
S.V. Petkov VIKING'S WEAPONS	79
G.I. Shapovalov SHIP CANNON OF THE XIV-XVT CENTURIES FROM COLLECTION OF ZAPOROZHYE MUSEUM OF LOCAL LORE, HISTORY AND ECONOMY	93
V.Shlayfer, A. Voloh TWO-HANDED SWORD OF THE XVT CENTURY FROM EXPOSITION OF MUSEUM OF HISTORY OF WEAPONS (ZAPOROZHYE CITY)	101
A.V. Lastenko SIX-FOOT SHIP CANNON OF RUSSIAN FLEET	111
O.V. Titkov SIKOME-DZYE FROM ARMOURY COLLECTION OF POLTAVA MUSEUM OF LOCAL LORE, HISTORY AND ECONOMY	125
U. Maksimov ANALYSIS OF CONSTRUCTIONAL AND OPERATING PECULIARITIES OF RUSSIAN AND CAUCASIAN FLINT PISTOLS OF THE BEGINNING OF XIX CENTURY	131



КАМЕННЫЕ СВЕРЛЕННЫЕ ТОПОРЫ-МОЛОТКИ В СИСТЕМЕ ЯМНО-КАТАКОМБНЫХ ДРЕВНОСТЕЙ

Среди проблем изучения эпохи бронзы Крыма своей малой разработанностью выделяется вопрос о каменных сверленных топорах — молотках. Являясь одной из самых массовых категорий находок, относящихся к эпохе бронзы, они в то же время, пожалуй, наименее изучены и, соответственно, наименее систематизированы. Между тем, весьма значительное количество находок каменных сверленных топоров-молотков (в дальнейшем КСТМ), говорит о том, что они занимали ведущее место в комплексе вооружения воина эпохи бронзы. Кроме того, большинство КСТМ имеют свои характерные черты, если их рассматривать по принадлежности к определенным археологическим культурам. Отдельные типы этих изделий принадлежат определенным культурным группам и в других не встречаются, некоторые свойственные сразу нескольким культурам, а другие категории КСТМ могут иметь распространение на чрезвычайно обширных территориях, заселенных различными культурами и продолжают бытовать весьма длительное время, к примеру, от неолита до конца средней бронзы.

Поэтому, основная задача настоящей работы представляется как раз в культурной интерпретации находок КСТМ и выведение хотя бы приблизительных линий их эволюции. В достижении этой цели основной проблемой является то, что подавляющее число КСТМ принадлежит к категории случайных находок, а так же существенное количество фрагментированных изделий. Кроме того, обстоятельному изучению указанной категории изделий мешает, как справедливо указывает С.Н. Санжаров [1], рассредоточенность многочисленного материала по районным и школьным музеям.

В целом, на сегодняшний день состояние изученности поставленного вопроса не только для Крыма, но и Украины в целом, трудно признать удовлетворительным. Учитывая, что количество найденных КСТМ исчисляется многими тысячами, создание свода становится насущной необходимостью. В идеальном варианте опубликование местными (городскими, областными и т.п.) музеями хранящихся там КСТМ позволило бы в будущем создать корпус (хотя бы Украины) с их полной типологизацией.

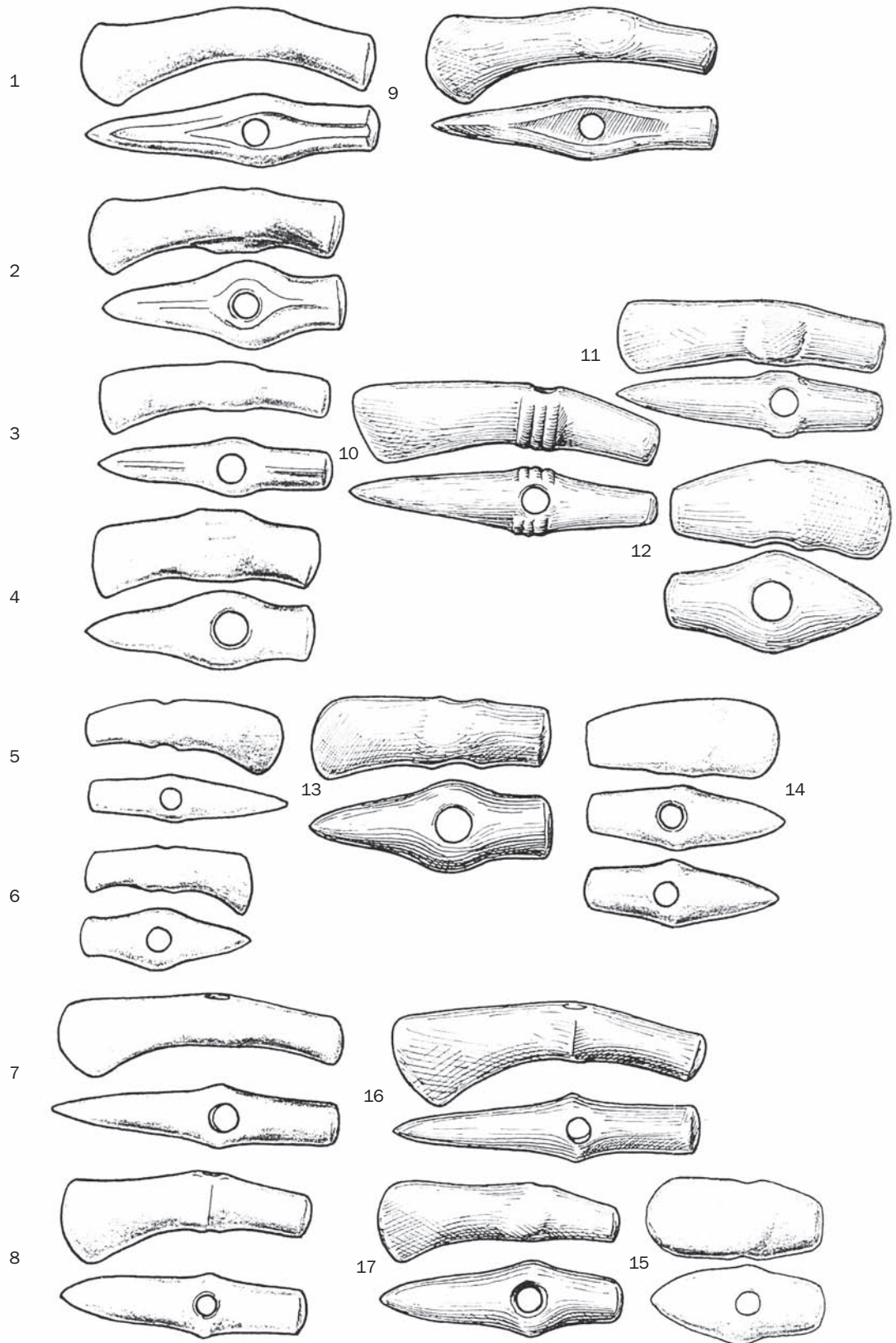


Рис. 1. Основные типы топоров

Проблематикой КСТМ начали заниматься еще первые исследователи эпохи энеолита — бронзы в конце XIX — нач. XX вв.: А.С. Уваров [2], В.А. Городцов [3], Н.Е. Бранденбург [4]. В послевоенные годы вышли в свет: Свод Археологических источников Крайнова Д.А. [5], где автор приводит, пожалуй, первую классификацию КСТМ; Кухаренко Ю.В. [6]. Они рассматривают тему по отдельным областям: Московской, фатьяновской культуре и Полесью. В 1961 вышла заметка Е.В. Пузакова о КСТМ Северского Донца [7], этой же темы касается В.А. Сафронов, проводящий сопоставление каменных топоров Северного Кавказа и Северного Причерноморья эпохи средней бронзы [8]. В 1966 г. А.Я. Брюсовым и М.Н. Зиминой [9] была предпринята попытка систематизации КСТМ. На тот момент работа была весьма своевременной, однако имела существенные недостатки, а к настоящему моменту просто устарела. Основным минусом работы является локальность темы, авторы, сославшись на ряд трудностей в анализе материалов южнорусских степей, отказались от включения их в свое исследование [9, с. 4]. В последнее время ситуация несколько улучшилась с выходом работ по затронутой тематике или включающих ее. Это, например, упомянутая уже работа С.Н. Санжарова по КСТМ Донецкого района, статья Ю.Б. Полидович и В.В. Цимиданова [10] о КСТМ срубной культурно-исторической общности. Кроме того, выходили сообщения музеев, посвященные данной теме: Братченко, Сердюкова, 1991 [11]; Новочихин, Федорченко, 2003 [12]; Белоцерковский, 2005 [13] и ряд других. Стоит отметить альманах Донецкого Краеведческого музея № 1 [14]; где приводится обширная подборка случайных находок КСТМ по Донецкой области. Из последних обобщающих работ наиболее полной является монография В.Н. Ключко [15], посвященная комплексам вооружения энеолита — бронзы северопонтийского круга. Тем не менее, основная часть публикаций КСТМ разрознена и упоминается в контексте описания археологических памятников, что осложняет получение информации по данной теме. По КСТМ, найденным в Крыму, публикации носят именно такой характер.

Отдельно систематизация КСТМ Крыма пока не проводилась.

Представляемая работа носит характер предварительного обобщения КСТМ Крыма. Выборка представленных КСТМ сделана частью из музейных собраний Крыма, публикаций последних лет и нескольких частных коллекций. В дальнейшем, безусловно, она будет расширяться и тогда уже будет возможно сделать более конкретные обобщения. Однако, и на данном этапе, несмотря на ограниченное количество представленных образцов, можно сделать некоторые выводы.

Перед тем, как приступить к анализу подборки КСТМ Крыма, стоит обратить внимание на достаточно наболевший вопрос терминологии в классификации и наименовании частей КСТМ. Эта тема, безусловно, требует отдельной проработки вне рамок данной работы. Вопрос заключается в том, что большинство авторов-историков — люди с чисто гуманитарным образованием и из-за этого они поневоле применяли не уже существующие технические и оружейные термины, а исключительно субъективные, отражающие только личное восприятие автором данного объекта. Безусловно, без определенной доли субъективизма не обойтись, поскольку классификация строится на описании внешних форм КСТМ при виде его сверху, а, между тем, разнообразие и схожесть этих изделий зачастую очень обманчивы. Поэтому субъективные термины должны вызывать одинаковые ассоциации. В принципе любые формы орудия представляют собой геометрическую фигуру той или иной сложности. Кроме того, следует отметить такой момент. Классификация КСТМ сильно осложняется огромным разнообразием существовавших форм, вариативностью которых даже внутри определенных видов достаточно широка. Существуют определенные серии, видимо, наиболее популярных образцов с относительно строго выдержанными формами и размерами; в остальном, древние мастера изготавливали КСТМ лишь ориентируясь на какой-либо образец, в силу чего изменчивость форм внутри типовых групп весьма значительна, вплоть до возможности выделения новых отдельных

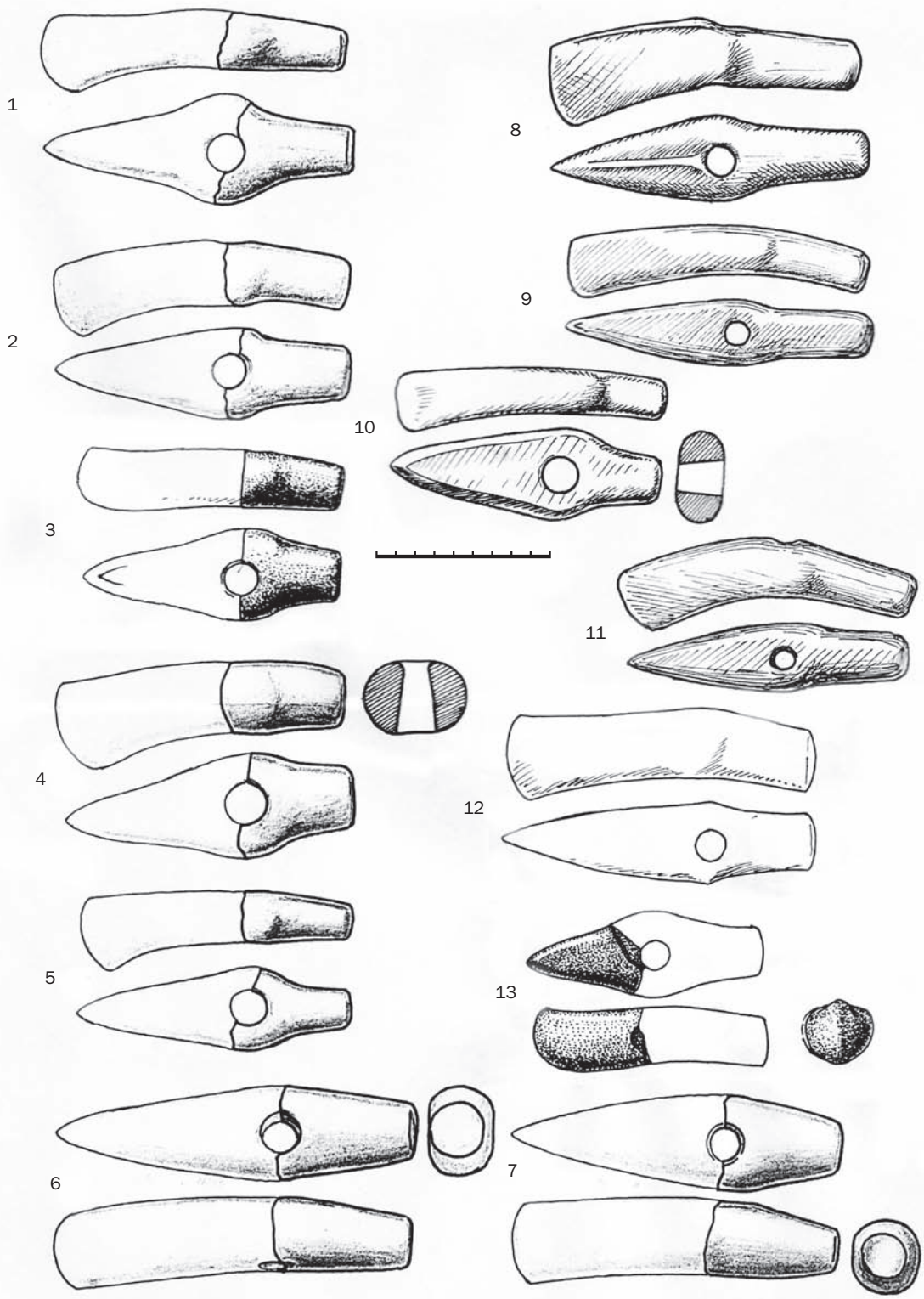


Рис. 2. Основные типы топоров

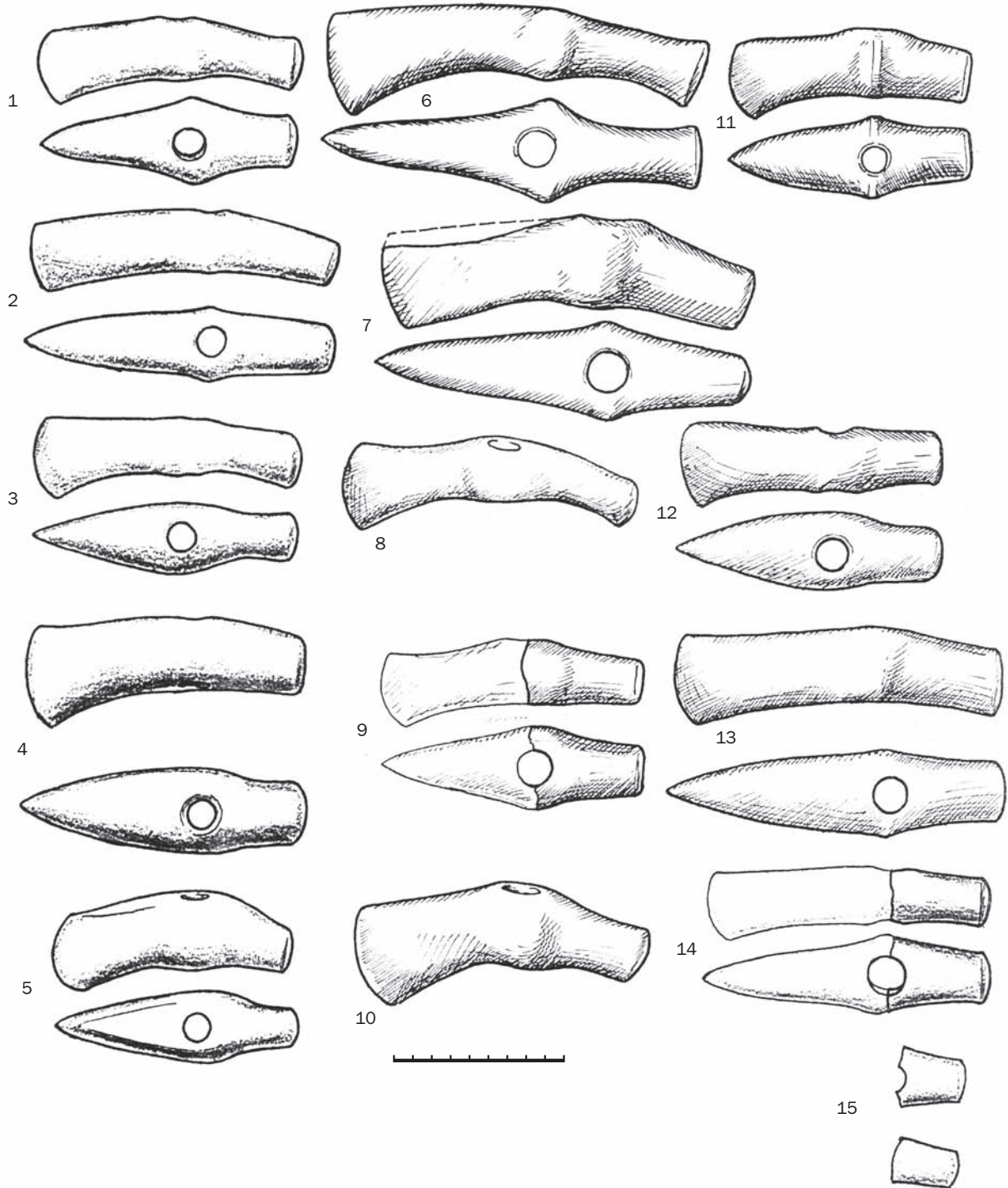


Рис. 3. Основные типы топоров

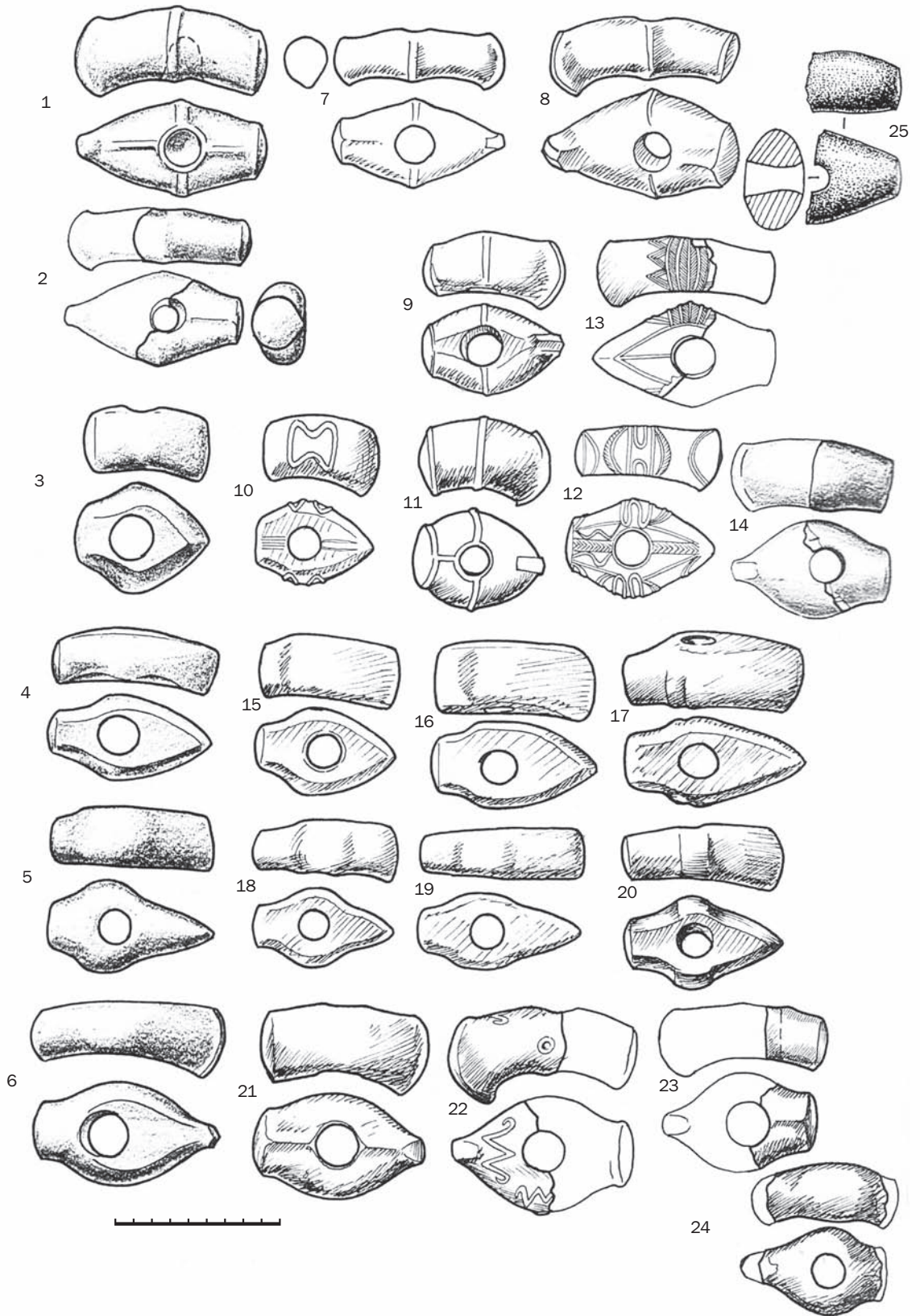


Рис. 4. Основные типы топоров

видов. Это, видимо, было обусловлено квалификацией мастера и его личной фантазией, требованиями заказчика и, скорее всего, какими-то семантическими условностями.

Еще одним немаловажным фактором является сейчас терминологическая путаница в определении типов КСТМ. Например, выделяемый Д.А. Крайновым [5] и часто упоминающийся другими исследователями термин «обушковые КСТМ». Этот термин применим к любому КСТМ, так как любой топор обладает обухом (обушком) по определению. Подобных примеров имеется достаточное количество. Поэтому целесообразно оговаривать некоторые моменты относительно принятой в среде оружейников терминологии.

Поскольку КСТМ представляет собой симбиоз топора и молота, его части следует именовать, как это принято у соответствующих орудий. КСТМ, как и любой другой топор, состоит из тела и топорича (рукоятки), однако в отношении к конкретной категории относящегося к эпохе бронзы, изделия представлены только телами топоров (находки остатков топорича известны в исключительно редких случаях), поэтому речь будет идти по умолчанию только о теле КСТМ. В соответствии с этим термин «тело» просто опускается.

КСТМ имеет скрытую втулку для насаживания на рукоять, поэтому грамотнее именовать его каменным втульчатым топором-молотком. В связи с тем, что существует уже сложившаяся традиция, автор не находит нужным обязательно употреблять новое наименование, тем более что устоявшийся термин «сверлина» не искажает действительности.

Топоровидная часть именуется клином, молотовидная часть, в которую преобразован обух, по аналогии с молотом именуется бойком. Обух, в классическом понимании как задняя часть втулки, присутствует только у клиновидных топоров с их подвидами (каплевидным и треугольным).

Боковые выступы, если они присутствуют, в месте сочленения клина и бойка традиционно именуется щеками. В случае с КСТМ они исполняют функцию усиления в самом слабом месте — по втулке.

Верхняя часть КСТМ — спинка, нижняя — брюшко. Отверстие для насадки топорича называется скрытой втулкой. Так как у большинства северопричерноморских КСТМ втулка выступает за пределы тела топора крайне редко, слово «скрытая» опускается.

Хорошим примером применения профессиональной терминологии могут служить работы С.Н. Корневского [16], посвященные металлическим втульчатым топорам и монография М.В. Горелика [17] по древнему оружию Востока.

В данной работе используемая выборка КСТМ представлена 46 целыми топорами и 38 фрагментированными. Все они происходят с территории Крыма. Часть их взята из публикаций в археологической литературе, часть используемых КСТМ и их фрагментов приведена по музейным коллекциям Херсонесского заповедника, Симферопольского Областного краеведческого и Ялтинского историко-литературного музеев; несколько экземпляров из частных собраний.

Среди крымских КСТМ по внешнему виду выделяются две группы: топоры с массивным телом и образцы грацильных форм с удлиненным телом стройных пропорций. При таком делении автор исходил из величины показателя, именуемого удельной нагрузкой формы. Этот показатель вычисляется отношением длины тела топора к произведению ширины и высоты по втулке. Применительно к КСТМ удельную нагрузку формы из-за значительного разброса абсолютных размеров удобнее использовать в виде коэффициента.

КСТМ грацильной формы без исключения попадают под определение чекана. Это небольшие или средних размеров боевые топоры с обязательным молотковидным и клиновидным бойком. Подобное оружие хорошо известно по материалам скифской и салтовской культур, а также русского средневековья. Поэтому для удобства КСТМ грацильных форм вполне обосновано именовать каменными чеканами. Своим внешним видом они заметно выделяются среди многообразия иных видов КСТМ, которые можно отнести к собственно втульчатым топорам молоткам (молотам). Каменные чеканы более близки

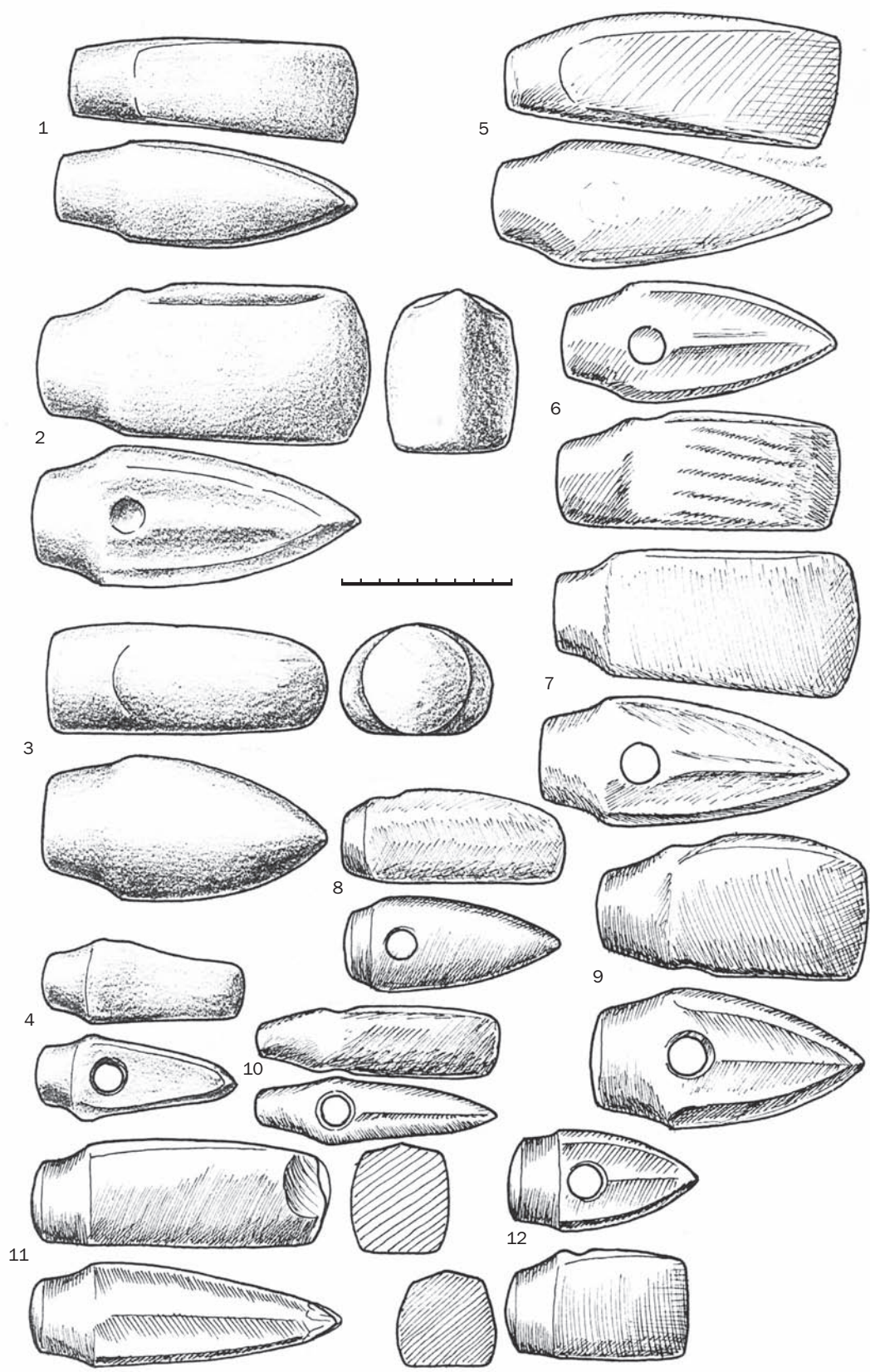


Рис. 5. Основные типы топоров

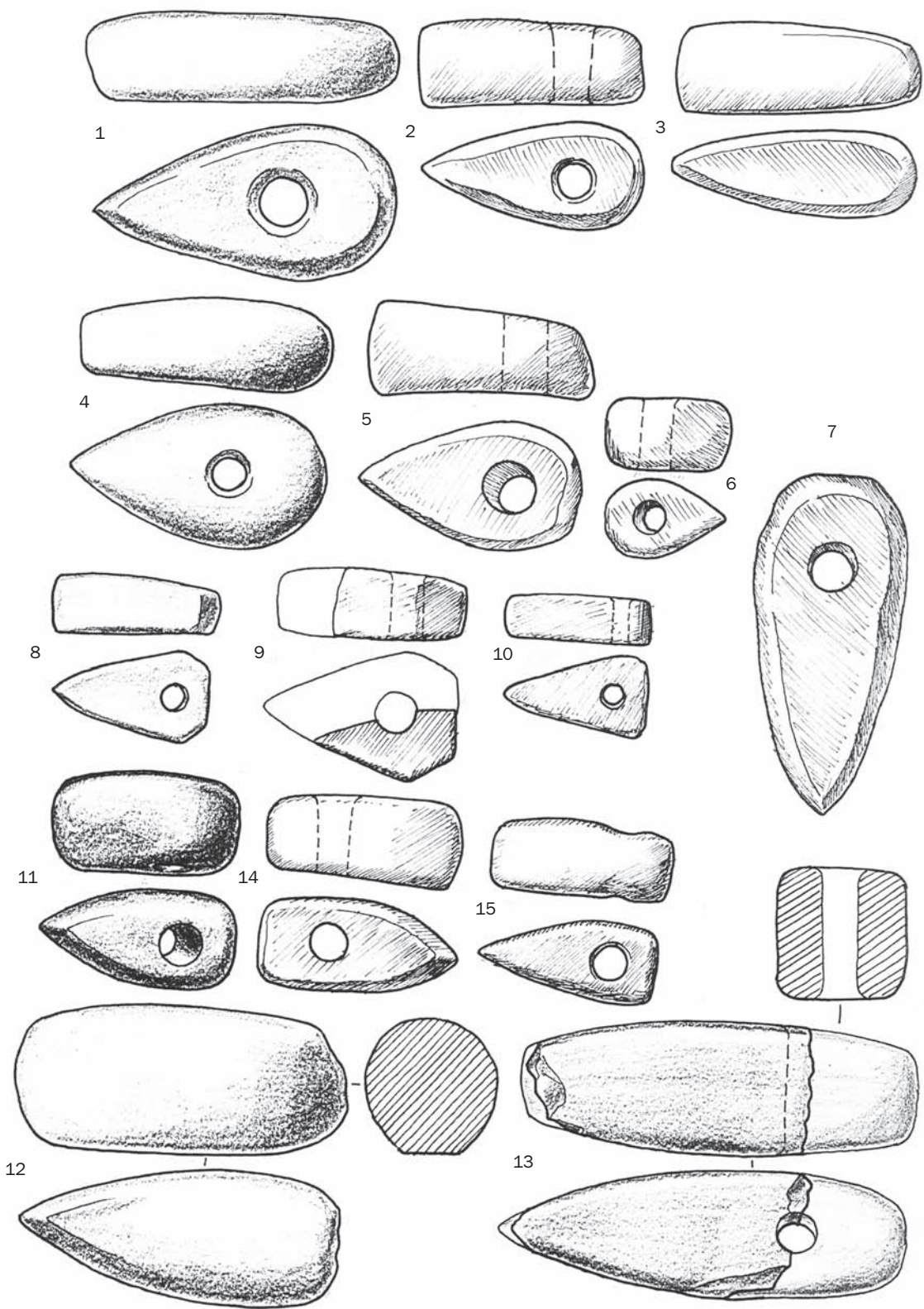


Рис. 6. Основные типы топоров

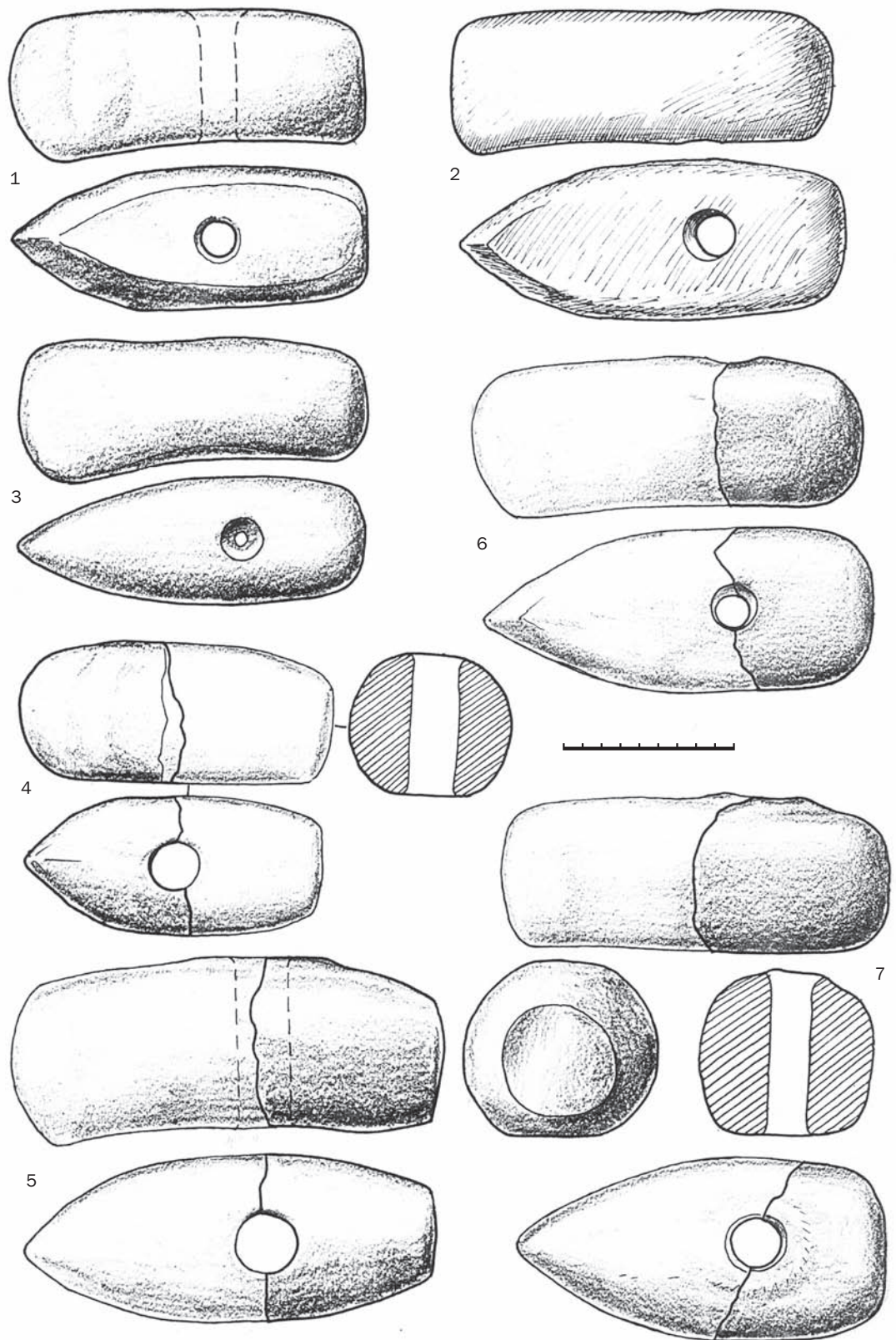


Рис. 7. Основные типы топоров

между собой, в то время как КСТМ обычного вида образуют значительно большее число типов с ярко выраженными индивидуальными особенностями.

Каменные чеканы в выборке представлены 14 целыми экземплярами и 9 бойковыми частями. Рассмотрим вначале целые образцы, а затем попытаемся проанализировать сохранившиеся фрагменты.

Традиционно основным критерием для описания КСТМ является его форма в плане. Все целые экземпляры можно морфологически подразделить на два типа: изделия с боковыми выступами в районе втулки и амфоровидные. Последние не имеют завала при переходе боковых образующих линий клина к щекам и заваленные внутрь боковые линии бойка, так что щеки топора выделяются короткими радиусовидными уступами только сзади. В плане они более или менее напоминают по форме остродонную амфору без ручек.

Тип с выступающими щеками можно подразделить в свою очередь на три вида — с округлыми выступами; с острорезными выступами, когда боковые поверхности клина и бойка сходятся под углом, образуя вертикальную грань; с уплощенными (плоскими) выступами (в работе такой КСТМ упомянут только один — рис. 1.11). Кроме того, в подборке имеются две бойковые части топоров, бойки конической формы. Все описанные виды обладают еще одним внешне заметным признаком. Это наличие или отсутствие нижнего выступа лезвия, который может быть клиновидным или лопастевидным округлым.

В настоящей работе отмечены несколько экземпляров каменных чеканов с округлыми боковыми выступами. Наиболее крупный из них (178 мм) происходит из погр. 7 кургана у хут. Краснолиманский Красногвардейского района. Он обращает на себя внимание изяществом формы и тщательностью отделки. Брюшко от торца бойка до середины клина выполнено в виде радиальной выборки. Тело топора по длине обладает обратной седловатостью, из-за чего создается впечатление, что лезвие имеет мощный нижний выступ, однако клин симметрично расширяется к сегментовидному лезвию (рис. 1.1). КСТМ меньшего

размера (152мм) близкий краснолиманскому, происходит из Севастопольского района (рис. 1.2). Он обладает особенностью, редкой для этого типа КСТМ — выделенной втулкой, сверху обозначенной лишь кольцевым валиком, а снизу заметно выступающей ниже линии брюшка. По спинке и брюшку топор снабжен продольной нервюрой. Краснолиманский топор происходит из катакомбного погребения, КСТМ (рис. 1.2) также можно отнести к ККИО.

Для каменного чекана (рис. 1.1) известны очень близкие аналоги: Аккермень I к. 8, п. 7; экземпляр из Запорожского музея оружия. Топорик из Севастопольского района морфологически им близок, но прямых аналогий пока не имеет.

К ямной историко-культурной общности принадлежит КСТМ этого же вида из погр. 1 кургана у с. Черноземное. Главным отличием его является клиновидный нижний выступ лезвия, имеющий острый угол, весь клин слегка отогнут книзу (рис. 1.3). Аналогичные чеканы известны на памятниках ямной культуры: из Белозерки (рис. 1.10) и Острой Могилы (рис. 1.11). Белозерский КСТМ имеет каннелированные щеки, что характерно для ямной и катакомбной КИО. Промежуточное положение между краснолиманским и черноземским топориками занимают КСТМ из памятников кеми-обинского варианта ямной культуры.

КСТМ из кургана Кеми-Оба (рис. 1.4) более близок к чекану из Черноземного, а топорик из Казанков к 1. п. 1 имеет аналоги в катакомбных памятниках Крыма — Рюмшино к. 1. п. 16 а (рис. 1.6) и Подонья — хут. Рубежный ст. Еланской (рис. 1.13). Близко к ним стоит КСТМ из Бахчисарайского района (рис. 1.14), который имеет непривычное для топориков Причерноморья округлое лезвие, что более характерно для более северных культур Украины. Однако у него есть аналог из Прикубанья - овр. Голенький, ст. Ачрединской (рис. 1.12). Принадлежать топорик из Бахчисарайского района может к Ямной КИО. Он имеет законченную форму и тщательно отполирован. Из памятников Кеми-Обинского типа известен экземпляр с круглым лезвием, но принадле-

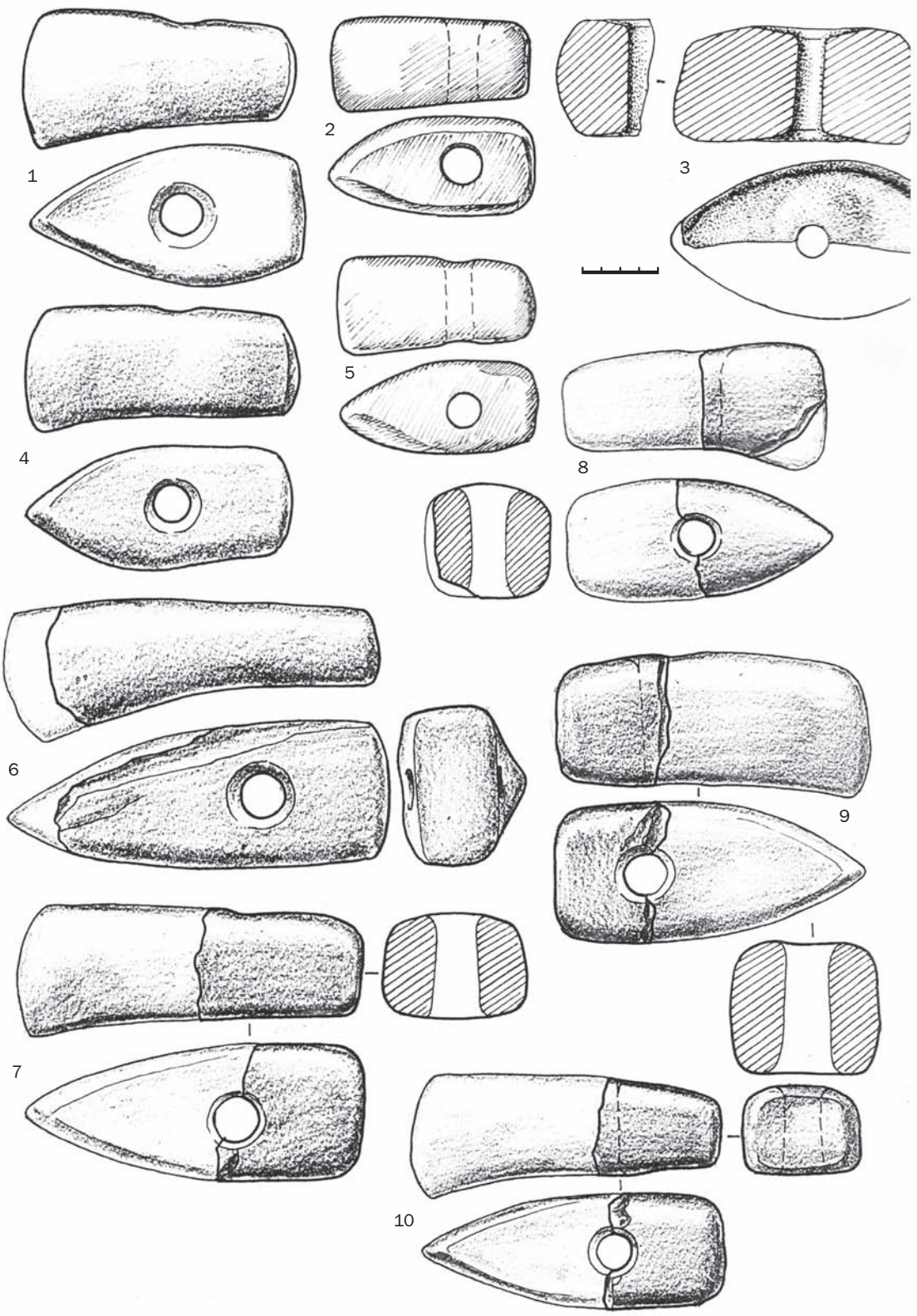


Рис. 8. Основные типы топоров

жит он к более массивному типу и близок к бахчисарайскому только отдельными признаками [19].

Другим видом каменных чеканов являются изделия с остросереберными выступами. Из крымских орудий к таким относятся несколько экземпляров. Это КСТМ из Симферопольского Областного краеведческого музея (рис. 1.7). Хотя внешне он очень напоминает образец из Аккермена, однако более близким аналогом ему будет змейковидный чекан из Старомихайловки в Подонье (рис. 1.16). Старомихайловский топор относят к средней бронзе, к топорам бородинского типа, однако, симферопольский топор, безусловно, старше. Этому же виду принадлежит КСТМ из с. Лозовое Симферопольского района (рис. 1.8) [20, с. 88], аналогом которому является ямный топор из Дырдино к. 1. п. 3 [15, с. 87]. Хотя автор публикации в ССПК [19, с. 89] доказывает, что лозовский топор относится к катакомбной КИО, учитывая особенности крымских памятников эпохи бронзы, он может быть с равной вероятностью изделием ямной культуры. Еще один КСТМ этого вида происходит из кургана с каменным ящиком севернее с. Фруктовое на правой стороне Бельбекской долины. Топор имеет клиновидный нижний выступ лезвия (рис. 3.1). Более развитым аналогом этому КСТМ можно считать гранитный чекан из Малокатериновки Запорожского района (рис. 3.6), из катакомбного погребения [20, с. 187]. Более близким, однако, представляется ямный топорик из Семеновки к. 8 п. 16 в Северо-Западном Причерноморье. Среди чеканов этого вида интересен экземпляр из Белогорского района (рис. 3.2). Его особенностью является параллельность брюшка и спинки по клину при общей обратной седловатости тела. Прямых аналогов нет, однако среди топориков амфоровидного вида присутствуют экземпляры без нижнего выступа лезвия. Есть похожий на топор 3.2 экземпляр, так же относящийся к ямной культуре — экземпляр из Чкаловки, к 2.4, к. 6, п. 12. Видимо к этому же виду принадлежит бойковая часть КСТМ из пос. Каменка в Восточном Крыму. Судя по всему, этот КСТМ имел переднюю центровку (рис. 3.14), а, кроме того, существует очень схожий с ним целый аналог из ямного погре-

бения 10 кург. 10 Кривой Рог (рис. 3.13) [21, с. 283]. Вероятно к этому же виду относится бойковая часть КСТМ из Ивановки в Вост. Крыму [19, с. 196].

Еще одним видом КСТМ грацильной формы являются топоры с амфоровидными обводами. Таковыми являются топоры: из сборов А.А. Щепинского (рис. 3.3), топорик из кургана с каменным ящиком из Сакского района (рис. 3.4). Последнему идеально соответствует реконструкция ямного топорика из Дзинилора к. 1, п. 17 (рис. 3.9) [223] и КСТМ из Саратен к. 4 п. 4. Несколько особняком стоит топорик из Абдальского кургана в Симферополе (рис. 3.5), которому близок КСТМ из Восточного Приазовья, Роговская 70 к. 17 п. 5 (рис. 3.10). Топоры этого же типа представлены в Своде археологических источников по раскопкам А.А. Щепинского (рис. 2.8, 9, 11) [23].

К сожалению, значительное количество топоров этого типа представляют собой обломки — бойковые части, а клиновые части в подборке отсутствуют. Реконструкции относятся, по-видимому, к амфоровидному типу.

Экземпляр из Планерского [24] отнесен к виду с округлыми выступами, так как они сильно развиты, и соответствует скорее КСТМ из Севастопольского района (рис. 1.1). Другие обращают на себя внимание относительно коротким бойком и относятся, скорее всего, к ямной культуре, так как имеют очень близкую аналогию именно из ямного захоронения — КСТМ из Алками к. 5 п. 6 (рис. 2.10). Наличие или отсутствие лопасти на лезвии, в принципе, равновероятно.

От этой группы находок заметно отличаются два фрагмента из Севастопольского района (рис. 2.6, 7). Оба конической формы без заметных намеков на выступы какой-либо формы. Более всего они схожи с каменными клевцами трипольской культуры (рис. 2.12, 13), однако имели, скорее всего, более топовидный клин, с более широким лезвием. Форма их вполне может быть продолжением линии развития Варненско-гумельницких КСТМ, характерных также для Триполья (этап А-VI, 4000 — 3600 BC). Тем более, что племена ямной культуры контактировали с трипольцами. Кроме того, и это видимо главное

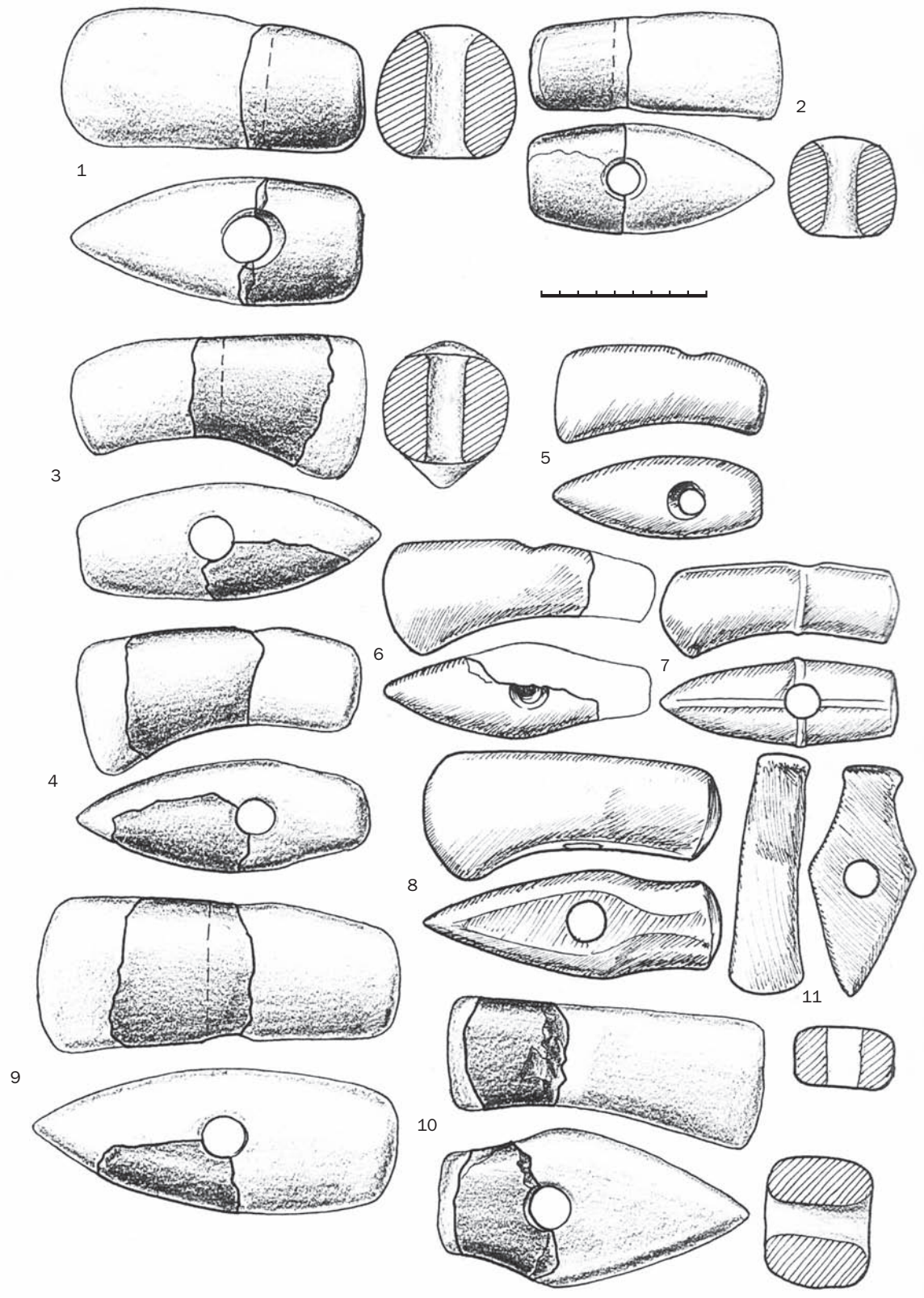


Рис. 9. Основные типы топоров

— такая форма более технологична и потому требует меньших затрат на изготовление изделия.

Среди крымских есть группа орудий, имеющих четко определенную культурную принадлежность. Это КСТМ так называемого катакомбного облика (рис. 4). Их характерными чертами являются укороченные пропорции и общая массивность форм при небольших размерах — все они чуть крупнее сигаретной пачки. Среди КСТМ катакомбного облика выделяются несколько типов.

Наиболее характерным типом являются усеченно-ромбические КСТМ. Один из них, изготовленный из желтоватого мрамора, происходит из Красноперекопского района. Наличие незаконченной сверлины говорит о местном производстве этого типа (рис. 4.1). Еще один экземпляр, изготовленный из камня черного цвета, представлен обломком бойковой части, происходит из Севастопольского района (рис. 4.2). Для этих КСТМ имеются точные аналоги в катакомбных погребениях — из Круглой Могилы к. 8 п. 5 (рис. 4.7) и из Виноградного Запорожского района (рис. 4.8). Лезвие у этого типа КСТМ выполняется в виде выступающей шины, и может быть плоским или иметь «зубильную» заточку. К этому же типу принадлежат и знаменитые орнаментированные топоры — такие как фрагментированный образец из Щуцкого I (рис. 4.13).

Среди КСТМ катакомбных типов присутствуют топоры, являющиеся по сути булавами с обликом каменных топоров, поэтому их иногда называют булавовидными КСТМ. Один экземпляр такого КСТМ известен из катакомбного погребения Богачевка к. 5 п. 11 (рис. 4.3). Булавовидные КСТМ могут быть орнаментированы, как топор из Григорьевки. Дальнейшим развитием этой формы могут быть КСТМ, представленные на рис. 4.9, 11. Сама форма Богачевского топорика представляется производной от симбиоза типа Баратовка (рис. 4.12) и типа Болотное (рис. 4.4). Последний представляет собой тип так называемых «обушковых» КСТМ. Внешне он близок к амфоровидным КСТМ, только вдвое более коротких пропорций. Этот тип широко распространен по всей территории Украины.

Вариабельность форм незначительна (рис. 4.15, 16), известен КСТМ этого типа украшенный капелюрами и отличающийся высокой тщательностью обработки. Это значит, что такой топор мог исполнять функцию властной инсигнии. Болотовский топор также изготовлен очень аккуратно.

Еще одним типом катакомбных КСТМ является тип с выделенными щеками. Такой происходит из Наташино к. 16 п. 18. Он обладает округлой формы щеками и лезвием, несколько скошенным книзу - вперед.

Выступы могут иметь различную форму (рис. 4.18, 19). У развитого варианта выступы могут быть оформлены, как вертикальные окольцовывающие изделие шины, как у топорика из музея Луганского педуниверситета (рис. 4.20).

Существует также тип КСТМ, родственных ромбовидно-усеченным. Один такой топор хранится в Запорожье в музее истории оружия и происходит из Белогорского района (рис. 4.6). Другой в виде обломка (бойковой части) известен из поселения Кирова на Керченском полуострове (рис. 4.14). Основным отличием от ромбовидных КСТМ является отсутствие боковых выступов или нервюр на них. КСТМ из Чкаловки Днепропетровской области — прямая аналогия белогорскому топору (рис. 4.21). Известен орнаментированный образец [26], представленный обломком клиновидной части (рис. 4.22). Этот тип также практически инвариантен, поэтому поврежденные или фрагментированные изделия достаточно легко реконструируются (рис. 4.23, 24, 14). Производной этого типа можно считать булавовидные КСТМ, как например, образец из Любо-Александровки [27], обладающий чертами как овоидных, так и усеченных ромбических.

Тип КСТМ, именуемый «короткообушным» происходит, по-видимому, из памятников ямной культуры и распространяется затем среди катакомбного населения.

В данной подборке приводятся четыре экземпляра. Они все относятся к разным видам. При этом три из них — заготовки, что свидетельствует о наличии их производства

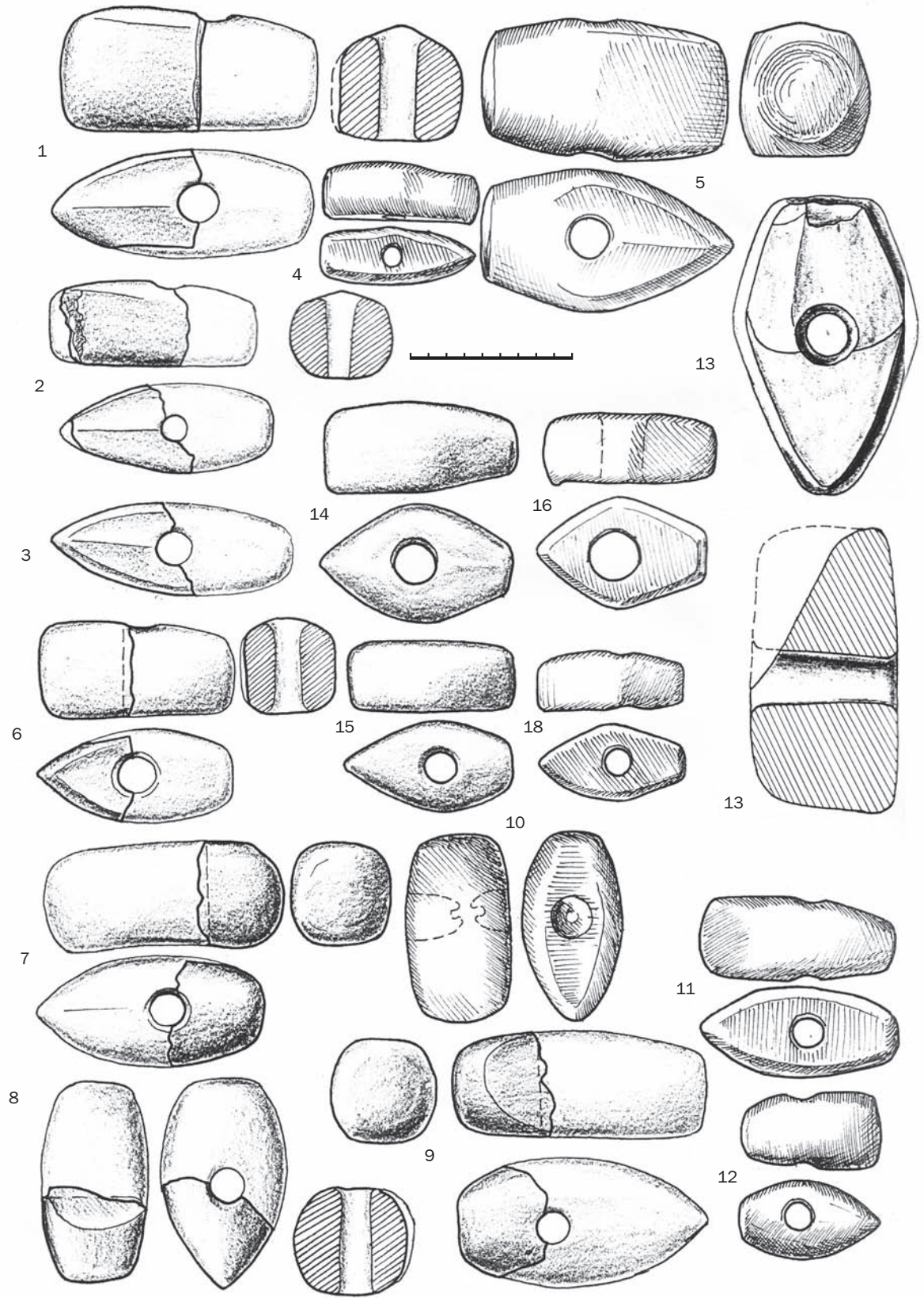


Рис. 10. Основные типы топоров

на территории полуострова. Большинство из них — изделия довольно крупного размера, однако тщательность отделки и наличие среди них каннелированных образцов [28], говорит о преобладании боевой функции.

В Симферопольском областном краеведческом музее хранится экземпляр такого КСТМ из катакомбного погребения (рис. 5.1). Этот топор не имеет сверлины, то есть является заготовкой. Целую группу таких же заготовок обнаружили в свое время в виде клада в Великой Андрусовке (рис. 5.5), которые были отнесены к ямной культуре. Однако, находка такого топора именно в виде заготовки, говорит о принадлежности этого вида к катакомбной КИО.

Основным отличием его являются относительно вытянутые пропорции, сечение близко к квадрату, как у изделия из Старой Ласпы Тельмановского района Донецкой области (рис. 5.11). Образец из Симферопольского района является, скорее всего, образцом оружия, поскольку отличается тщательностью обработки и идеальной симметрией форм.

В Ялтинском историко-литературном музее в экспозиции находится топор с начатой сверлиной, принадлежащий другому виду типа с коротким бойком. От предыдущего его отличает большая массивность формы, обусловленная значительной высотой клина (рис. 5.2).

Прямая аналогия ему — такой же КСТМ из Михайловского поселения ямной культуры (рис. 5.6) [28]. Так же целый топор этого вида известен из ямного памятника Орельско-Самарского междуречья (рис. 5.7). Общей чертой для них является наличие высокой нервюры на спинке клина, которая образована двумя симметричными довольно глубокими продольными выборками. Михайловский топор имеет наклонные каннелюры на боковых поверхностях клина. Из катакомбных памятников известен близкий по внешнему виду образец (рис. 5.9) и очень схожий, несколько меньший по размерам КСТМ так же из Донецкой области (рис. 5.12). Их отличие — в более коротком клине и ребром на верхней поверхности клина образованным не выборками, а плоскостями, сходящимися под углом.

К катакомбной культуре принадлежит и топорик из Наташино к. 18 п. 10 (рис. 5.4) [29, с. 214, 215]. Клин этого КСТМ пирамидально заужен к лезвию. Это вызвано тем, что при обработке, видимо, по спинке клина скололся плоский кусок, что видно на прорисовке в профиль, чем можно пояснить и отсутствие продольного ребра или нервюры на спинке. Мастер просто зашлифовал скол, благо он был незначителен и не портил в целом изделия.

К типу КСТМ с коротким бойком можно так же отнести топор-молот из фондов НЗХТ, найденный в Севастопольском районе. Этот вид заметно отличается от орудий, описанных выше, своим округлым сечением (рис. 5.3). Похожий на него КСТМ известен из катакомбного захоронения в с. Приморское Кикийского района Одесской области (рис. 5.8).

К этому же виду, вполне вероятно, относится находка клина КСТМ из Севастопольского района, другой вариант реконструкции которого приведен на рис. 11.14 (фонды НЗХТ № 16527). К сожалению, не представилось возможности привести прорисовку бойковой части КСТМ «короткообушного» типа из Севастопольского района. Это изделие похоже по форме на боек боевого КСТМ из Кировки к. 1 п. 4 (Поднепровье) (рис. 5.10). Этот вид представляет собой облегченный вариант данного типа и, судя по всему, является оружием.

Тип клиновидных топоров один из самых распространенных. Он считался наиболее архаичным, однако, встречается на памятниках от раннего энеолита до поздней бронзы практически повсеместно. Можно выделить три основных вида.

Каплевидные КСТМ в подборке представлены двумя экземплярами: из Белогорского (рис. 6.1) и Симферопольского районов (рис. 6.4). Аналогии этим изделиям можно найти среди подобных же изделий эпохи ранней бронзы.

КСТМ из Донецкого Днепропетровской обл. (рис. 6.2), упомянутый ранее Велико-андрусовский клад (рис. 6.3). Очень большое распространение такие топоры имели среди

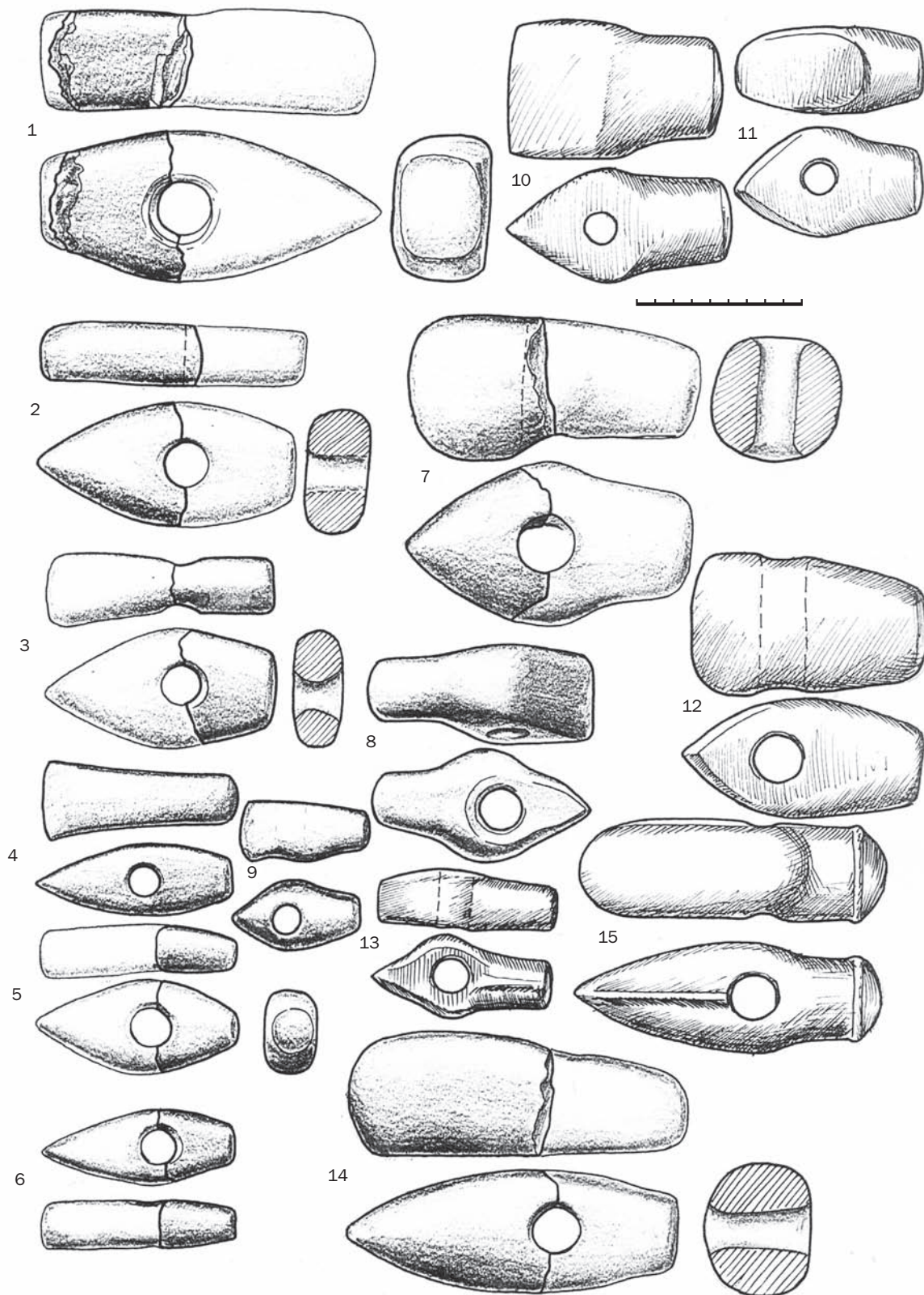


Рис. 11. Основные типы топоров

племен культур шнуровой керамики западных групп (рис. 6.5, 6) и на востоке Украины (рис. 6.7). Основную массу этих изделий от их аналогов энеолитического времени отличает расположение втулки. У топоров представленного типа она расположена по центру массы, а для энеолитических каплевидных топоров более характерно расположение по центру окружности дуги обуха [31, с. 47].

Из Бахчисарайского района происходит КСТМ другого вида — треугольный. Этот экземпляр имеет скошенные углы со стороны обуха (рис. 6.8). Принадлежность этого экземпляра к ямной культуре подтверждается наличием аналогов: обломок такого же чуть более крупного КСТМ (рис. 6.9) [32, с. 12] и треугольный КСТМ из ямного погребения Березино к. 1 п. 2 в Северо-Западном Причерноморье (рис. 6.10) [22].

Третьим видом клиновидных топоров являются КСТМ оживальной формы. Имеется ввиду форма топора-молота в плане, когда боковые линии образуют форму, напоминающую проекцию профиля винтовочной пули. Таких изделий в подборке приводится три. Первый из них находится в экспозиции Симферопольского областного краеведческого музея. Это КСТМ черного камня, тщательно отполированный, очень совершенной формы с хорошей симметрией по всем осям (рис. 6.11). Такие характеристики позволяют уверенно отнести его к образцу оружия. Тому подтверждением может быть топор, изображенный на лицевой стороне Керносковского идола под левым локтем персонажа [32, с. 335]. Аналоги в различных вариациях известны во многих районах Украины, как например, КСТМ на рис. 6.14, 15.

Из Севастопольского района происходит заготовка КСТМ этого типа без сверлины. Это изделие имеет круглое поперечное сечение и снятую по брюшку лыску (рис. 6.12). Другой, массивный КСТМ — клиновидная часть его — был найден на перевале Беч-Ку, ограничивающем Байсарскую долину с северо-востока. В отличие от предыдущего он имеет квадратное сечение. Прямых аналогов ему пока нет. Похожий на него КСТМ приведен на рис. 6.7, но он имеет боченковидное сечение.

Топор с Беч-Ку (рис. 6.13) имел, скорее всего, рабочее назначение, хотя это может быть не совсем верно. Разбит был КСТМ одним мощным ударом по твердому препятствию, для чего явно не был предназначен. Изготовлен он из темно-серого крупнозернистого камня.

Среди так называемых «клиновидных» топоров есть значительное число находок массивных топоров с оживальными обводами. К этому виду принадлежит интересный экземпляр из Балаклавской долины (рис. 7.1). Он имеет общую легкую погибь, сегментовидное лезвие. Клин суживается к лезвию двумя уступами, по чему видно, что мастер обтачивал изделие в несколько этапов. Тщательность изготовления позволяет думать о боевом назначении этого КСТМ, несмотря на изрядный вес — 2300 г. Похожие КСТМ присутствуют среди находок в Крыму (рис. 10), но они имеют значительно меньшие размеры. Близкий описаному КСТМ находится в Симферопольском областном краеведческом музее (рис. 7.3), но он имеет заметно расширенный клин и округлое сечение. Как бы гибридом между ними можно считать КСТМ из Севастопольского района, представленный клиновидной частью (рис. 7.4), которая аналогична КСТМ 7.1, а сечение его округлое, как у КСТМ 7.3. Кроме того, из Севастопольского района происходят два фрагмента обухных частей, предположительно этого же вида (рис. 7.6, 7). Аналог, который удалось разыскать, приведен в статье Е.В. Пузакова [7], однако, по прорисовке в публикации трудно судить о качестве выделки этого топора (рис. 7.2). Еще один фрагмент массивного крупного КСТМ (№ 16524) (рис. 7.5). Он относится к типу, который можно обозначить как «усеченно-челночные», так как эти КСТМ при виде сверху напоминают ткацкий челнок коротких пропорций с усеченным одним концом. Об этом типе речь пойдет далее.

Среди находок клиновидных топоров оживальной формы в Севастопольском районе выделяется группа КСТМ отличающаяся определенным своеобразием, которое заключается в брусковидной форме бойковой части. Среди них один экземпляр (рис. 8.1) имеет усеченно-челночную форму, остальные — оживальные обводы (рис. 8.4, 6, 7,

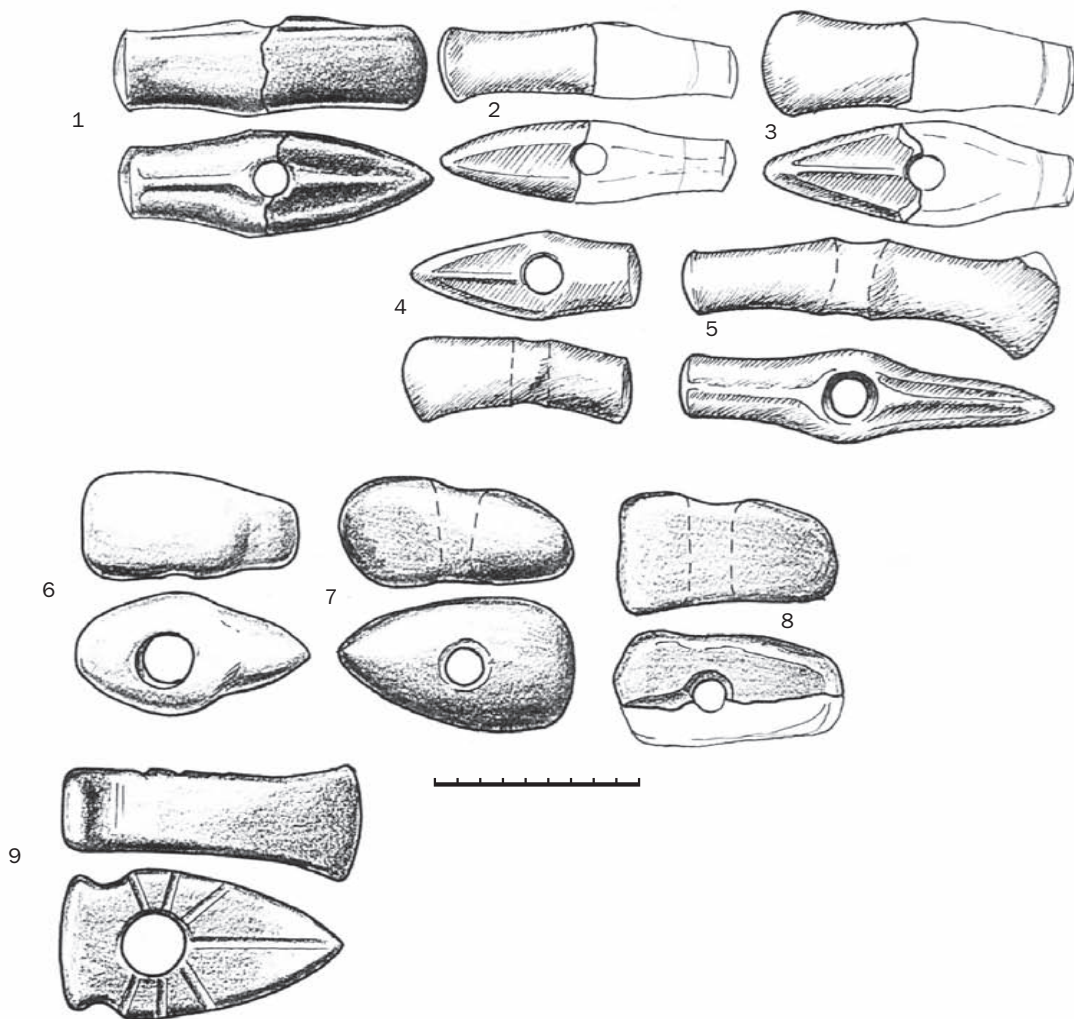


Рис. 12. Основные типы топоров

9, 10). Целых экземпляров два (рис. 8.1, 4), поврежденный клин, форма которого легко восстанавливается, у экземпляра на рис. 8.6. Остальные представлены обушными частями. Все они имеют указанный выше признак — боек прямоугольного или почти квадратного сечения. Еще один фрагмент — клин с обломанным нижним выступом лезвия (рис. 8.8). Судя по сечению, этот экземпляр так же принадлежит к данному типу. Приведенные аналоги (рис. 8.2, 3, 5) внешне очень близки и, несомненно, относятся к одному типу, но у всех них сечение бойка или округлое, или боченковидное, в отличие от севастопольских. Однако, среди близких форм севастопольских КСТМ есть два экземпляра, один из которых

имеет округлое сечение (рис. 9.1), а другой — боченковидное (рис. 9.2). Образцы на рис. 8.1 и рис. 9.2 относятся к поселению возле хут. Дергачи в верховьях Килен-балки г. Севастополя. На руках у коллекционеров и просто случайных людей находятся подобные изделия из района этого поселения эпохи бронзы. Это позволяет считать другие КСТМ на рис. 8, числящиеся случайными находками, так же принадлежащими к этому же поселению или другим того же типа в Севастопольском районе, в частности, на Гераклейском полуострове. К сожалению, поселение на хут. Дергачи закрыто воинской частью, и проведение полноценных исследований практически исключено.

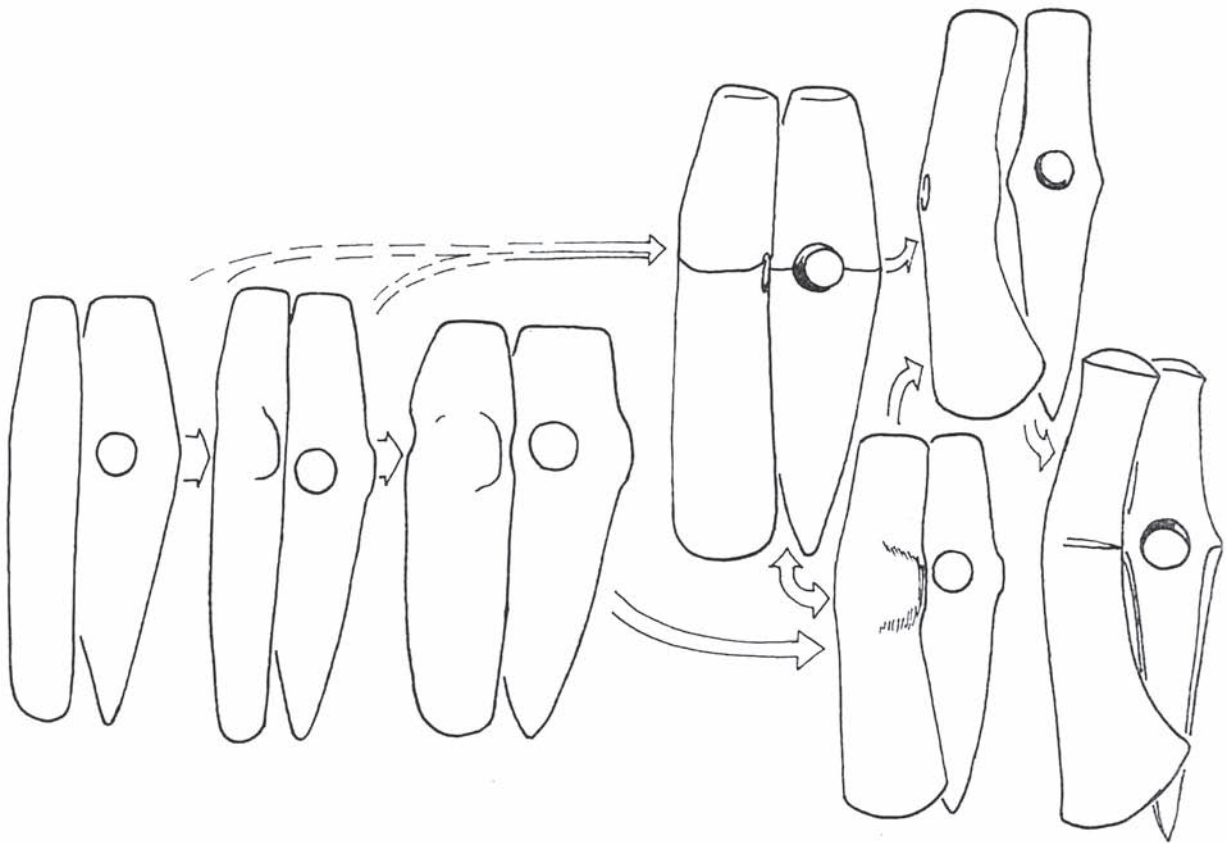


Рис. 13. Основные типы топоров

Из Севастопольского района происходят еще два обломка клиновой части КСТМ усеченно челночного типа или типа с выделенным бойком (рис. 9.3, 4). Эти фрагменты являются лишь частями боковин клинов КСТМ и несут на себе остатки сверлин, что позволяет сравнительно точно реконструировать их внешний облик. Наличие вогнутого брюшка объединяет их с рядом изделий ямной КИО. Это топор из Михайловского поселения (рис. 9.5) и КСТМ из ямного погребения в Гура-Быкулуй, к. 1 п. 7 (рис. 9.7).

Однако, другим вариантом реконструкции может быть тип с выделенным бойком, когда боковые линии бойка завалены внутрь, обра-

зая обводы, близкие к амфоровидным. Такими аналогами могут быть: реконструкция КСТМ из Ивановки на Южном Буге (рис. 9.6) [27] и случайная находка КСТМ из Херсонской области (рис. 9.8).

В фондах НЗХТ хранится обломок клиновой части КСТМ из сборов Шпака (№ 8 / 38 щ), реконструкция которого дает усеченно-челночный КСТМ, довольно крупных размеров (рис. 9.9). КСТМ такого типа в подборке имеется значительное количество. Тип весьма распространенный как территориально, так и во времени. Тип этот известен на памятниках раннего Триполья, как например, образец из карбунского клада [31, табл. XVI, 2, 3, 4]

с уплощенной формой, так и с приводимыми в данной работе пропорциями [31, табл. XVI, 6; табл. XVII, 2, 5]. Ввиду максимальной их распространенности, определить их культурную принадлежность затруднительно, особенно учитывая значительный диапазон их внутривидовой изменчивости. В приводимой подборке их учтено 17 единиц, в основном фрагментированных (рис. 7.5; рис. 9.9; рис. 10.13, 69; рис. 11.16). Аналоги известны как из ямных памятников (рис. 10.11, 12) так и катакомбных (рис. 11.4). Выделяется из них топор с продольным ребром по спинке клина. Орудия этого типа представлены только клиновыми частями, поэтому отнесение их к этому типу в определенной мере условно. Два из них происходят с поселения Сарандинакина балка в Севастополе, причем один из них вотивный, изготовлен из известняка (рис. 10.1, 2) и еще один фрагмент известен с Керченского полуострова на пос. Ивановка (рис. 10.3). Наличие этого ребра на клине сближает их с рядом катакомбных орудий типа кочкаровского КСТМ (рис. 10.5) и ему подобных. Однако, такие же КСТМ известны из гораздо более архаичной баденской культуры [31, табл. XIX, 6, 7], что делает вероятной принадлежность их к ямной КИО.

Близко к усеченно-челночным стоят параллелограммические (надромбические) КСТМ, с обводами, как бы описываемыми ромб по внешним обводам плавными кривыми. Они находятся на промежуточной позиции между челночными коротких пропорций и ромбическими. Таких среди крымских находок два экземпляра (рис. 10.14, 15). Аналогичных КСТМ известно достаточное количество и среди ямных памятников (рис. 10.18) и среди катакомбных (рис. 10.16, 17).

Тип ромбических КСТМ представлен (кроме катакомбных) одним обломком бойковой части из фондов НЗХТ (7 / 38 ш) найденным в Севастопольском районе. Наличие сегмента сверлины позволяет восстановить его форму (рис. 9.10), если принять за аналог ямный топорик из Бурты I к. 1 п. 3 (рис. 9.11) [23].

Из редких типов КСТМ, можно указать на находки так называемых топоров с задней центровкой. Их характерной особенностью

является удлиненная бойковая часть. К таким может быть отнесен обломок клина из фондов НЗХТ (№ 16528). Клинок сведен к лезвию под широким углом и имеет округлое сечение (рис. 11.7). Такие КСТМ известны в ямной культуре (рис. 11.10), катакомбных памятниках (рис. 11.11). К последним относится катакомбный топорик, найденный в АРК Рюмшино 6 / 16 а (рис. 10.9). Это изделие выделяется своими очень небольшими размерами, хотя из случайных находок Донеччины известно подобное изделие крупных размеров (рис. 11.12). Из Бахчисарайского района происходит тщательно отшлифованный КСТМ этого типа (рис. 11.8), аналоги которому более характерны в культурах круга КИО шнуровой керамики (рис. 11.13).

В фондах НЗХТ (№ 16527) хранится клинок КСТМ, упоминавшийся уже в разделе о КСТМ с коротким бойком. Аналог с округлым лезвием, отдаленно близкий к описываемому (рис. 11.15) делает вероятным предположение о принадлежности КСТМ № 16527 к типу с выделенным бойком. В равной же степени он может принадлежать и к усеченно-челночным видам.

К эпохе средней или началу поздней бронзы, вероятно, принадлежит клинок каменного топора из экспозиции античного отдела НЗХТ (рис. 12.1). Он изготовлен на достаточно высоком уровне из черного камня, немного расширяется к втулке и снабжен нервюрой по спинке. Аналоги находим среди донецких находок [14] (рис. 12.2, 3) также в виде клиновых частей. Их характерной особенностью является симметричное сигментовидное лезвие. Как наиболее вероятную гипотезу, автор принимает зауженную форму бойковой части, исходя из очень близкого целого экземпляра с ассиметричным лезвием (рис. 12.4). Как дальнейшее развитие этого типа можно привести каменный чекан срубной [10] культуры из с. Петровское Волновахского р-на Донецкой обл. (рис. 12.5). Он так же имеет симметричное сегментовидное лезвие и каннелированную спинку клина с продольной нервюрой. Севастопольский КСТМ этого типа принадлежит, судя по всему, к более раннему периоду, культуре многоваликовой керамики или раннесрубной культуре.

Среди топоров-молотков Крыма выделяется тип КСТМ, который без обиняков можно назвать примитивным (рис. 12.6, 7, 8). Они изготавливались из подходящих камней с их минимальной обработкой: внешней шлифовкой и последующим сверлением.

Это можно объяснить отсутствием достаточного числа мастеров по обработке камня, в связи с чем просто не покрывалась потребность в изделиях этого рода.

Среди находок КСТМ в Крыму имеется уникальный образец, хранящийся в Запорожском музее истории оружия (рис. 12.9). Происходит он из Белогорского района. Это КСТМ софиевского типа трипольской культуры. Многочисленные аналоги известны из памятников только этого типа [15]. Крымский образец, тем не менее, сильно выделяется даже из самых близких аналогов высоким качеством выделки (он прекрасно отполирован) и наличием радиальных каннелюр, расходящихся по спинке от втулки, образуя солярный знак. Изготовлен он из яшмовидного камня краснокирпичного цвета. В Крыму таких минералов нет. Этот КСТМ мог попасть на полуостров только в результате межплеменного обмена или как военный трофей. Последнее наиболее вероятно, так как известно, что софиевцы подвергались нападениям ямных племен, которыми было заселено и Крымское предгорье.

Из анализа приведенной подборки можно сделать следующие выводы: во времена бытования в Крыму ямной и катакомбной общностей каменные топоры имели самое широкое распространение, что отнюдь не говорит о миролюбии раннебронзового населения Крыма. На примере каменных чеканов просматривается четкая преемственность типов и линия их развития (рис. 13), выведенная В.И. Клочко [15]. В этом ряду КСТМ из Севастопольского района отчасти выполняет роль недостающего звена (рис. 2.6 и рис. 13.4).

Одновременно можно говорить о тесных контактах ямного и катакомбного сообществ не только в виде боевых столкновений. Налицо взаимопреемственность и дальнейшее развитие отдельных типов, что очень характерно для оружия вообще. По регионам так же прослеживаются ареалы расселения этих

культур: катакомбники тяготеют к степным районам, ямные к предгорьям и горным районам, что, вероятно, объясняется их постепенным вытеснением.

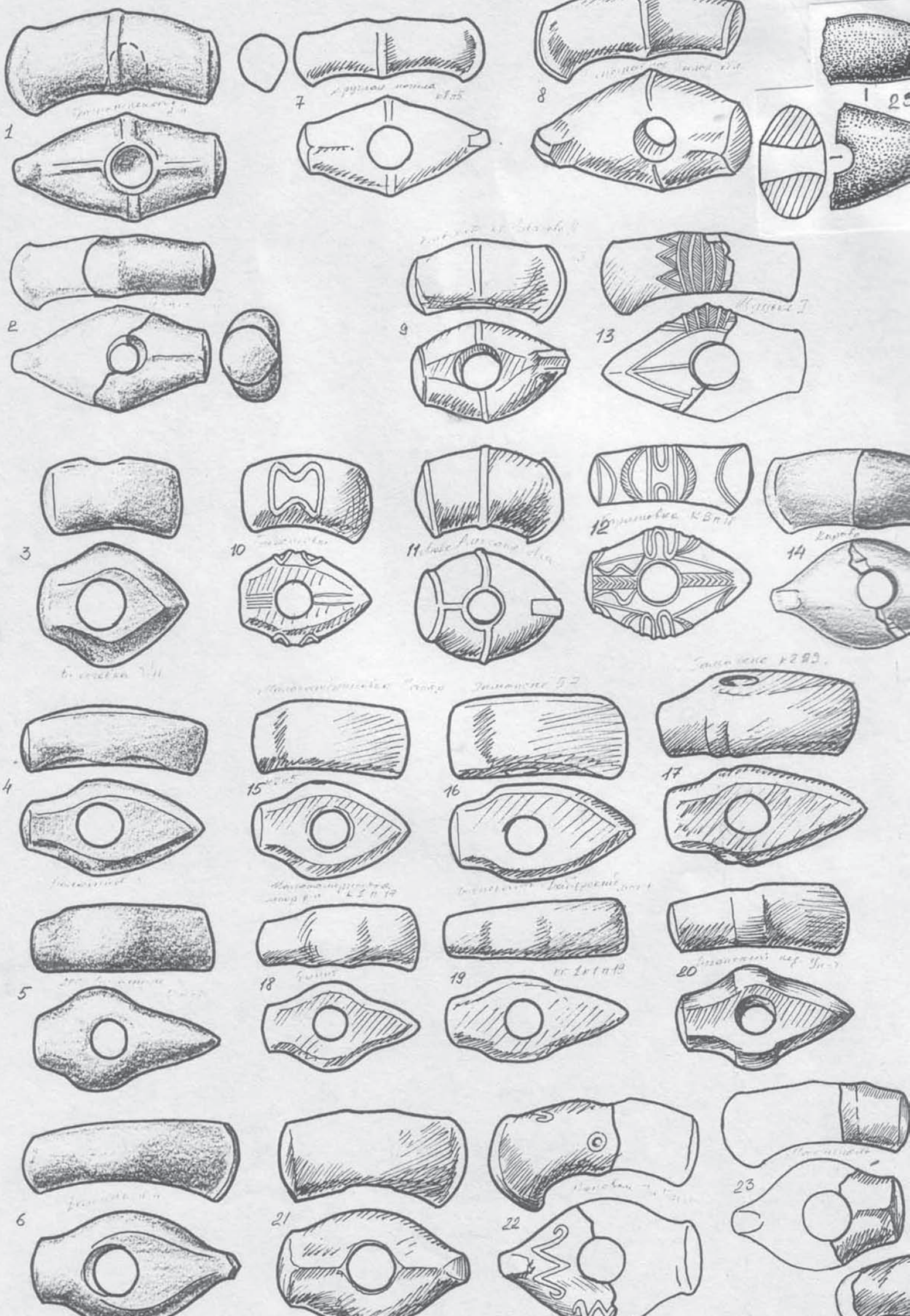
В гористых районах начинают встречаться чаще КСТМ крупных размеров, почему можно судить о возможном совмещении ими рабочих функций, а для отдельных КСТМ — преобладании такого назначения.

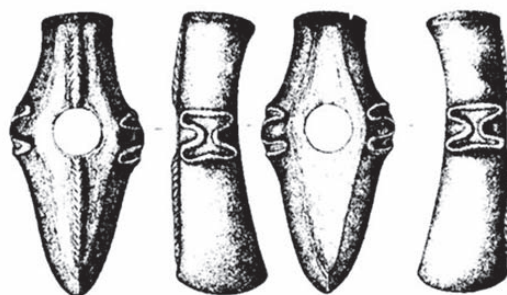
Присутствие среди находок грубо отделанных и примитивных форм (рис. 12.6-8) и упрощенных типов, вроде дергачевских образцов из Севастополя (рис. 8) с квадратного сечения обушками подтверждает предположение о дефиците квалифицированных мастеров-камнетесов или временных упадках этого искусства.

В целом, тема каменных топоров-молотков требует ее дальнейшей более тщательной проработки, расширения используемой выборки, и, в конечном итоге, издания свода КСТМ, что должно облегчить идентификацию памятников эпохи бронзы Крыма, а так же прояснить многочисленные вопросы относительно военного дела племен той эпохи. Кроме того, систематизация массивных КСТМ позволит понять и решить проблемы, касающиеся строительной камнеобработки, горного и землекопного дела. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Санжаров С.Н. Каменные сверленные топоры молотки Донбасса // РА — 1992. — № 3.
2. Уваровъ С.А. Археологія Росіи. Каменный періодъ. — Т. II., М., 1881.
3. Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Российского Исторического музея за 1914 г. — М., 1915.
4. Качалова Н.К. Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга (эпоха бронзы) //САИ, 1974. — Вып. В 4 - 12.
5. Крайнов Д.А. Памятники фатьяновской культуры. Московская группа //САИ, 1963. — Вып. В 1 - 19.
6. Кухаренко Ю.В. Первобытные памятники на территории Полесья //САИ, 1962. — Вып. Б 1 - 18
7. Пузаков Е.В. Каменные сверленные топоры-молоты в верхнем течении р. Северного Донца //СА. — 1962, № 1.
8. Софронов В.А. Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. — Вып. 1. Из-во ЛГУ. — Л., 1968.
9. Брюсов А.Я., Зимина М.Н. Каменные сверленные боевые топоры на территории Европейской части СССР //САИ. — 1960. — В 4 - 40.
10. Полідович Ю.Б., Циміданов В.В. Кам'яна сокира в пам'ятниках зрубної культурно-історичної спільності. //Археологія — 1995, № 2.
11. Братченко С.Н., Сердюкова Ш.Л. Матеріали з музейних колекцій Лівобережної Черкащині. // Археологічні дослідження на Україні 1992 р. — К., 1993 р.
12. Новочихин А.М., Федоренко Н.В. Каменные сверленные топоры — молотки из анапского и новороссийского музеев //РА — 2003, № 4.
13. Белоцерковский Р.В. Каменные топоры из коллекции музея Луганского педуниверситета.
14. Археологический альманах № 1. — Донецк, ДОКМ — 1993.
15. Klochko Viktor I. Weaponry of societies of the Northern-Pontic culture circle: 5000-700 BC. //Baltic-Pontic Studies. — Vol. 10, 2001.
16. Кореневский С.Н. О металлических топорах майкопской культуры //СА. 1974.— № 3; Его же. О металлических топорах Северного Причерноморья и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы // СА. — 1976, № 4.
17. Горелик М.В. Оружие древнего Востока (IV тысячелетие — IV в. до н.э.) — М., 1993; СПб, «Атлант», 2003 г.
18. Щепинский А.А. Культуры энеолита и бронзы в Крыму //СА. — 1966 — № 2.
19. Буров Г.М. Каменный боевой топор бронзового века из окрестностей Симферополя //ССПК. —Т. XII, — 2005.
20. Kaiser Elke. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut //Archäologie in Eurasien. — Band 14.
21. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. — Луганск, 2006.
22. Субботин Л.В. Орудие труда, оружие и украшения племен ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Материалы по археологии Украины. — Одесса, 2003.
23. Щепинский А.А. Памятники Кеми-обинской культуры. — Свод археологических источников. — Запорожье, 1982. — 2003.
24. Колотухин В.А.
25. Tallgren A.M. La Pontide Prescythique apres l'introduction des metaux. //ESA.— II — Helsinki, 1926.
26. Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья УССР. — К., 1957.
27. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры Северного Причерноморья во II тысячелетии до н.э. //ТрГИМ, 1955. — Вып. 24.
28. Лагодовська О.Ф., Шапошникова О.Г. Макаревич М.Л. Михайлівське поселення. — К., 1962.
29. Колотухин В.А., Тоцев Г.Н. Курганные древности Крыма. III. — Запорожье, 2000.
30. Горбатов В.М., Ступко М.В., Туровский Е.Я. Древнее оружие и доспех. Часть I. Время меди. — Симферополь, 2005.
31. Посредников В.А. О ямных миграциях на восток и афанасьевско-протохорская проблема // Донецкий археологический сборник. — Вып. 1. — Донецк, 1992.
32. Археология УССР. Т. 1. Часть третья: Медный век. — К., 1985.





КАТАКОМБНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ 3 КУРГАНА 185 МАМАЙ-ГОРЫ

Охранные исследования на Мамай-Горе у с. В. Знаменка Каменско-Днепровского района (рис. 1) ведутся с 1988 г. За это время исследовано свыше 550 погребальных комплексов, древнейшие из которых относятся к эпохе неолита.

Эпоху бронзы характеризуют все известные в степном Причерноморье культуры — ямная, катакомбная, бабинская, срубная, погребения которых сосредоточены как в курганных насыпях (к. 4, 26, 161, 162, 163, I), так и в грунтовых могильниках. Часть комплексов уже введена в научный оборот [Андрух, Тощев, 1999. — С. 25; 39-40; Андрух, Тощев, 2004. — С. 68 — 96, 99 — 100 — 113; Тощев, 1995; 1997].

В 2005 — 2006 гг. исследовался курган 185, в котором выявлено 17 погребений. Из них 1 энеолитическое; 4 — ЯК; 8 — КК; 1 — эпохи поздней бронзы; 3 — неопределенных.

Первичным можно рассматривать энеолитическое захоронение, позже были совершены ямные, катакомбные и другие захоронения.

Рассматриваемое нами погребение 3 (рис. 2) выявлено на глубине 0,9 м. Входной колодец в плане округлой формы, диаметр 0,8 м, заполнение состояло из материковой глины. Отмеченная глубина входного колодца 0,45 м. Ступенька глубиной 0,63 м ведет в камеру, расположенную к Ю. Свод камеры рухнул в древности. В плане овальной формы (2,6 х, 2,25 м), в черноземном заполнении найден кремень. Юго-восточный край ямы нарушил камеру другой катакомбы (п. 4).

Костяк рослого человека лежал вытянуто на спине, головой на ЮВВ. Череп, нижняя челюсть смещены с места. Рядом с плечевой костью правой руки, частично под ней, находился топор лезвием к С. Полоской охры длиной до 27 см отмечена рукоять, на конце которой комочек охры. Справа от таза лежал обломок раковины, а рядом с правой ногой, вероятно, находился сосуд из бересты, от которого сохранился отпечаток полукруглой формы диаметром 0,2 м и высотой 5–7 см, левее — слой массы черного цвета диаметром до 0,35 м (распавшийся сосуд?). Выше чаши из бересты на дне камеры, ближе ко



Рис. 1. Вид могильника Мамай-Гора с севера. Белыми точками выделены местонахождения пунктов с катакомбными находками

входу, находился необработанный мелкий камень.

Под костяком отмечены тлен коричневого цвета и крупинки охры.

1. Кремьень. Представлен небольшим отщепом светло-серого цвета. Отщеп снят в ударной технике, что подтверждается крупной пяточкой.

2. Топор. Длина 11 см, ширина лезвия 3,7 см, диаметр обушка 3 см, наибольший диаметр в районе отверстия 5 см, диаметр отверстия 2 см. Одна сторона — внутренняя, вогнута, вторая выпуклая. На ней невысокое ребро, украшено елочным орнаментом (изображение колоса)? По боковым сторонам в районе отверстия рельефный орнамент в виде двух вертикальных линий, смыкающихся сверху и снизу зигзаговидными линиями в

виде восьмерки. Вес изделия — 297–298 гр. (рис. 3; 4, 1)¹.

Приведенный выше катакомбный комплекс — первый из 18 курганных погребений этого времени на Мамай-Горе, в котором выявлен орнаментированный топор. Он относится к типу топоров-молотов удлинённых, согласно Клочко-Пустовалову [Клочко, Пустовалов, 1992. — С. 122].

Следует отметить, что подобные находки достаточно редки. В различных районах Запорожской области до настоящего времени известно всего 5 пунктов с орнаментированными изделиями — Заможное-52 г., к. 2 [Попова, 1955. — С. 168, рис. 33.2], Заможное, 5, 2, Виноградное, 31, 6 [Пустовалов, 2005]; Новое Запорожье, 1, 2 [Тихомолова, 1990. — С. 94], Конские Раздоры, 2, 1 [Плешивенко,

¹ Породы камня пока не определены.

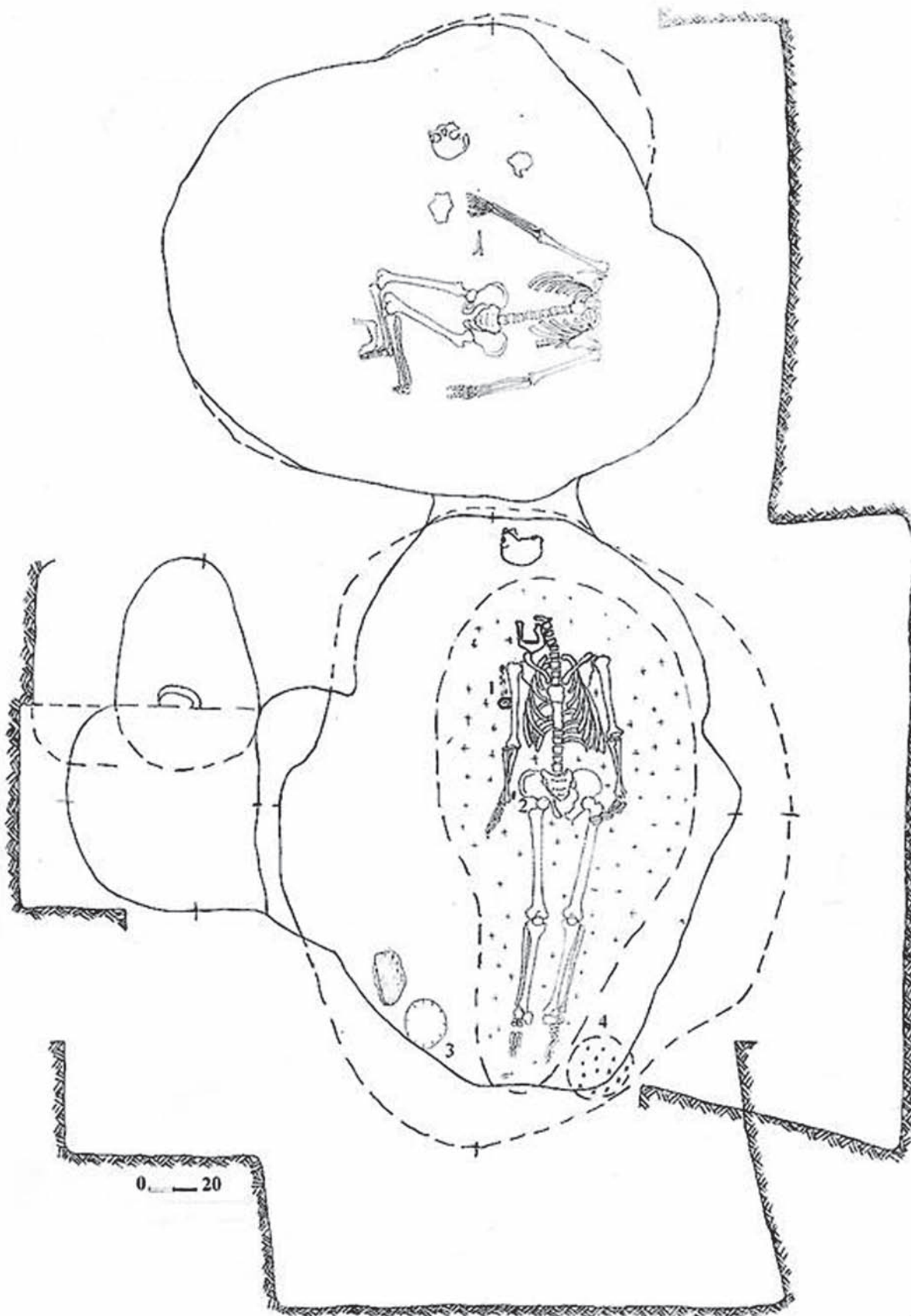


Рис. 2. План погребений 3, 4, 5 к. 185 на Мамай-Горе

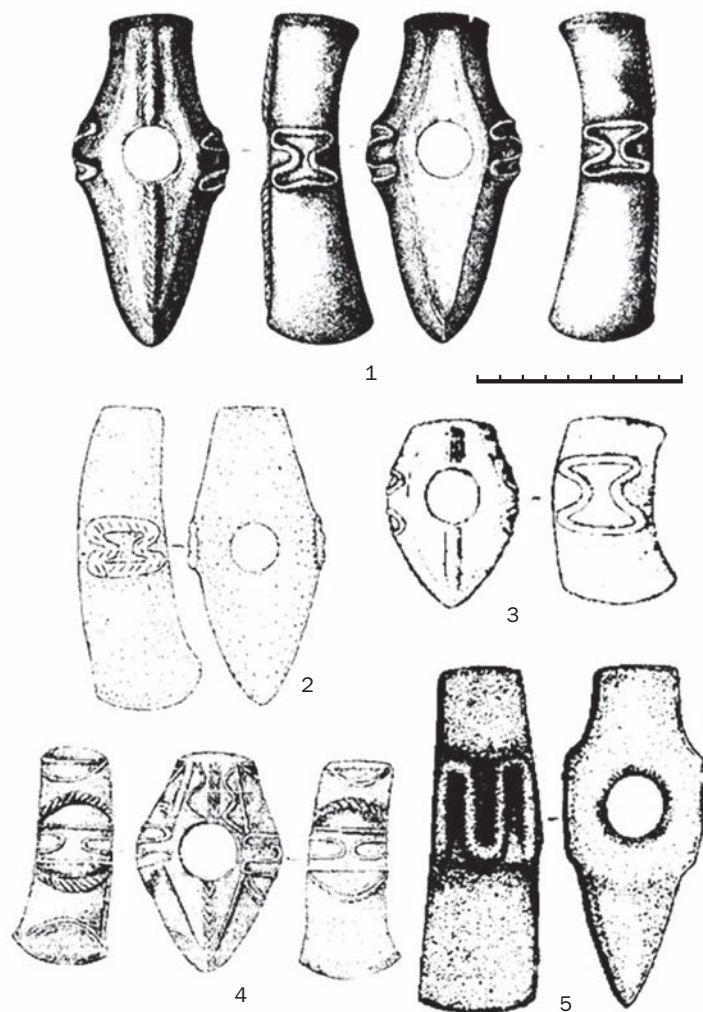


Рис. 3. Топоры-молоты с восьмеркообразными знаками.
 1) Мамай-Гора, 185, 3; 2) Залиман II, 1, 1;
 3) Григорьевка, 1, 1; 4) Баратовка, 2, 18; 5) Конские Раздоры, 2, 1.

1995. — С. 148].

Работу по картографированию находок различных типов топоров, в т.ч. и орнаментированных, в катакомбных погребениях Украины, провела в своем фундаментальном исследовании Е. Кайзер [Kaiser, 2003. — Karten 22, 23]. Результаты показывают, что определенной закономерности и концентрации в определенных зонах не отмечается, в равной мере как и отличий между памятниками с находками топоров с орнаментом и без в разных районах [Kaiser, 2003 — S. 174].

Отметим, что орнамент в различных вариациях разной степени сложности представлен на топорах в различных культурах эпохи ранней и средней бронзы — Эзеро, Троя II, могильник Дворак, ямной, катакомбной, фатьяновской, моравской группе шнуровой керамики и др. [Эзеро, 1979. — С. 168–169, Обр. 04, 105; Пустовалов, 2005. — С. 37, 59; Кузьмина, 2006; Zapotocký, 1966. — S. 195, Abb. 8,2,7; Иванова, 2001; Берестнев, 2001; Ключко, Пустовалов, 1992; Пустовалов, 2005. — 257, рис. 3.1 4; С.293, рис. 3, 36; Эпоха бронзы..., 1994. — С. 265, табл. 77, 14; С. 280, табл. 86, 24–25, Kaiser, 2003. — S. 171–172].

Но подавляющее количество подобных изделий встречено в катакомбных захоронениях ингульской культуры. Изображения колоса отмечены на внешней поверхности 9 известных нам экземплярах — типы топоров-молотов удлиненных и коротких. Они представлены в равном соотношении — Заможное, 5, 2, Горожено, Баратовка, 2, 18; Широкое, 3, 6²; Рахмановка, 4, 12³. В 5 случаях колоски углами направлены к лезвийной части (Новое Запорожье, 1, 2; Николаевка-83, 1,4; Широкое, 3, 6; Баратовка, 2, 18; Рахмановка, 4, 12⁴), углами друг к другу (Заможное, 2, 9; Горожено), углами в разные стороны (Заможное, 5,

² С.Ж. Пустовалов приводит как пункт Широкое, 3, 16 [2005. — С. 257, рис. 3.1, 4], правильно — 3, 6. См. [Крилова, 1971; Ключко, 2006. — С. 111, рис. 43, 3]

³ Пустовалов С.Ж. и Ключко В.И. указывают как 4, 13 [Пустовалов, 2005. — С.257, рис. 3.1, 2; Ключко, 2006. — С. 112, рис. 44, 6). См. Крилова, 1971].

⁴ Сравни расположение колосков на этом экземпляре (Крилова, 1971. — табл. IV и Пустовалов, 2005. — С. 257, рис. 3.1, 2; Ключко, 2006. — С.С. 112, рис. 44, 6).

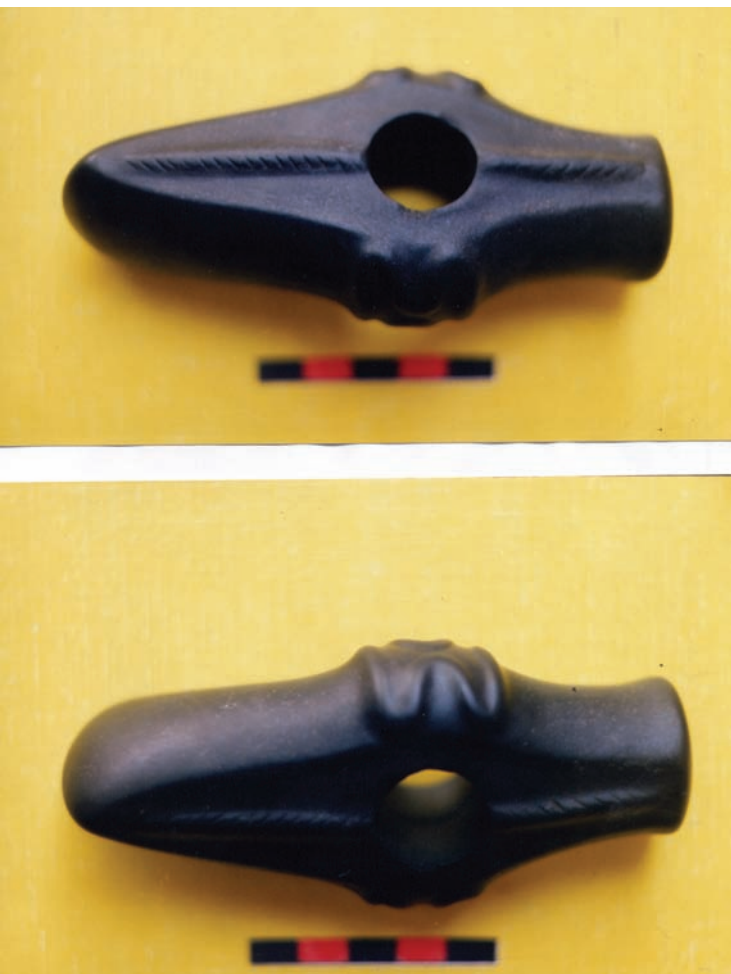


Рис. 4. Вид топора-молота из погребения 3 кургана 185.

2; Мамай-Гора, 186, 3).

Во всех случаях колосок является составной частью более сложного геометрического орнамента — композиции из овалов, окружностей, дуг, треугольников и др, который захватывает и боковые грани.

И.Н. Шарафутдинова отмечала, что «елочка или колосок» занимали центральное место в орнаментальной композиции топоров-молотов и выступали символом дерева жизни [Шарафутдинова, 1980. — С. 67].

Лишь на отдельных орнаментированных в разной степени экземплярах отсутствует изображение целого слитного колоса — Бешево, Радионовка, 7, 9. Но здесь, не исключено, можно усматривать разъединенный колос.

Восьмеркообразный знак на боковой грани мамай-горовского экземпляра соответствует изображениям на топорах из позднекатакомбного погребения Залиман-II 1, 1 [Берестнев, 2001. — С. 203, рис. 44, 2] и Григорьевка, 1,1 [Ковалева и др., 1989], Николаевка-83, 1, 4 [Санжаров, 1988. — С.141; Братченко, 2006. — С.288, рис. 34, 10], отдаленное сопоставление можно провести и с топором из Конских Раздор [Плешивенко, 1995. — С. 148, рис. 2, 5] — (на этих изделиях знаки на боковых гранях являются единственными), с пышно орнаментированным топором из Баратовки 2, 18 (рис. 3, 2–5).

В.И. Клочко отмечает, что «врезанный» орнамент является одним из признаков топоров-молотов ингульской культуры [2006. — С. 79]. В более ранних памятниках Северного Причерноморья топоры с элементами орнамента (каннелюры или желобки на боковых сторонах в районе расширения) выявлены в единичных погребениях — Бараново, 1, 10; Новый Мир, группа II, 2, 6 (Иванова, 2001; Андросов, 1986. — С. 70, рис. 2, 11).

Подобные встречи и в синхронных памятниках — Головковка, 24, 2 [Полин, Тупчиенко, Николова. 1994. — С.50], Каменка-II, 5.6 [Андросов, Яременко, Мартюшенко, 1990, С. 17, рис. 5, 4], Бурлацкое, 3, 4 [Санжаров, 1991. — С. 245, рис. 6, 1]. Но последние бытуют параллельно с пышно орнаментированными изделиями, образующими различные вариации

знаковых систем.

За исключением случайной находки из Горожено, рассматриваемые комплексы характеризуют погребения ингульского типа — с вытянутыми костяками.

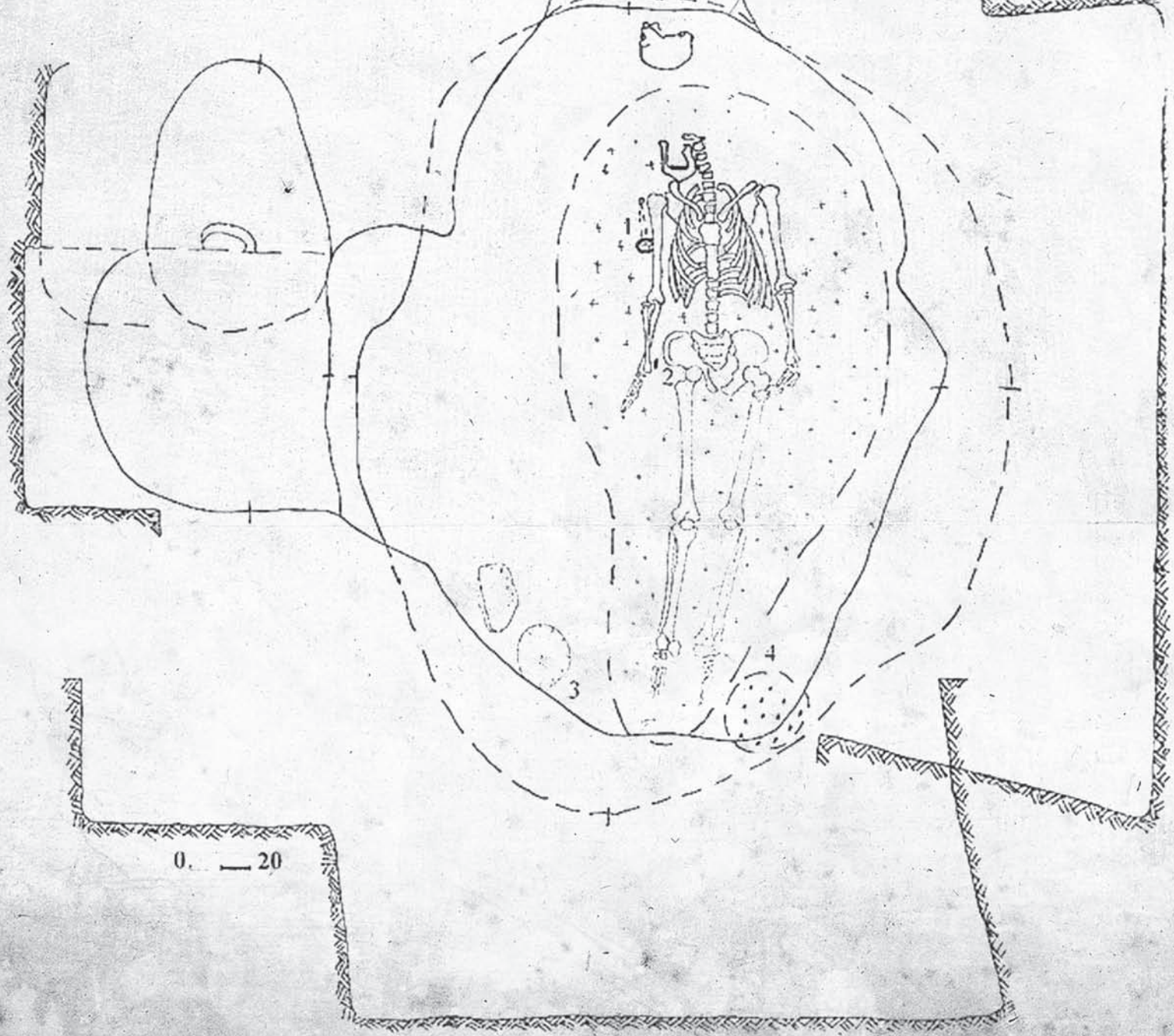
Находки орнаментированных топоров единичны в Приазовье (исключение — Бешево, с. н; Николаевка-83, 1, 4; Беловодск, 6, 2⁵), Северо-Западном Причерноморье (Тирасполь), Крыму (Кеми-обинский курган). Их концентрация на позднем катакомбном этапе — времени существования ингульских памятников — отмечается между Южным Бугом и Днепром (Kaiser, 2001), включая Приазовье. Обнаруженные за этими пределами единичные экземпляры можно рассматривать как результат разносторонних контактов.

Этот период характеризуется многими инновациями, с ним некоторые исследователи связывают появление и распространение знаковой системы [Пустовалов, 2005. — С. 94–99]. Дальнейшее накопление материалов, детальная разработка вопросов типологии и орнаментации каменных топоров-молотов различных культур позволит в определенной мере приблизиться к решению некоторых слабо разработанных проблем эпохи бронзы. ■

⁵ Топор входил в состав большого количества инвентаря [Братченко, Санжаров, 2001. — С. 27, рис. 16, 3].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андросов А.В. Курган эпохи бронзы у села Новый Мир // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1986. — С.67-78.
2. Андросов А.В., Яременко И.И., Мартюшенко Д.В. Курганы эпохи энеолита-бронзового века Каменского поля // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1990. — С.4-22.
3. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. — Запорожье, 1999 — 232 с.
4. Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга III. — Запорожье, 2004. — 201 с.
5. Берестнев С.И. Восточнукраинская лесостепь в эпоху средней и поздней бронзы (II тыс. до н.э.). — Харьков, 2001. — 264 с.
6. Братченко С.Н. Левенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века // Матеріали та дослідження з археології Східної України. — №6. — Луганськ, 2006.
7. Братченко С.Н., Санжаров С.М. Рідкісні бронзові знаряддя з катакомб Сіверськодонецчини та Донщини III тис. до н.е. — Луганськ, 2001. — 108 с.
8. Иванова С.В. Социальная структура населения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья // Одесса: Друк, 2001. — 244 с.
9. Клочко В.И., Пустовалов С.Ж. До реконструкції озброєння та військової справи катакомбного суспільства Північного Причорномор'я // Праці Центру пам'яткознавства. — Випуск 1. — Київ, 1992. — С.118-141.
10. Клочко В.И. Озброєння та військова справа давнього населення України. — Київ, 2006. — 336 с.
11. Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Матюшенко Д.В. Курганы эпохи бронзы степного правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья. — Днепропетровск, 1989. — С.4-26
12. Кузьмина О.В. Каменные сверленные топоры Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. — Самара, 2006. — Вып. 4. — С.334-349
13. Полин С.В., Тупчиенко Н.П., Николова Л.В. Курганы верховьев Ингульца (Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка). Вып. 3. — Кировоград, 1994. — 96 с.
14. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. — М., 1955. — 180с.
15. Плешивенко А.Г. Курганный могильник у с. Конские Раздоры // ДСПК. — Т. V. — 1995. — С.143-159
16. Пустовалов С.Ж. Суспільний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я. — Київ, 2005. — 412 с.
17. Санжаров С.Н. Позднекатакомбные погребения из Северо-Восточного Приазовья // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. — Киев, 1991. — С.235-253.
18. Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. — 1988. — №1. — С.140-158.
19. Тихомолова И.Р. Катакомбные погребения правого берега р. Днепр из раскопок Запорожского краеведческого музея // Тезисы докладов Всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности». — Запорожье, 1990. — С. 93-95.
20. Тощев Г.Н. Грунтовый могильник катакомбного времени на Мамай горе // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Т.V. — Запорожье, 1995 — С.32-40.
21. Тощев Г.Н. Памятники неолита и бронзы на Мамай-Горе (по материалам раскопок 1988-1995) // Древности степного Причерноморья и Крыма. — VI.-Запорожье, 1997. — С.71-84.
22. Шарафутдінова І.М. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. — № 33. — 1980. — С.60-70.
23. Эзеро. Раннебронзового селище. — София, 1979. — 548 с.
24. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. — М., 1994. — 394 с.
25. Kaiser Elke. Studien zur Katakombengrabkultur zwischen Dnepr und Prut // Archeologie in Eurasien. — Band 14. — Mainz am Rhein, 2003. —425 S.
26. Zapotocký M. Streitäxte und Streitaxtkulturen // Pamätky archeologické. R. LVII. Č. 1. — 1966. — S. 172-209.





СКІФСЬКІ СОКИРИ-СКІПЕТРИ З МУЗЕЮ ІСТОРІЇ ЗБРОЇ У м. ЗАПОРІЖЖІ

Рідразу зазначимо, що знахідки бойових сокир у пам'ятках скіфського часу, на відміну від коротких мечів-акінаків та списів, не кажучи вже про сагайдачні набори, досить нечисленні. Це може бути пов'язано із тим, що сокири були, перш за все, зброєю знатних скіфів. Про це свідчать деякі факти.

По-перше, згідно з однією зі скіфських етногенетичних легенд, серед свячених золотих дарів, що впали з неба при синах прародителя скіфів - Таргітая, була й сокира. Оволодіти дарами пощастило наймолодшому брату – Колоксаю, який і став родоначальником скіфських царів [Геродот, IV, 5].

По-друге, бойові сокири у деяких випадках зображені підвішеними до поясу на скіфських антропоморфних статуях, котрі за переконливою думкою М.І. Артамонова [1, с. 79], являють собою втілений у камені образ героя-родоначальника. Наприклад, саме сокира зображена на відомій кам'яній статуї з Нововасилівки (Рис. 1). Не випадково, як свідчить Геродот [IV, 70], під час укладення клятвеної угоди скіфи, які домовлялися, занурювали у чашу, де були

змішана їхня кров та вино, зброю, серед котрої була й сокира. Таким чином, сокира ніби освячувала угоду.

По-третє, на предметах грецької торетики, що знайдені у багатих пам'ятках скіфського часу Східної Європи, сокири зображені у руках воїнів, вірогідно аристократів. Насамперед, це зображення на срібному келиху з Частих курганів, що поблизу Воронежу (Рис. 2).

Скіфські бойові сокири стали предметом детального аналізу В.А. Іллінської² та А.І. Мелюкової³. Перша з них поділила бойові сокири на клиновидні сокири, клювці та сокири-молотки⁴. Згідно даним В.А. Іллінської, на момент підготовки її публікації на території Північного Причорномор'я було виявлено близько 60 екземплярів як робочих, так і бойових сокир⁵.

Нині їхня кількість, зрозуміло, дещо збільшилася, але незначною мірою.

Крім того, В.А. Іллінська підтримала думку М.І. Ростовцева, засновника скіфознавства як окремої галузі історико-археологічної науки, про виділення у окрему групу невеликих вотивних бронзових сокирок⁶. Як вважав

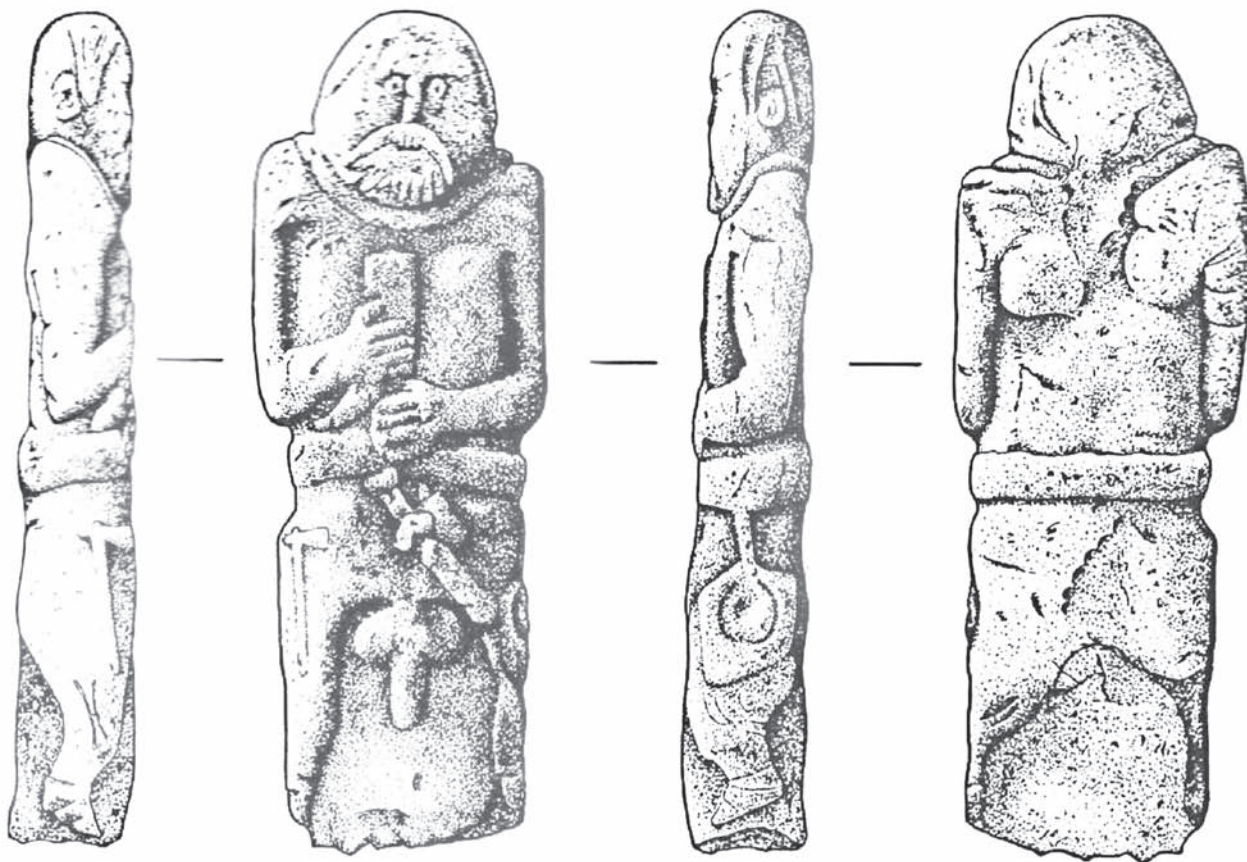


Рис.1. Скіфська стела з кургану поблизу с. Ново-Василівка

М.І. Ростовцев, такі сокирки були своєрідними скіпетрами, що являли собою символи влади скіфських царів.

Але, як слушно зауважила В.А. Іллінська, в усіх науково зафіксованих випадках вони були виявлені в похованнях представників середнього скіфського шару і могли служити військовими знаками ватажків родових скіфських загонів або інших невеликих загонів скіфського війська. Це спостереження добре підтверджується, зокрема, знахідкою бронзового молоточка-скіпетра у вигляді голови хижого птаха в похованні № 25 Кічкаського могильника, що датується V ст. до н. е., у невеликій могильній ямі разом з іншим дуже скромним інвентарем⁹.

Загалом В.А. Іллінською було враховано 9 екземплярів подібних сокирок. У останній час до них додався ще один – це витончена бронзова сокирка, обух котрої виконаний у вигляді голови грифона, що була знайдена в кургані № 18 біля с. Львово на Херсонщині¹⁰.

Заслуговує на увагу той факт, що у відомому ольвійському декреті III ст. до н. е. на честь Протогена, який зміг підготувати дари для Сайтафарна, царя саїв - чи то скіфів, чи то сарматів, якій привів своє військо під мури Ольвії для так званого «годування», що було своєрідною формою данини, згадується не тільки сам цар, а й багато його скіпетроносців. Досить поширеною є думка, що Сайтафарн був царем пізніх скіфів пониззя Нижнього Дніпра¹¹.

Зрозуміло, що зважаючи на відносно невелику кількість бронзових вотивних сокирок, котрі, за слушною думкою В.А. Іллінської, були символом влади ватажків невеликих військових загонів, виникає цілком закономірне питання – чим позначалася влада середньої та вищої скіфської аристократії.

Про інсигнії царської влади дає яскраве уявлення відома сокира VII ст. до н. е. з кургану № 1 біля ст. Келермеської, що у Адигеї. Сама сокира виготовлена із заліза та насаджена на дерев'яне руків'я довжиною 72,3 см. Руків'я



Рис.2. Срібний келих з Частих курганів

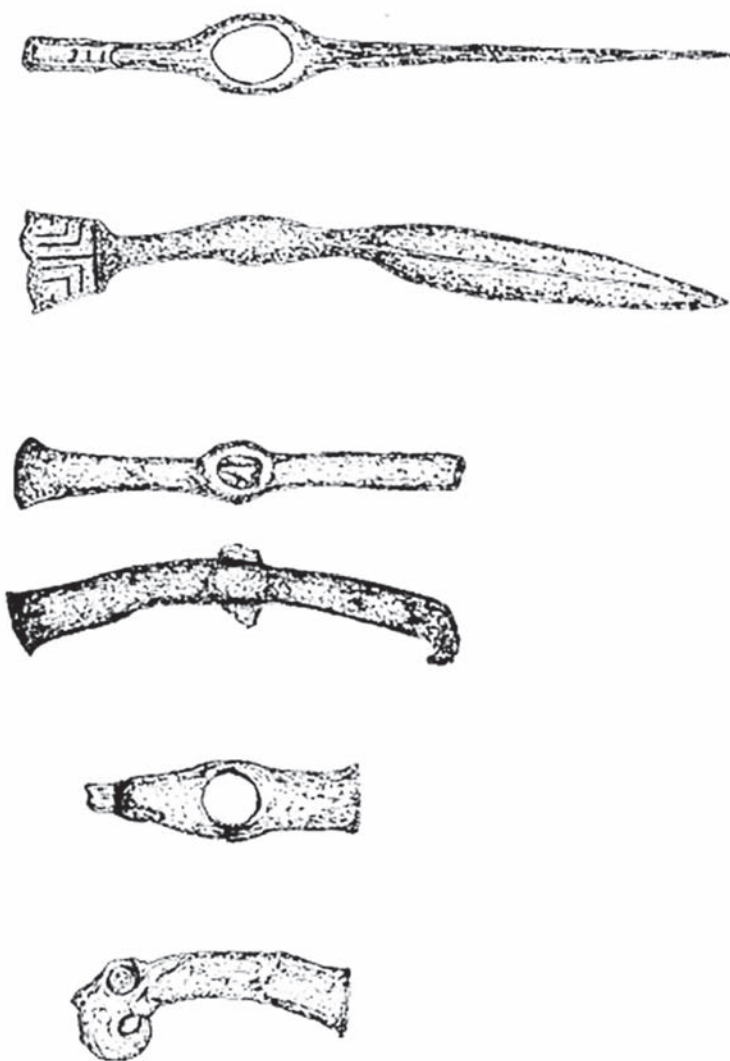


Рис.3. Сокира-скіпетри з музею історії зброї

було всуціль вкрите золотим листом, прикрашеним виконаними у високому рельєфі фігурами фантастичних тварин, у характерному для Передньої Азії художньому стилі. Схожими золотими пластинами були прикрашені обух та отвір для руків'я. Унікальність цієї сокири цілком дозволяє погодитися з думкою В.А. Киселя¹², що вона була символом сакральної влади скіфського царя.

Якщо бронзові вотивні сокирки та келермеська сокира нібито уособлюють два полюси у реальній ієрархії скіфського суспільства, то що ж являли собою скіпетри середньої та вищої скіфської аристократії?

На нашу, можливо гіпотетичну думку, вони можуть бути репрезентовані сокирами-ключцями та сокирами-молотками.

Вони практично ніколи не були виявлені у похованнях рядових скіфських воїнів, а походять з курганів скіфської знаті. Крім того, можливо найраніші (вірогідно, VII або початку VI ст. до н. е.) з ключців скіфського типу, що походять з поховання поблизу Цукур-Лиману на Таманському півострові¹³ та зі станиці Гостагаєвської Краснодарського краю¹⁴, виготовлені з бронзи, котра на той час для виготовлення зброї (за виключенням литих наконечників стріл) вже не використовувалася. Проте, сакральний характер бронзової зброї може бути підтверджений тим, що саме з бронзи були виготовлені дві пари бронзових жертвних ножів, що походять з кургану VI ст. до н. е. Репехов'ята Могила, що на Черкащині¹⁵.

А.І. Мелюкова¹⁶, зваживши на відносно невелику кількість бойових сокир, що знайдені на території степової частини Північного Причорномор'я порівняно з пам'ятками Лісостепу, зокрема з курганами Посулля, дійшла висновку, що цей вид зброї мав лише другорядне значення у скіфському військовому побуті.

Проте, вона не врахувала, що у північнопричорноморських степах виявлено лише трохи більше 100 скіфських поховань VII – V ст. до н. е.¹⁷, тоді як В.А. Іллінська впевнено ототожилила зі скіфськими дружинними некрополями епохи архаїки кургани Посулля.¹⁸ Саме цим й можна пояснити, чому у посульських курганах виявлено так багато бойових сокир – щонайменше 21¹⁹.

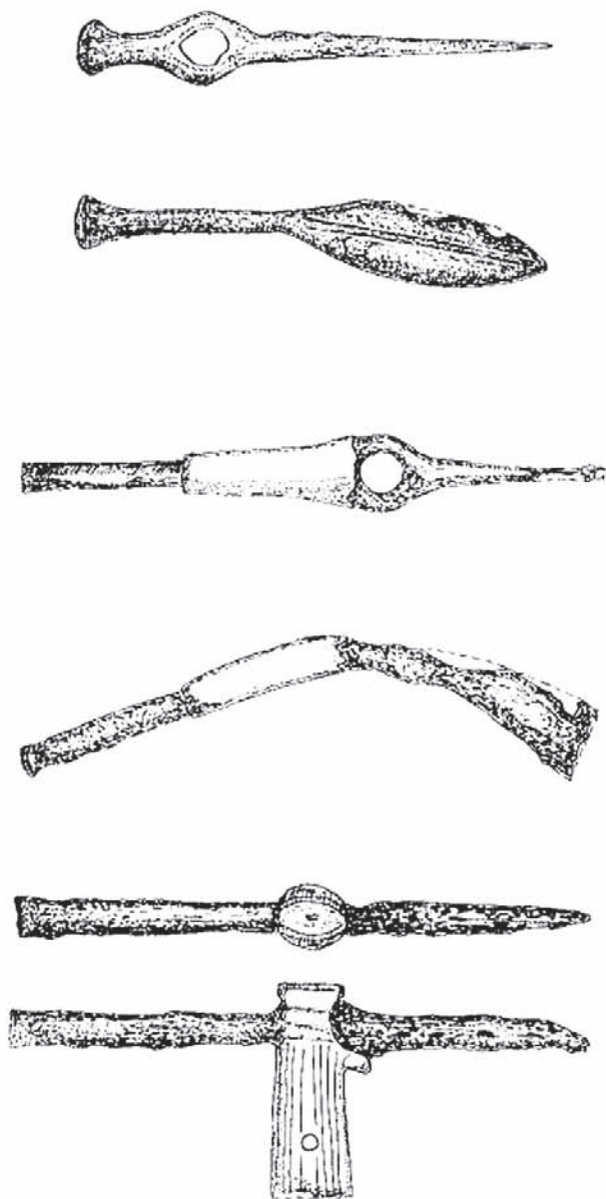


Рис.4. Сокира-скіпетри з Музею історії зброї

Щодо ключців з пам'яток Північного Причорномор'я, то найбільший їх набір був виявлений у Бердянському кургані початку IV ст. до н. е., котрий, скоріш за все, був усипальницею одного з правителів великого військово-територіального об'єднання скіфів (Геродот називає їх номархами), які, вірогідно, були представниками царського скіфського роду. Як і інші оздоби кінської вузди та предмети озброєння, чотири залізних та один біметалічний ключця було підвішано на залізному гаку, вбитому у стінку поховальної камери Центральної могили²⁰.

Унікальним для скіфських старожитностей є біметалічний ключець. Він довгий та дещо вигнутий, а обушок прикрашений бронзовою обоймою, верхня частина якої виконана у вигляді голови людини. Не викликає сумніву, що даний ключець мав сакральне навантаження та був символом влади.

Отже, після такого короткого огляду питання про скіфські бойові сокири, перейдемо до тих, що зберігаються у Музеї історії зброї у м. Запоріжжі (вірогідно, вони походять із пам'яток Таманського півострова, де мешкали споріднені зі скіфами племена синдів та меотів), та котрі сокири ми вважаємо символами влади.

По-перше, це невелика (довжина 9 см) вотивна сокирка (Рис. 3, 1; 6), але на відміну від інших подібних виробів, вона виготовлена не з бронзи, а є суцільно залізною. Діаметр провуха – 1,7 см. Одна частина сокирки має вигляд молотка, інша – прикрашена зображенням голови хижого птаха, скоріш за все фантастичного грифона із загнутим дзьобом та великими очами. На жаль, у зв'язку з корозією металу виявити усі деталі зображення неможливо. Але, безперечно, за своєю стилізацією це зображення дозволяє датувати дану сокирку VII – першою половиною VI ст. до н. е. Адже саме таким чином були оформлені багато речей епохи скіфської архаїки. Наприклад, це кістяні наконечники дерев'яних піхов мечів з Тлійського могильника у Південній Осетії, зокрема з поховання № 246²¹, або верхня частина кістяного псалія з кургану VI ст. до н. е. Старша Могила у Посуллі²². Серед інших аналогічних зображень можна згадати й оформлення верхньої частини бронзових

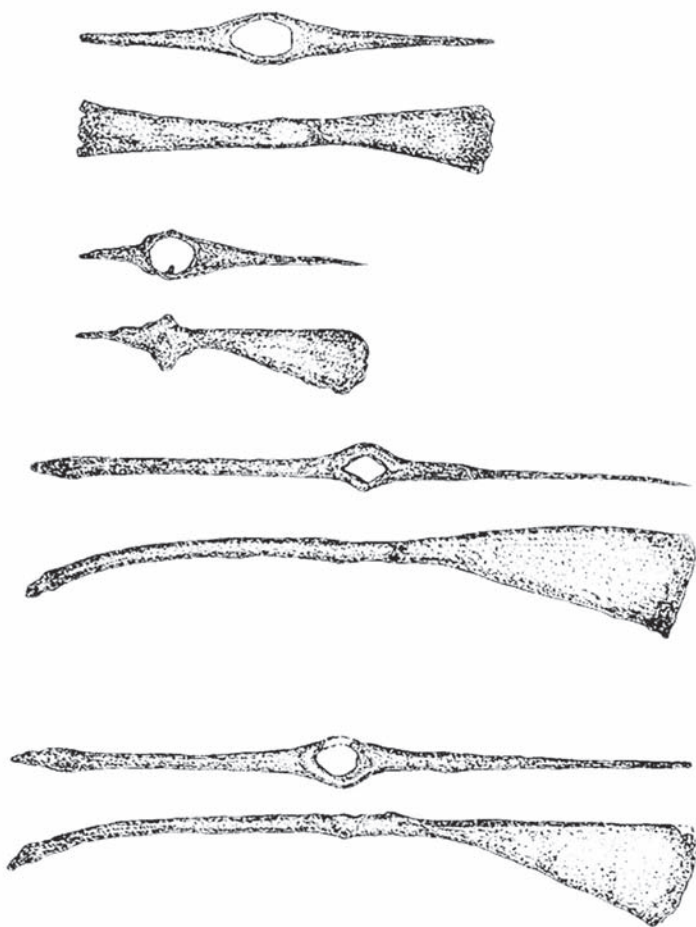


Рис.5. Сокира-скіпетри з Музею історії зброї



Рис.6. Сокира-скіпетри з Музею історії зброї

псалиїв з кургану № 6 поблизу хут. Червоний Прапор, що у Ставропольському краї, котрий датується другою половиною VII ст. до н. е.²³.

Інші сокири-скіпетри з Музею історії зброї відносяться до категорії сокир-клювців та сокир-молотків.

Розглянемо спочатку найдавніші з них. Безумовно, до їх числа відноситься, перш за все, біметалічний клювець (Рис. 4, 1; 9). Його залізна бойова частина довжиною 22 см, що складається з кіркоподібного клинка та молотковидного обуха, з'єднана з бронзовою втулкою, нижній отвір якої дорівнює 28 мм. У втулці є невеликий отвір, що забезпечував надійне кріплення клювця до дерев'яного руків'я за допомогою якоїсь металевої стрижня.

Аналогій цьому клювцю відомо не дуже багато. Перш за все це північнокавказькі екземпляри з Перкальського могильника²⁴ та знахідка поблизу сел. Гунделен²⁵. Як вважає В.Б. Віноградов²⁶, у населення Північного Кавказу вони з'явилися унаслідок зв'язків з «ананінським світом» через посередництво савроматських племен.

Дійсно, у пам'ятках савроматів відомо кілька екземплярів таких клювців. Наприклад, це біметалічний клювець, знайдений поблизу Оренбургу²⁷.

Подібні клювці зустрічаються й у пам'ятках ананінської культури. Зокрема це оригінальний клювець довжиною 17 см, що походить з сел. Велика Тояба. Він має подібний до дзьоба залізний клинок, бронзовий провух, що переходить у залізний обух зі шлямпою на кінці. Бронзова частина декорована геометричним орнаментом. Цей клювець, який А.Х. Халіков безперечно вважає символом влади, датується, приблизно, VII – VI ст. до н. е.²⁸

До ранніх екземплярів відносяться ще кілька клювців з експозиції музею. Серед них залізний клювець довжиною 175 мм з кинджалоподібним клинком, овальним провухом та молоткоподібним обухом (Рис. 4, 3; 11). Даний виріб є зброєю рідкого типу, найближча його аналогія – клювець з поховання № 258 Тлійського могильника²⁹.

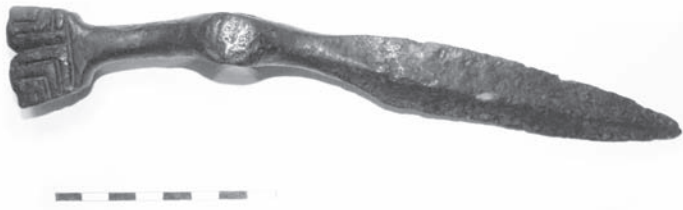


Рис.7. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.8. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.9. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.10. Скіфська сокира з Музею історії зброї

Унікальним є ключець (довжина 237 мм), який також має кинджалоподібний, трохи вигнутий клинок та обух у вигляді молотка. На закінченні обух має розширення, прикрашене геометричним орнаментом (Рис. 3, 3; 7). Близьких аналогій йому нам невідомо, хіба що можна дещо порівняти його зі вже згадуваними ключцями зі станиці Гостигаєвської та з сел. Велика Тояба, але перший є бронзовим, а останній - біметалічним, а його геометрична орнаментация більш пишна. Проте це може вказувати на досить ранню дату (вірогідно, у межах VII - першої половини VI ст. до н. е.) ключця з Музею.

До досить рідкого типу відносяться й бойові залізні сокири, одна з частин котрих являє собою типовий ключець, а інша має вигляд сокири з широким лезом. Дві з них досить масивні та мають довжину 327 мм (Рис. 5, 1; 12) та 315 мм (Рис. 5, 2; 13). Третя менша за розмірами (довжина 134 мм), а її ключовоподібна частина вельми коротка (Рис. 5, 3; 14). Інших подібних залізних сокир ми не знаємо, певною аналогією їм може бути бронзовий ключець з Цукур-Ліману, що вже згадувався. Незважаючи на те, що вони виготовлені з різного матеріалу, їх типологічна близькість дозволяє датувати ці три сокири із зібрання Музею приблизно VII – VI ст. до н.е. На жаль, як і у інших випадках, точне визначення їхньої дати утруднено відсутністю даних про речі, що були знайдені разом з ними.

Ще один виріб відноситься до категорії сокир-молотків. За В.А. Іллінською³⁰, вони є основним типом скіфських бойових залізних сокир. Дослідниця поділила їх на три типи: дуговидно вигнуті; з прямою спинкою та з лопаттю, що симетрично розширюється до леза.

До першого типу відноситься залізна сокира довжиною 227 мм, що нібито походить з околиць м. Геленджик (Рис. 4, 2; 10).

Нарешті згадаємо ще дві незвичні бойові залізні сокири. Одна з них, довжиною 193 мм (Рис. 5, 4; 15), має пряму спинку та складається із двох клиноподібних лез. Друга – це сокира-молоток довжиною 150 мм, обух якої вигнутий до низу у вигляді гачка (Рис. 3, 2; 8).

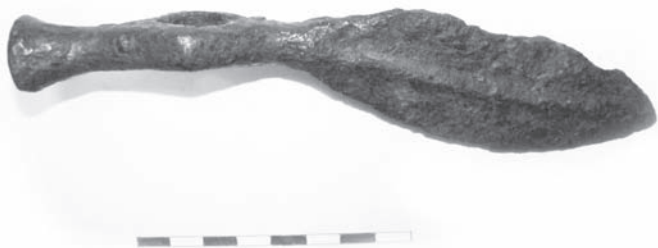


Рис.11. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.12. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.13. Скіфська сокира з Музею історії зброї



Рис.14. Скіфська сокира з Музею історії зброї

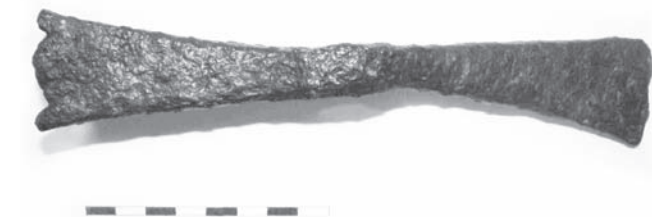


Рис.15. Скіфська сокира з Музею історії зброї

Ми ще раз нагадуємо, що наша думка про такі сокири, як про своєрідні скіпетри не є безперечною, але сподіваємось, що публікація цієї колекції, ще не введеної до наукового обігу, буде сприяти вивченню бойових сокир скіфського типу. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артамонов М.И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ.— Вып. 2.— 1961.— С. 79.
2. Іллінська В.А. Скіфські сокири // Археологія. — Т. XII.— 1961.— С. 26–48.
3. Мелюкова А.И. Вооружение скифов.— САИ.— Вып. Д 1–4.— М., 1964. — 91 с.
4. Іллінська В.А. Скіфські сокири. — С. 31.
5. Іллінська В.А. Вказ. праця. — С. 27.
5. Іллінська В.А. Вказ. праця. — С. 44–46.
6. Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК.— Вып. 49.— 1913.
7. Іллінська В.А. Скіфські сокири. — С. 46–47.
8. Добровольський А. Звіт за археологічні дослідження на території Дніпрельстану р. 1927 // Зб. Дніпропетр. краєвого іст.—арх. музею. — Т. 1. — 1929.— С. 80–82.
9. Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В. Скифские курганы у с.Львово на Херсонщине // Древности Степной Скифии.—К., 1982.
10. Артамонов М.И. Скифское царство в Крыму // Вестник ЛГУ.— №8.—1948; Болтенко М.Ф. Канкит ольвийского декрета в честь Протогена // СА.— Т.28.— 1958; Полин С.В. От Скифии к Сарматии.— К., 1992.— С.109.
11. Кисель В.А. Священная секира скифов.— СПб., 1997.— С.46.
12. Прушевская Е. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК.— Вып.63.— 1917.
13. Новичихин А.М. Бронзовый клевец из станицы Гостогоаевской // Археологический вестник.— №12.— 2005.
14. Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И. Курганы VI в. до н.э. у с.Матусов // Скифия и Кавказ.— К., 1980.— С. 49–51.
15. Мелюкова А.И. Указ. соч. — С. 66.
16. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья.— К., 1984.
17. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— К., 1968.— С. 187.
18. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— С. 92.
19. Мурзін В.Ю., Фіалко О.Є. Зброя з Бердянського кургану // Археологія.— №3.— 1998.— С. 107–108.
20. Техов В.Б. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII – VI вв. до н.э. // Скифия и Кавказ.— К., 1980.— Рис. 18, 2–3.
21. Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья.— Табл. IV, 2.
22. Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северином Кавказе.— Москва—Берлин—Бордо.— 2006.— С. 112–113, табл. 62.
23. Егоров Н.М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды // КСИИМК.— Вып. 58.— 1955.— С. 58, рис. 20,3.
24. Виноградов В.Б. Центральный и Северо—Восточный Кавказ в скифское время.— Грозный, 1972.— С. 125.
25. Виноградов В.Б. Указ. соч.— С. 125.
26. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.— САИ— Вып. Д1—9.— М., 1963.— Табл. 14, 34.
27. Халиков А.Х. Волго—Камье в начале эпохи раннего железа. VIII – VII вв. до н.э.— М., 1997.— С. 179, рис. 68, 5.
28. Техов В.Б. Указ. соч.— С. 236, рис. 19, 4.
29. Іллінська В.А. Скіфські сокири.— С. 3.





К ВОПРОСУ О ПРОИЗВОДСТВЕ ДРЕВКОВ СТРЕЛ ДЛЯ ЛУКОВ КОЧЕВНИКАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Принято считать, что большинство древков стрел у древних и средневековых народов изготавливалось из дерева [1, с. 21; 2, с. 49]. При этом ссылаются на то, что монгольские, в частности, воины своими руками делают древки стрел из дерева [3, с. 78]. Однако летописные описания перестрелки лучников и конкретных боев упоминают, «тучи стрел», выпускаемых обоими противниками. Изготовление же древка стрелы из дерева было делом довольно трудоемким, а главное длинным (с осени сделать заготовки подходящей древесины, долго сушить ее и т. д. [2, с. 49]), не говоря уже о необходимости иметь для этого целый ряд специальных инструментов и приспособлений – струги, напильники, бруски, абразивы и т. д. [2, с. 49].

Подтверждают это многие исследователи древних луков и стрел. Так, В.Н. Васильев, изучавший вопросы производства и баллистики стрел сарматов Южного Урала, писал: «... Процесс изготовления деревянных стрел, особенно в условиях степи, был весьма трудоемким и дорогостоящим, поскольку, кро-

ме непосредственного изготовления древка, сама древесная порода требовала дополнительной обработки» [5, с. 21; 6, с. 30]. Не менее сложным был этот процесс и в Древней Руси. Все его стадии довольно хорошо известны [10]. Основной частью стрелы было древко, обеспечивающее направление полета. Оно представляло собой круглый в сечении деревянный или камышовый прямой стержень. Древко должно было быть крепким и легким.

В Киевской Руси стрелы делали из сосны, ели, березы, реже – из другого прямого дерева. Наиболее пригодными считались старые деревья, они были тверже, жестче и крепче, нежели молодые. Древесину рекомендовалось заготавливать с осени, когда в ней менее всего влаги. Дерево рубили или распиливали на чурки необходимой длины, отвечающей длине стрел и просушивали в течении двух и более месяцев. После просушивания чурки аккуратно раскалывали на заготовки несколько более толстые нежели древко стрелы. Потом его обстругивали и подвергали дальнейшей обработке. Именно



Рис. 1. Союзники армии Мамаю. Армянский легковооруженный пеший лучник

*«... Потому тем стрелам цены не было:
Колоты они были из трость-дерева,
Строганы те стрелки во Новгороде,
Клеены они клеом осетра-рыбы,
Перены они перыцем сиза орла»*

[11, с. 23–24].

Длина стрел колебалась в зависимости от величины силы лука, от роста, силы и умений лучника в пределах, в основном, от 75 до 105 см [10, с. 13; 12, с. –313]. Считалось, что длина стрелы должна быть равной длине руки стрелка от подмышек до кончика среднего пальца, или сумме длин плеча и предплечья (75 – 90 см), или длине голени и ступни (75 см), или длине голени и предплечья (около 90 см), или длине предплечья и ширине груди (около 85 см). Другие отдавали предпочтение стреле, длина которой достигала 8 – 12 обхватов кулака (72 – 108 см), или же равнялись расстоянию между концами натянутого лука, или расстоянию между концами лука с надетой тетивой [13, с. 76].

Опытные лучники чаще всего сами определяли длину стрелы для себя. Для этого накладывалась стрела на тетиву лука, тетива натягивалась до предела возможностей лучника, но так, чтобы рука его не дрожала от напряжения. При этом занималась наиболее часто занимаемая позиция при стрельбе. Натянув тетиву, отсекали стрелу в точке, определившей границу натяжения лука. Отмеренная таким образом длина стрелы была наиболее подходящей лучнику для эффективной стрельбы [14, с. 52].

Толщина древка стрелы в зависимости от формы и величины наконечника колебалась в пределах от 7 до 12 мм. Чаще всего она составляла 8 – 10 мм [15, с. 316]. От формы, веса, размеров, материала и качества обработки древка в значительной мере зависели баллистические качества стрелы – дальность полета, точность прицельной стрельбы и сила удара [16, с. 190]. Именно поэтому древко стрелы очень тщательно обрабатывалось. К тому же поверхность древка стрелы должна была быть ровной и гладкой, иначе стрелок мог бы серьезно поранить руку. Древки стрел обрабатывались с помощью костяных ножевых стругов и шлифовальных брусков из песчаника и других пород камня [10, с. 14–15].



Рис. 2. Союзники армии Мамая. Черкесский средневооруженный конный лучник



Рис. 3. Армия Дмитрия Донского. Легковооруженный конный лучник

В прямой зависимости от материала, из которого было изготовлено древко, находился и способ насады на него наконечника – втулка или черешок. Втульчатые наконечники надевались на древко, а черешковые вставлялись в торец древка. Оба способа насадки осуществлялись с помощью клея. Черешковые наконечники забивались в торец древка или вставлялись в его расщепление, предварительно смазанное клеем, и крепились обмоткой по клею, чтобы древко не расколосось. Часто для крепости оклеивания и насадки на черешках делались насечки и нарезы. Поверх обмотки конец древка обклеивался тонкой полоской бересты, чтобы шершавость не снижала скорости полета и не вызывала отклеивания в полете [2, с. 50].

На тыльном конце древка вырезалось ушко, куда тетива лука входила во время натягивания. Без ушка стрела соскочила бы с тетивы. Ушки были глубиной 5 – 8, реже до 12 мм, шириной 4 – 6 мм [12, с. 314].

Существовали на Руси и костяные насадные ушки (тыльники). Они были с черешком для камышовых древков и с втулкой для насадки на древко деревянное. Конец древка после насадки такого ушка также обматывался ниткой и обклеивался берестой. Эта обмотка закрепляла одновременно и нижний конец оперения стрелы.

Оперение придавало стреле стойкость в полете и способствовало более точной стрельбе в цель. «Не оперивши стрелы, прямо не стрелити», – говорил Даниил Заточник [12, с. 314]. На оперение стрел шли перья из крыльев разных птиц. Наиболее подходили перья орла, грифа, сокола и морских птиц. Персы называли перья предвестниками смерти. Они должны были быть ровными, упругими, прямыми, но не жесткими.

В Киевской Руси оперение было в 2 – 4 пера. Чаще использовалось оперение в 2 пера. Длина оперения составляла от 12 до 15 см, оно отступало от ушка на 2 – 3 см, чтобы было удобно брать стрелу. Лопасты перьев имели одинаковую длину и ширину (1 – 2 см) и выгибались в одну сторону, что придавало стреле в полете винтообразное вращение и устойчивость. Длина и ширина оперения зависела от массивности стрелы [12, с. 316].



Рис. 4. Армия Дмитрия Донского (фрагмент). Легковооруженный пеший лучник

Крепилось оперение для крепости винтообразной обмоткой по клею конским волосом или ниткой. Протяжение обмотки составляло 5 – 10 мм. Концы пера закрепляли обмоткой по клею длиной до 2 см [2, с. 51]. Чем ближе было оперение к углублению для тетивы, тем стрела была точнее в полете, чем дальше – тем она была быстрее. Большинство лучников Киевской Руси, судя по сохранившимся изображениям стрел, отдавали предпочтение точности стрельбы.

Так как стрелы имели различное боевое предназначение: бронебойные – против шлемов, щитов и панцирей; срезни – против вражеской конницы и незащищенных броней воинов противника и т.п., то древки стрел ушка и оперения красились в разные цвета – белый, желтый, красный, голубой, чтобы можно было быстро вынуть необходимую стрелу из колчана.

Таким образом, как и сами луки, стрелы на Руси по способу изготовления были простыми и сложными. Простые стрелы изготавливались в виде круглых, гладко обточенных древков с прикрепленными к ним наконечниками. Сложные стрелы требовали для своего изготовления большего мастерства и лучших материалов, поэтому и ценились значительно дороже. Отличались сложные стрелы от простых тем, что их древко состояло из четырех склеенных частей. Для их изготовления брусок квадратного сечения раскалывался на четыре части, а потом склеивался внешними сторонами вовнутрь. Этим бруску придавалась большая крепость – такие стрелы не изгибались и не коробились. Дальнейшая обработка и оснащение сложной стрелы проводилось так же, как и простой [10, с. 16–17]. Качественно изготовить сложную стрелу было под силу только высококвалифицированному мастеру-стрельнику. Каждому, кто владел этим оружием это было не под силу. Именно такие стрелы упоминал Аль-Мукаддаси, арабский автор X в., среди экспортных товаров Руси, провозимых через Булгар и Итиль по Волге на Хорезм [17, с. 319].

Все это неизбежно должно было заставлять древних лучников относиться к деревянным



Рис. 5. Войска Западной Европы (фрагмент). Легковооруженный пеший лучник с боевым серпом

стрелам с большой экономией и использовать их с максимальной отдачей.

Поэтому вполне возможно, что столь трудоемкому производству деревянных стрел кочевники предпочитали более легкое – изготовление их из тростника, как это делали до них другие кочевники на этих землях – скифы, сарматы, савроматы, а также персы и другие древние народы. А.И. Мелюкова писала, что наряду с древками из березы и ясеня, скифы употребляли и стрелы, изготовленные из тростника [1, с. 15]. О находках остатков древков скифских стрел из тростника в курганах у Смелы писал А.А. Бобринский [8, с. 105].

По определению известного специалиста по вооружению скифов Е.В. Черненко «Тростник – подходящий материал для изготовления древков. Он достаточно прочен, идеально прямой, не требует почти никакой обработки. Немаловажным является и его повсеместное распространение на берегах всех водоемов Евразии. Недостатком тростника является его хрупкость. Повысить прочность его можно было закалив стебель на огне (не отсюда ли «стрелы каленые»? – В.Б.).

До сих пор термин «каленые стрелы», вернее «колёные» производили от слова «колоть». Каленая стрела – это стрела, древко которой составное – склееное из нескольких продольных пластинок рыбьим клеем [10, с. 12–19].

Хрупкость тростника была обусловлена его трубчатостью, которая затрудняла надежное крепление наконечника и делала невозможным изготовление ушка для запуска тетивы. При натяжении лука тростник неминуемо был бы раздавлен пальцами руки, а при натяжении и выстреле его бы расщепила тетива. Для устранения этого недостатка нужны были дополнительные приспособления на концах древка. Древко должно было быть составным. Без применения дополнительных деталей тростниковым древком пользоваться было нельзя» [4, с. 26].

Известно, что такими дополнительными деталями могли быть деревянные стерженьки, вставлявшиеся во втулку наконечника и в тростниковое древко. К.Ф. Смирнов указывал на применение составных древков у савро-



Рис. 6. Армии Мамаия. Средневооруженный конный лучник



Рис. 7. Армии Мамаия. Средневооруженный богатый конный лучник

матов, когда сплошной деревянный стержень вставлялся во втулку наконечника, а нижний его конец – в полость тростникового древка [9, с. 32]. А.И. Мелюкова отмечала: «Возможно, такой же способ применялся и скифами, однако точных указаний на это нет» [1, с. 15]. Позже такие «переходные стержни» были найдены в скифских памятниках степной полосы Восточной Европы и в древнем Иране [4, с. 27]. Наряду с ними использовались косяные стерженьки или втулки, описанные Е.В. Черненко [4. – С. 28]. Вероятно с помощью этих «переходных стержней» могли крепиться не только втульчатые, но и черешковые наконечники при необходимости. Правда при этом, как показали опыты с такими стрелами, было удобнее использовать наконечники облегченного типа весом до 3 г. В противном случае древко ломалось при ударе тетивы о хвостовик [5, с. 21].

Нельзя не учитывать, что для насадки наконечника на камышовую стрелу требовалось определенное умение. Во время опытных стрельб с такой «стрелой, где наконечник соединялся с древком при помощи деревянного переходника, древко ломалось от удара тетивы» [5, с. 21].

Исследованиями установлены как положительные, так и отрицательные стороны камышовых стрел. Их изготовление отличалось дешевизной, так как камыш не требует дополнительной обработки. Другим положительным качеством была большая скорость и дальность. Однако с самого начала камышовая стрела была обречена на неточность. Это было обусловлено неправильным соотношением весов и сильными продольными колебаниями древка в момент спуска тетивы.

Древки камышовых стрел весили всего 5 – 7 г. Стрела с наконечником весила не более 10 г. Опытные стрельбы такими стрелами показали, что они обладали внушительной дальностью и большой скоростью – до 1000 км/час. Уже при силовой нагрузке в 14 кг и угле траектории в 45° камышовые стрелы летели на расстояние 120 м. Причем, судя по силе удара о деревянный щит, такие стрелы могли нанести серьезное ранение в незащищенную часть тела [5, с. 21]. Другими слова-



Рис. 8. Армия Мамаю. Спешенный легкий конный лучник

ми, камышовые стрелы для стрельбы по площадям были наиболее подходящими.

Таким образом, камышовые стрелы вполне годились для массированного стрелкового удара с любой доступной дистанции по цели, обеспечивающей возможность точного попадания. Такой целью могло быть, в частности, скопление людей. Деревянные же стрелы было выгоднее использовать преимущественно для прицельной стрельбы.

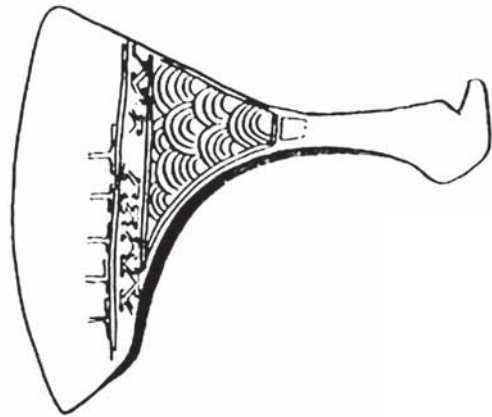
В.Н. Васильев писал, что камышовые стрелы обладают «всеми качествами нанесения массированного удара с дистанции вдвое превышающей прицельную. Надежный процент попадания в этом случае обеспечивался не столько точностью стрельбы, сколько ее массовостью. Поражая любую часть тела такой наконечник, а особенно шипастый, без сомнения выводил ее из строя, поскольку для его извлечения требовалась настоящая хирургическая операция, что естественно в условиях боя было невозможно» [5, с. 22].

Исходя из этого следует, вероятно, со всей серьезностью пересмотреть известные классификации стрел в связи с возможностью массового использования у камышовых стрел только сравнительно легких наконечников вполне определенных типов с соответствующим им способом насада на древко. Другими словами, функциональное назначение наконечника стрелы напрямую зависело от материала древка стрелы. По-новому представляется и классическая кочевническая тактика ведения боя и роль в ней лука и стрел. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ведерников Ю.А., Худяков Ю.С., Омелаев А.И., Баллистика. От стрел до ракет. – Новосибирск, 1995. – 236 с.
2. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII – XIV вв. // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1966. – Вып. Е 1–36.
3. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. – СПб., 1911.
4. Черненко Е.В. Скифские лучники. – К., 1981.
5. Васильев В.Н. Стрелы сарматов Южного Урала. Вопросы баллистики и производства // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Сборник научных трудов. – Новосибирск, 1990. – 192 с.
6. Соловьев А.М. Военное дело коренного населения Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987.
7. Мелюкова А.И. Вооружение скифов // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1964. – Вып. Д 1–4. – 115 с.
8. Бобринский А.А. Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. – СПб., 1894. – Т. 2.
9. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1961. – № 101.
10. Бережинський В.Г. Зброя Київської Русі. Лук і стріли. – К.: Академія Збройних Сил України, 1996. – 60 с.
11. Данилов К. Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. – М., 1818.
12. Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. – М.: Наука, 1985.
13. Степанов П. Изделия из дерева в курганах Суловского могильника // Ученые записки Саратовского государственного университета. – Саратов, 1925. – Т. 4. – Вып. 3.
14. Arab Archery. An Arabic manuscript of about A.D. 1500. – Princeton – New Jersey, 1945.
15. Медведев А.Ф. Древнерусские лучники и их оружие: Дисс... канд. ист. наук. – М., 1953.
16. Львовский П.Д. Баллистические качества древнейших образцов метательного оружия // Известия Артиллерийской академии РККА. – Л., 1932. – Т. 1.
17. Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. – М., 1948. – Т. 1.





ПРИМЕНЕНИЕ БОЕВОГО ТОПОРА В ВОЙСКЕ КИЕВСКОЙ РУСИ.



История появления и применения боевого топора¹ в военном деле Киевской Руси, быть может, одна из самых ярких страниц развития всего комплекса вооружения древнерусского воина. Именно на Руси топор был самым распространенным видом оружия, практически, он выполнял у славян ту же роль, которую у других народов играл меч. В этом смысле показательным изречение древнерусского стихаря XII века: «Секрыра ... отъсече съблазнь вражью» — то есть отсечет дьявольское искушение [1, с. 3]. Известно, что наибольшей частью древнерусского войска было ополчение, и вот именно оно, по словам М.М. Денисовой «... имело оружие, которое служило ему и в повседневном быту: луки, топоры, охотничьи рогатины, ножи, ослопы». А.В. Арциховский утверждал, что «обычным оружием смердов и горожан были топоры, рогатины, реже — копья» [2, с. 11].

Цель этой статьи состоит в том, чтобы на основе исторических материалов, классифи-

кации, строения и описания боевых топоров показать, как применялся тот или иной вид топора, показать его универсальность на поле боя и как от этого зависела тактика ведения боя.

Изучением вопросов появления, строения, развития и применения боевого топора, его места в комплексе вооружения древнего воина занимались много украинских и российских ученых. Среди них А.Н. Кирпичников, М.В. Горелик, К.В. Асмолов, В.В. Кондратьева, В.Г. Бережинский, Г.К. Панченко и другие [3; 4, с. 147; 9, табл. XIV. № 18—22; 8; 24, с. 160—175; 15, с. 13—20; 11, с. 92].

В отличие от меча - одного из самых дорогих видов оружия — топор был более дешевым, а значит и более доступным. Так, Ибн Фадлан, видевший воинов-русов на Волге, писал: «При каждом из них имеется топор, меч и нож, (причем) со всем этим они (никогда) не расстаются» [3]. Ополчение продолжало использовать топор и после уменьшения его значе-

¹ **Топор боевой** — древнее холодное оружие, дополнительное к копыю у пешего и конного воина. Применялся как для нанесения удара при удержании в руке, так и для метания.

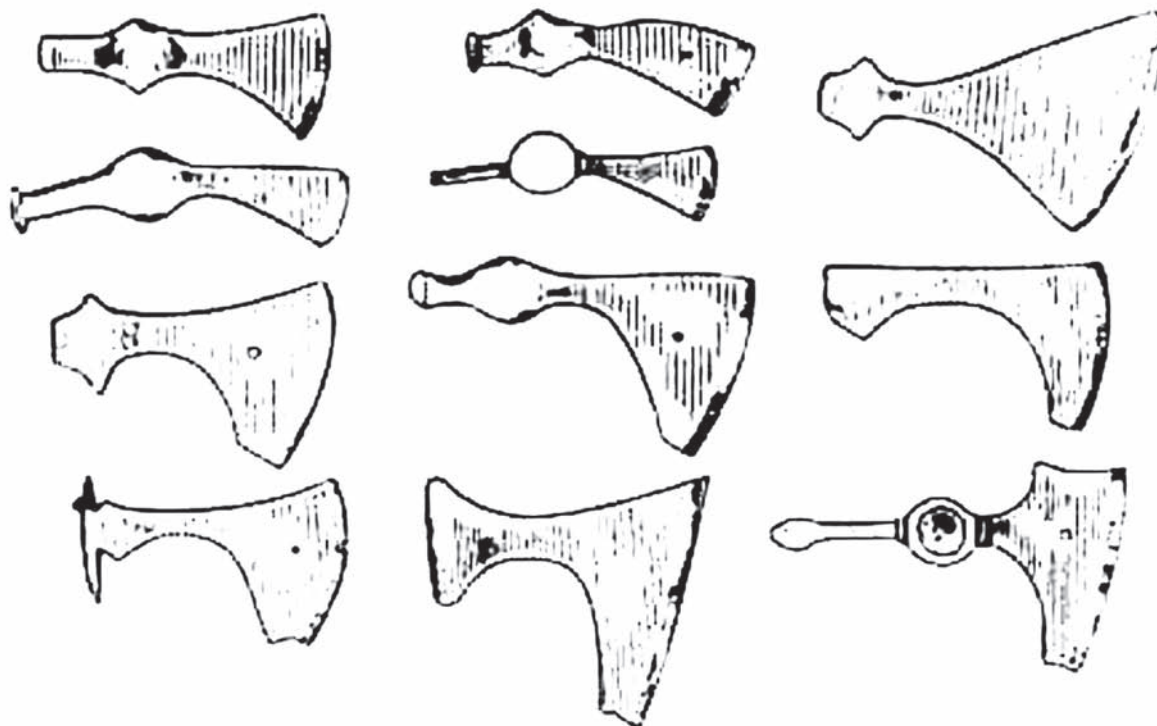


Рис. 1. Основные типы древнерусских боевых топоров X—XIII вв.

ния как массового оружия в XII—XIII вв., это видно из летописного рассказа о Липецкой битве 1216 г. В Никоновской летописи имеется следующее упоминание: «...и удариша на Ярослава пещцев с топорки и сулицы ...» [4, с. 25]. Затем топоры упоминаются в качестве оружия одного из войск в той же битве в описании боя засад Ивора и Ярослава: «...и кликнуше они вреше кии, а они топоры» [5, с. 122]. Во время осады болгарского города Ошеля в 1219 г. пехотинцы с топорами были использованы в качестве передового штурмующего отряда: «Приступи Святослав к граду со все страны, а наперед пещцы с огнем и с топоры, а за ними стрелцы и копейницы и бысть брань зла, и подсекоша тын и вал разкопаша и зажгоша» [3]. Сходный сюжет проиллюстрирован в Радзивилловской летописи. На миниатюре, изображающей взятие Торжка половцами в 1093г., мы видим пехотинца, рубящего топором городские стены. Во время сражения со шведами в 1240 г. новгородец Сбыслав Якунович «многожды биашеся единым топором, не имеа страха в сердци» [6].

Топорами пользовались и князья, и княжеские дружинники, как пешие, так и конные. В собрании ГИМа г. Москвы находится знаменитый «владимирский» топорик, который приписывается Андрею Боголюбскому, древнерусская «А» на его проушине свидетельствует о его местном происхождении. В летописях всего дважды упомянут топор в княжеских руках. В 1071 г. Глеб Святославович убил топором волхва, прекратив тем самым мятеж: «Глеб же вынем топор, ростя и, и паде мертв». В другом эпизоде летопись рассказывает как во время Липецкой битвы в 1216 г. князь Мстислав Удалой с безудержной отвагой «проехав трижды сквозе полкы княжи Юрьевы и Ярославли, текучи люди, бе бо у него топор с паворозою² на руце» [7, с. 81]. Причина редкого употребления топора феодальной знатью и княжескими дружинниками заключается в тактических особенностях конного боя. Топор — традиционное оружие пехоты [25, с. 367—368]. Кроме того, пешие воины чаще пользовались большими топорами, конные же — топорками, то есть короткими

² **Павороза** — петля, которой топор привязывался к руке, чтобы не потерять его.

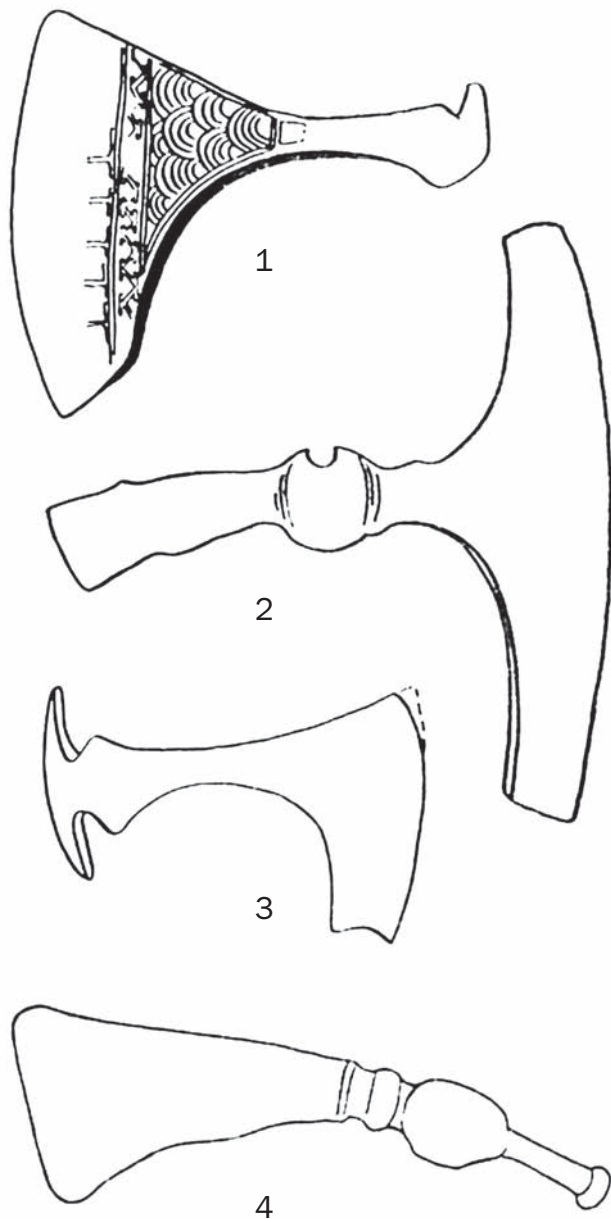


Рис. 2. Виды топоров (по М. Горелику):

1) Боевой топор со скандинавским орнаментом. Углы X—XI вв.; 2) Боевой топор славянского типа из погребения дружинника на Владимирской улице в Киеве X в.; 3) Боевой топор европейско-славянского типа. Гнездово. X в.; 4) Боевой топор степного, хазаро-мадьярского типа. Вахрушева X в.

топорами. Древнерусские памятники также упоминают не «огромные секиры», а «топоры легки».

Боевые топоры относительно предполагаемых мест происхождения, делят на несколько типов: скандинавского типа — с большим трапециевидным лезвием для тяжелой пехоты; центрально- и восточно-европейские — универсального характера с небольшой оттянутой вниз бородкой и гладким обухом, либо с коротким молотком на обухе; алано-хазаро-мадьярские — для всадников, с узким трапециевидным клинком с коротким лезвием и довольно длинным обухом в виде молотка, реже клевца; датского типа — для конницы, полукруглой формы, с удлиненным верхним острием, рукоятью с небольшим изгибом кверху для увеличения силы удара.

На Руси выработался свой собственный вид боевых топоров. Славянский топор несколько короче и легче скандинавского, его конструкция более рациональна и совершенна. Его лезвие несколько изогнуто книзу, чем достигались не только рубящие, но и режущие свойства. Форма лезвия такова, что вся сила удара сосредотачивалась в средней части лезвия, так что удар получался сокрушительным. По бокам обуха помещались небольшие отростки — «щекавицы»³, тыльная часть удлинялась специальными мысиками, они предохраняли рукоятку. Таким топором можно было наносить мощный вертикальный удар. Начиная с X в. такие топоры широко распространились на Руси, становясь наиболее массовым оружием. Наряду с таким типом топора известен и славянский топорок или балта. Он был полегче, имел более тонкое лезвие довольно вычурной формы [8].

Устройство топора несложно, он состоит из клинообразной металлической ударной (колющей) части — бойка, называемого чаще всего клинком (что не совсем правильно) и рукояти. Верхняя плоская часть топора называлась обухом, а топорка — обушком. Она делалась

³ **Щекавицы** — отростки боковых сторон обуха, предохраняли рукоятку при раскачивании заклинившегося топора, удлинение тыльной части или отходящие от нее отростки-мысики предохраняли рукоятку от излома при вытаскивании топора после вертикального удара.



Рис. 3. Боевой топор и шлем

массивной и имела проушину. Лезвия⁴ топоров были трапециевидной формы. В средние века лезвие топоров никогда полностью не спрямлялось, ширина его варьировала в зависимости от тактических задач. Обух мог быть обычным плоским и с удлинённым выступом — клевцом, позже на обухе появляется второе меньшее или одинаковое с основным лезвие. В результате усовершенствования топора на боковых сторонах обуха появляются отростки — «щекавицы». Топоры всех видов насаживались на деревянное топориче или рукоять часто с металлическим наконечником. Насаживание топора выполнялось разными способами. В одном — ручка топорича цилиндрической формы несколько расширялась книзу, что естественным образом предотвращало движение топора вдоль древка. Она проходила в специальное, сложной формы, отверстие, расположенное вдоль обуха и расклинивалась с противоположной от ручки стороны. Расклинивание часто делалось с помощью специального клина-набалдашника, который вворачивался в древко с противоположной от ручки стороны и заостренным концом торчал наружу, выполняя роль дополнительной удар-

ной поверхности. В другом — топор насаживали на топориче с узкого конца и закрепляли его, при таком способе исключался риск соскальзывания топора с рукояти и потеря его во время боя. Для усиления и защиты рукоятки от повреждения ее обивали железом или вообще делали железной, в этом случае топор, вероятно, приваривали к рукояти.

На сегодня найдено около 1600 топоров Древней Руси [4, с. 5]. Их делят на три группы: 1) специальные боевые топоричи-молотки (чеканы⁵ [9, табл. XIV. № 18–22]); 2) секиры⁶ — универсальный инструмент похода и боя — напоминали производственные топоры, но были меньше их; 3) рабочие топоры, тяжелые и массивные, на войне, вероятно, применялись редко. Однако Б. Д. Греков предполагал, что ополченцы были вооружены именно рабочими топорами, которыми они работали у себя дома [10]. Обычные размеры топоров первых двух групп: длина лезвия 9–15 см, ширина до 10–12 см, диаметр обушного отверстия 2–3 см, вес до 450 г (чеканов — 200–350 г). Рабочие топоры заметно крупнее: длина, от 15 до 22 см, (чаще 17–18 см), ширина лезвия 9–14 см, диаметр втулки 3–4,5 см, вес обычно 600–800 г. [11, с. 92].

Судя по находкам, боевой топор почти всегда меньше и легче хозяйственного. Однако, нельзя отрицать универсальность и рабочего топора. Часто он употреблялся и в военных целях. Это подтверждается тем, что примерно 10 % всех известных рабочих топоров, найденных в археологических комплексах с разнообразным вооружением, в том числе 7 раз с боевыми секирами. Только на боевых топоричах встречаются орнаментальные украшения и отделка благородными металлами. Для многих боевых топоров характерна дырочка на лезвии. Долгое время ее назначение было неопределенным. Она предназначалась для пристегивания к лезвию матерчатого чехла, «до ся человек не обрежет». Возможно, что это отверстие использовали также для подвешивания топора к седлу, на стену и т. п. [3].

⁴ **Лезвие** — стальная наварка в нижней колющей части топора.

⁵ **Чекан** — ударное древковое холодное оружие, напоминающее по форме молоток для чеканки с клювообразным клинком (разновидность клевца), благодаря чему использовался для нанесения как раздробляющих, так и колющих ударов.

⁶ **Секира** (от славянского сикира, сокира - топор) - рубящее холодное оружие, представляющее собой топор с широким и длинным (до 30 см) металлическим лезвием в виде полумесяца и обухом для насадки на древко (до 1 м) - топориче.





















Тип	IX - нач. XI вв.	XI - XII вв.	XII - XIII вв.
Тип I			
Тип II			
Тип III			
Тип IV			
Тип V			
Тип VI			
Тип VII			
Тип VIII			

Рис. 4. Таблица. Формы и классификация древнерусских топоров IX—XIII вв. (по А.Н. Кирпичникову)

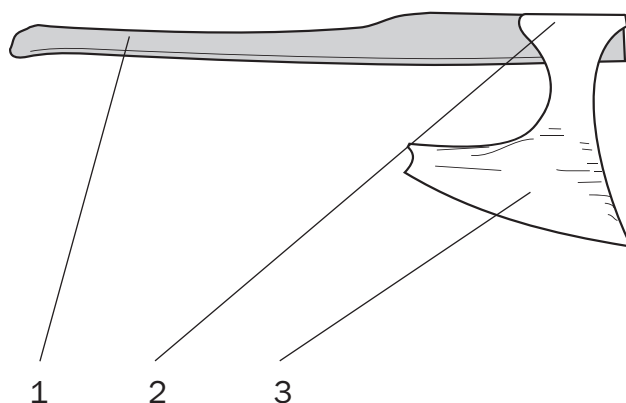


Рис. 5. Устройство топора: 1) топорнице; 2) обух; 3) лезвие



Рис. 6. Битва русов с хазарами (по материалам раскопок в старом Осколе, Киеве и Гнездовских курганов). Древнерусский ратник с топором против знатного хазарина

К совершенно особой группе принадлежали секиры с широким, симметрично расходящимся лезвием. В конце I-го тыс. они были распространены на всем севере Европы. Боевое использование таких секир англосаксонской и норманнской пехотой увековечено на знаменитом ковче из Байо (1066 — 1082 гг.) на нем длина древка топора — около 1 м и более. На Руси такие топоры были типичны в основном для северных районов, некоторые найдены в крестьянских курганах [11, с. 94]. В XII — XIII вв. типичными стали чеканы и бородовидные секиры⁷ [12].

Другим, совершенно иным по форме, технике применения и назначению видом топоров, являлись так называемые топоры-клевец⁸ с узким, острым удлиненным лезвием и тупым прямоугольным обухом, торчащим с тыльной стороны рукояти. Лезвия топоров этого типа напоминали широкие кинжалы; часто лезвия имели ребристую поверхность, придававшую им дополнительную прочность при ударах.

Такие топоры были проще в изготовлении, чем широколезвийные, наносили страшные глубокие раны и позволяли бороться против тяжелооруженных воинов, т. к. при сильном ударе пробивали насквозь доспехи. Расширение лезвия в сторону рукояти служило предохраняющим элементом, не позволявшим топору вязнуть в теле противника.

В рамках «Свода археологических источников СССР» по инициативе Б.А. Рыбакова была осуществлена полная публикация предметов вооружения, относящихся к IX — XIII вв., найденных на территории Древней Руси. Это более 7000 предметов, в их числе 183 меча, 570 боевых топоров и около 1000 рабочих, 100 булав и шестоперов [8]. Наиболее полную классификацию древнерусских топоров дал в своих работах А.Н. Кирпичников [3].

⁷ **Бородовидные секиры** — топоры западно- или североевропейского происхождения «с выемкой и опущенным лезвием», составлявшие в домонгольскую эпоху едва ли не самую значительную группу и распространенные на очень широкой территории.

⁸ **Клевец** — древнерусское ударное холодное оружие с коротким древком, разновидность боевого топора с узким клинообразным клином (иногда двумя) и молотковидным обухом, благодаря чему использовался для нанесения как раздробляющих, так и колющих ударов. Применялся в X — XVII вв. для поражения противника, имевшего защитные вооружения (кольчугу, шлем и т. д.).

В отличие от рабочих топоров, которые мало видоизменялись, боевые топоры меняли свои черты, а значит и свойства, в зависимости от развития защитного вооружения и необходимости получения дополнительного преимущества в бою. Со временем такие изменения привели к созданию новых типов боевых топоров.

Переносили топор в походном положении в открытом виде или в специальном чехле из дерева обтянутого кожей [13, с. 5] на плече, на поясе, за поясом, за спиной, всадники при помощи кольца на обратной стороне рукояти подвешивали топор к седлу.

Боевые топоры использовались на различных дистанциях. Их основной ударной поверхностью было лезвие. Топоры с толстым лезвием и заточкой лезвия под большим углом были эффективны против закованного в латы врага, за счет своей массы они сминали металлические доспехи, а резкое сужение (заточка) лезвия позволяло концентрировать усилие вдоль узкой полосы и повышало эффективность. На обухе некоторые боевые топоры имели молоткообразный или острый, наподобие зуба, выступ. Таким образом, он также являлся ударной частью, сминавшей за счет своей массы доспехи или пробивавшей их крюком. Шип (острие) на обратной стороне ручки предназначался для нанесения колющих ударов и позволял работать обоими концами топора при перехвате одной рукой вблизи лезвия, а второй в конце рукояти. Такой топор сочетал функции топора с коротким копьем. Разнообразные наконечники (шпы), как правило, являлись дополнением основного лезвия топора. Если сам топор имел массивный обух с выступом для борьбы с доспехами, то наконечник имел более широкое и «слабое» лезвие в виде листа и предназначался для нанесения широких ран в незащищенные доспехами места. Если же лезвие топора было более облегченным, то наконечник имел простую форму удлиненного веретена и обладал высокой прочностью. Дополнительное поражающее свойство имел и клин, им можно было наносить тычковые удары в лицо, голову.

Часто вблизи наконечника на конце топорика находилось утолщение или даже

специальная «розетка», предотвращавшая слишком глубокое проникновение в тело противника и застревание в нем. Сам обух топоров с удлиненной рукоятью претерпел значительные изменения и часто вместо обуха с выступом появляется второе уменьшенное лезвие [13, с. 3].

Топор в руках держали скользящим хватом, облегчая самонаведение плоскости лезвия, нанесение рассекающего удара и выведение из раны оружия, а также перемещение руки на рукоять топора (секиры) при переходе от атаки к защите и наоборот [14]. Топор в бою удерживали в основном прямым и редко обратным хватом, двумя руками или одной, располагая руки широко или одну возле другой. Чаще топор держали широким хватом за рукоять (нижнюю часть древка) и под шейку рабочей части. При широком хвате другая рука обычно находилась прямо под лезвием и часто была закрыта ее выгнутой частью [15, с. 19]. Держали топор и одной рукой — под шейку, используя древко как палицу «обратным хватом» [11, с. 45]. Такое положение топора в руках исключало выхватывание его противником. Но следует отметить, что хват топора зависел от дистанции между противниками, чем оно было большим, тем ближе руки находились к противоположному от топора краю топорика и тем ближе они были друг к другу. Кроме того, хват двумя руками позволял наносить более мощные удары даже при незначительной массе топора.

Боевая стойка с топором могла быть правосторонней и левосторонней. Это зависело от личностных качеств воина.

Удар топором не требовал такой точности, как у меча. Обычно удар даже небольшого топора выводил пораженного из строя, вызывая шок и контузию, пусть сама рана и не была опасной; а ранение секирой — было в большинстве случаев смертельным. Таким образом, топоры были ведущим бронбойным оружием. Рана от удара топором носила рубленый характер. Из-за того, что центр тяжести топора локализован на рабочем конце, удар имел рубящее-дробящий характер. Тонколезвийными секирами был возможен и режущий удар [16, с. 3].



Рис. 7. Невская битва

Благодаря тому, что топор имел как бы четыре боевых поверхности (основную — лезвие, обух, клин, наконечник на конце топорика), то воин имел возможность наносить удары практически во всех плоскостях и по всем зонам поражения. За счет появления второго лезвия и облегчения веса топора, он становится более сбалансированным и универсальным оружием, что сказывается на технике его применения, становящейся более гибкой и разнообразной.

С изменением форм боевых частей проходила эволюция применения топора. Если сначала он был рассчитан на пробивание доспеха, то в дальнейшем стали выполняться подрезания, тычки и уколы [17, с. 74–76].

Таким образом, топором можно было наносить: раздробляющие удары по защищенным областям доспехов лезвием, лезвием-клевецом; рубящие удары лезвием; режущие или рассекающие удары острием широкого лезвия; проламывающие удары по защищенным областям доспехов обухом или крюком; колюще-проникающие удары (клевец); колющие и колюще-режущие удары по незащищенным областям лезвием на конце топорика; колющие (проникающие) удары по слабозащищен-

ным областям наконечником на конце топорика; тычковые удары в лицо, голову клином; кастетный удар при хвате топора за обух; комбинированные удары.

Широкое лезвие усиливало удар и расширяло рану, усугубляя поражение и облегчая высвобождение оружия. Прямой удар-тычок верхним торцом лопасти, наносимый от груди двумя руками, теперь не только отбрасывал противника, позволяя замахнуться, но и «накалывал» его, предвеляя сметающий удар лезвием.

Бородка, значительно облегчая секиру, позволяла свободно действовать ею одной рукой и придать лезвию более радикальный изгиб, обеспечив рассекающий эффект. В Киевской Руси широколезвийные и бородковидные топоры (у последних еще недостаточно скруглено лезвие, уступающее длинной лопасти, чтобы именовать их секирами) распространяются в XI в. с новгородскими ратниками Ярослава и викингами Якуна «Златой Посуды» — последней варяжской группировкой, игравшей заметную роль в киевских делах.

Кроме ударов, топором выполняли различные зацепы за конечности, за щит, а также



Рис. 8. Древнерусский воин с боевым топором



Рис. 9. Топор в комплексе вооружения пешего русича

подсечки. После выполнения зацепа или подсечки, как правило, следовал удар на поражение. Топором секироносец оттягивал верхний край щита, тычком поражал противника в лицо и, когда тот, отстраняясь, запрокидывал голову, обрушивал лезвие на его шею [18].

Но топором было неудобно отражать удары, при этом использовали топорище, рискуя, однако, повредить его. Кроме того, он часто застревал в щитах.

После защиты сразу проводили контратаку. В отражении встречных ударов, топор сильно уступал клинковому оружию, поэтому повсеместно в Европе топор употреблялся в паре со щитом. Использование щита позволяло, например, заблокировав им удар меча, зацепить топором меч противника или кисть его руки так, чтобы его меч оказался как бы зажатым между щитом и топором. Тогда при резком рывке на себя он выбивался.

Вполне возможно на Руси существовали воины, как и в случае с мечом, которые могли вести бой двумя топорами, в этом случае они должны были быть меньшими по весу и размерам. Техника ведения такого боя — одним топором отражали удар, другим проводили контратаку. Могли наносить удар и одновременно двумя топорами.

Применялся топор и для метания, так в Липецкой битве 1216 г. «новгородцы в решающий момент кидали во врага топоры» [19, с. 27]. Дальность броска топора зависела от длины топорища и от того, за какое место удерживается топорище. Чем ближе рука к топору, тем больше должно быть расстояние до цели. Для метания топора вставляли в левостороннюю боевую стойку [20]. Топор метали: удерживая его на уровне груди; снизу (достигалась внезапность броска); из-за головы.

Метание из-за головы — самое мощное [21, с. 13–14]. Топор, обладавший большими размерами и массой, бросить незаметно для нападающего невозможно, поэтому, чтобы противник не успел уклониться, дистанция метания не должна была превышать 3–4-х метров. При метании воин должен был обязательно зафиксировать кисть вооруженной руки в лучезапястном суставе и сохранить по-



Рис. 10. Топор в комплексе вооружения русича



Рис. 11. Топор в комплексе вооружения знатного дружинника

ложение устойчивого равновесия, в момент выпуска вес тела приходился на впереди стоящую ногу. Защититься от летящего топора было очень трудно, т. к. он, обладая большой массой, имел очень высокую пробивную способность [13, с. 3–14].

С тактической стороны метание топора (а викинги, похоже, иногда ухитрялись метнуть две секиры одновременно, обеими руками!) — давало возможность непосредственно прорваться в ближний бой, в котором преимущество было за мечами [11, с. 43–44].

Топор принял участие и в формировании комплекса вооружения конного воина в основном для борьбы с пешим. Дальнейшая трансформация лезвия привела к появлению легкого универсального топора с длинной рукоятью, использовавшегося конными воинами. Лезвие своей широкой дугообразной частью оказалось, как бы, перевернутым в сторону рукояти, а обух, трансформировался во второе небольшое лезвие.

Легкость, значительная длина рукоятки, форма лезвия, имеющая три режущие грани, — все это делало такой вид топора исключительно удобным для использования кавалеристами. Длинная рукоять позволяла доставать противника, не слишком выгибаясь в седле. Форма лезвия позволяла работать как при взмахе рукой снизу, так и при ударе сверху, не вращая топор. Кроме того, симметричное расположение лезвия делало топор более сбалансированным, легче управляемым, а падение мощности удара из-за падения веса топора компенсировалось тем, что удар наносился на скаку, по широкой амплитуде, так что в конце движения оружие приобретало большую скорость [13, с. 5]. Рубились таким топором, держа его двумя руками за рукоять и приподнимаясь на стременах. Однако эффективно бороться, удерживая топор обеими руками, всадник не мог, поскольку не мог закрыться щитом и утрачивал управление конем. Таким образом, для конного дружинника в XII в. топор по техническим причинам не был основным средством борьбы [15, с. 20].

Топоры часто применялись как парадное оружие, и на лезвии, а также на обухе и ру-



Рис. 12. Топор в комплексе вооружения древнерусского воина

кояты наносились орнаментальные узоры и тотемные изображения хищных животных (тигры, драконы, орлы), олицетворявших собой силу и свирепость. Считалось, что эти животные охраняют носящего их изображения воина и передают ему свою силу. Кроме того, блеск лезвий, оскаленные морды чудовищ и гортанные выкрики воинов - все это было направлено на устрашение противников.

Топор был одним из древних символов-оберегов. Миниатюрные бронзовые топоры, точь-в-точь повторяющие настоящие железные топоры того времени, находят при раскопках. Славяне их носили на груди как амулеты. При раскопках находят также маленькие детские игрушки-топоры, но изготовленные по всем правилам — с наваренным стальным лезвием. Таким образом, детей сызмальства приучали владеть топором. А когда человек умирал, будь-то мужчина или женщина, в могилу обязательно клали топор, чтобы в за-

гробном мире покойнику было чем наладить быт и при необходимости отразить нападение врага [22, с. 3].

Тактика применения группы воинов вооруженных боевыми топорами, вероятно, мало отличалась от таких же подразделений, но вооруженных мечами. Однако топоры на длинном древке применяли на более дальней дистанции, чем меч, а в тесноте поединка, особенно на узких улочках городов, внутри помещений, когда мечом особенно не размахнешься, эффективнее было использовать топор на короткой рукоятке.

Применяли топоры и для добивания упавшего противника. Говоря о гибели начальника метательных орудий магистра Иоанна Куркуаса, Лев Диакон сообщает, что когда он упал с лошади, русы «прибежали к нему, мечами и топорами изрубили вместе с доспехами без всякой пощады» [23].

Против конного войска секироносцы полноценно могли бороться и защищаться только в плотном строю, в одиночном поединке против всадника воин с топором был слишком уязвим, выполняя удары топором он вынужденно открывал уязвимые места в защитном вооружении, чем и пользовался всадник. Да и длина топорика не позволяла достать конного воина и вынуждала наносить удар по лошади. Это хорошо отображено на ковре из Байо (1066—1082 гг.).

Но не только для боя с противником использовались топоры, ими рубили ворота, уничтожали какие-либо инженерные сооружения или сооружали свои, выводили из строя осадную технику и корабли противника. На миниатюре Радзивилловской летописи есть изображение освобождения князя Всеслава из «поруба» во время восстания в 1068 г., причем изображены на ней именно боевые топоры. В ходе Невской битвы 1240 г.: «Пешие ополченцы, продвигаясь вдоль берега Невы, не только рубили мостки, соединявшие шведские корабли с сушей, но даже захватили и уничтожили три вражеских судна» и «княжий отрок Савва⁹, пробившись к центру лагеря противника, подрубил высокий столб шатра

⁹ В данном случае представитель младшей дружины.

самого Биргера: шатер свалился» [10]. Это также указывает на универсальность топора и его многофункциональность, кроме того, в данном случае мог применяться как боевой топор, так и рабочий, хотя вряд ли представляется возможным, чтобы воины во время битвы меняли боевое оружие на рабочий инструмент или наоборот — значит, в бою использовалось либо то, либо другое.

Таким образом, топор был одним из самых распространенных видов оружия в войске Киевской Руси и занимал одно из ведущих мест в комплексе вооружения древнерусского воина. Одновременно на поле боя использовали как боевой, так и рабочий топоры, а среди боевых применялось несколько видов и это зависело не только от состава войска, но и от качества защитного вооружения противника, а также от тактических задач, которые выполняли с помощью топора. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попов Б. Топоры Древней Руси // «Клинок». — 2005. — № 4. — С. 2–37.
2. Бережинский В. Г. Городское ополчение: мобилизационные возможности городов, состав, организация, вооружение ополчения // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст. Збірка наукових праць. — К.: «КОРВІН ПРЕСС», 2004. — С. 8–12.
3. Кирпичников А.Н. Древнерусские топоры // Древнерусское оружие. Вып. 2. // <http://ratnik.kiev.ua/library/axe1.html>.
4. Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. В 3—х вып. М. - Л.: Наука, 1966. - Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII веков. — 147 с.
5. Повесть о преступлении Рязанских князей // Памятники литературы Древней Руси XIII века / Под ред. Лихачева Д.С.— М.: Художественная литература, 1981. — С. 88–90.
6. Ледовое побоище 1242 год. «История военного искусства» М., 1966. // <http://battles.h1.ru/chud.shtml>.
7. Липецкие битвы. Советская военная энциклопедия. — М.: Воениздат. — Т. 5.
8. Асмолов К.В. Холодное оружие. Соперник меча. // <http://mortalbite.narod.ru/russoruj.htm>.
9. Горелик М.В. Оружие древнего Востока. — М., 1993.
10. Битвы русского князя Александра Ярославича Невского. Битва на реке Нева в 1240 году. // http://www.arxangel.by.ru/library/led_01.html (02-01-2005 25к).
11. Панченко Г.К. История боевых искусств. Россия и ее соседи. — М.: Олимп; АСТ, 1997. — 512 с.
12. Холодное оружие // <http://www.dva-klinka.narod.ru>.
13. Попенко В.Н. Приемы метания холодного оружия. М.: Богучар, 1994. - 112 с.
14. Бехайм В. Энциклопедия оружия. — СПб., 1995. — 574 с.
15. Бережинский В.Г. Техники боевого применения древнерусского вооружения. — К.: Научно-исследовательский центр гуманитарных проблем Вооруженных Сил Украины, 2000.
16. Лысаков Г.В., Заболоцкая К.В. Поражающие и защитные факторы древнерусского вооружения XII — начала XIII вв. (по материалам памятников) / <http://medicine-in.dsmu.edu.ua/html>.
17. Алешковский М.Х. Курганы русских дружинников XI—XII вв. // Советская археология. — 1960. — №1.
18. Бадаев Д.В. История боевых искусств: колыбель цивилизаций // http://www.dva-klinka.Narod.ru/put_na_zapad.htm/ — 1996.
19. Довженок В.Й. Військова справа в Київській Русі // Науково-популярний нарис. — К.: Видавництво Академії наук УРСР, 1950.
20. Дегтярев А. Защитник отечества // Отрывки из главы «Русский лад». // <http://svterem.narod.ru/files/ruslad.htm>.
21. Попенко В.Н. Холодное оружие полиции. Дубинки. — М.: Богучар, 1994. — 112 с.
22. Военное дело средневековья // http://www.dva-klinka.narod.ru/voennoe_delo.htm.
23. Митяев А. «Ветры Куликова поля» <http://www/darktimes.ru>.
24. Кондратьев В.В. Боевое фехтование. Зареченская школа. Вторая ступень. — М.: Ладога, 2004. — 271 с.
25. Bruhn-Hoffmeyer A. Middelalderens tveaeggede. - Kobenhavn, 1954. - Т.1.



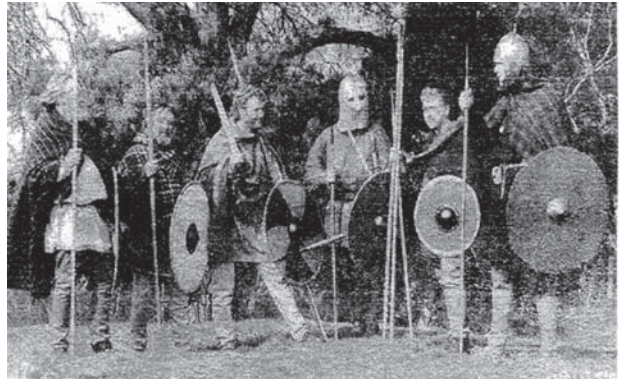


Рис. 1. Скандинавські воїни (IX—XI ст.). Реконструкція

ЗБРОЯ ВІКІНГІВ

«Незліченні натовпи морських розбійників сіли на судна з високими бортами, з яких кожне мало відмітний знак свого ватажка. В одних кораблях на носі знаходилися позолочені металеві зображення левів, волів, дельфінів та людей; в інших на вершині щогл розташовані були птахи з розпростертими крилами, що повертались за допомогою вітру. Боки судів були розфарбовані в різні кольори, і по них — в ряд розвішені щити з полірованого заліза. Довгий корабель ватажка мав вигляд змії, голова якої знаходилася на носі, а хвіст згинався на кормі, і саме через це його називали Великим Драконом. Висадившись на берег Англії, дани вишикувалися в загони, розгорнули білий шовковий прапор, посередині якого був зображений ворон з розкритим дзьобом і розкритими крилами. Усюди, де проходили ці горді грабіжники, вони весело з'їдали їжу, вбивали господаря, спалювали будинки. Скрізь брали коней і, стаючи вершниками, раптом з'явля-

ся в таких місцях де їх появи найменше очікували. Вони нападали зненацька з нестримною швидкістю на села, містечка й міста...»

(Ф. Архенгольц)

Сивими пасмами закипає могутній океан. Заклично кричать чайки. Пориви вітру валять з ніг, підіймають піщані пласти, розбивають судна об рифи. Моряки, налякані темно-стале-вим поглядом безодні, прагнуть сховатися в тихих гаванях, шукають спокійну бухту. Ніхто не стане кидати виклик могутньому північному вітрові Борею. Тільки славні сини півночі користуються його прихильністю, їм не страшні ні крига північного океану, ні урагани Атлантики, ні бурі Середземномор'я. Кораблі вікінгів не знають перешкод. Могутні руки веслярів ведуть їх до наміченої мети. Співдружність воїнів сильніша за шторми і грози. Сміливим підкоряються не лише моря: вся Європа схилилася, покірною чекаючи милості північних володарів.

Російська та українська історична наука традиційно замовчувала роль вікінгів у розвитку державності у Східній Європі. Йдеться навіть не про Росію, а про Європу в цілому. Повністю викреслити зі сторінок підручників діяння войовничих скандинавів, звичайно, неможливо, аж надто поширеними є легенди про їх подвиги в різних куточках нашого кон



Рис. 2. Вікінг на різьбленому надгробному хресті (кінець IX—початок X ст., Мідлтон, Йоркшир). На зображенні виразно видні шолом, сокиру, меч, щит, спис та кинджал.

Особливої актуальності тематика вікінгів набула в нацистській Німеччині часів III Рейху. Оповіді минулого спонукали німців до подвигів. Хоча найцікавішим є те, що німецькі племена та вікінги (дани, норвежці, шведи) за часів Епохи вікінгів були найзлішими ворогами.



Рис. 3. Нормандський воїн (XI ст.)

Нам же цікаві вікінги не лише близькістю культури, схожістю одягу, зброї, прикрас, звичаїв і правових відносин, які ми розглянемо

нижче, а їх роллю в історії народів Східної Європи.

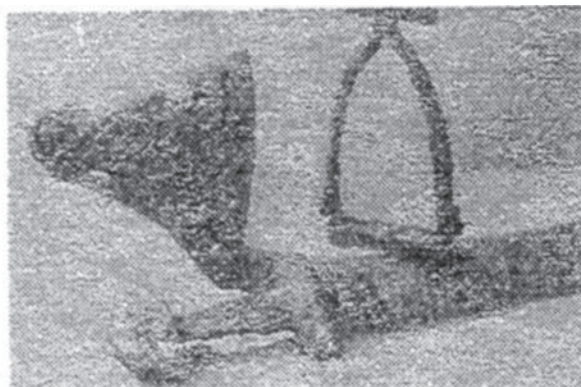


Рис. 4. Сокира, меч, стремено.

У свою чергу вікінги, норманни, та варяги в боротьбі з франками й германцями спиралися на слов'янські держави¹, розташовані в Прибалтиці. У союзі зі слов'янами² вікінги були могутньою військовою та політичною силою в Європі. Ми втратили можливість розвитку цілого пласта культури (літератури, мистецтва), відхрещуючись від своєї спорідненості зі скандинавами. В ідеологічному відношенні ми втратили одну з яскравих сторінок історії людства, котра має до нашого минулого безпосередній стосунок.

Ще декілька аргументів на підтвердження цих висловів: варяг-вікінг Рюрик став родоначальником династії Рюриковичів у Київській Русі, варяги-вікінги були основою княжої дружини в Києві, а згодом — імператорської гвардії в Константинополі; скандинавські купці були послами від руських князів до візантійських імператорів; у Скандинавії виховувався князь Володимир I Великий, знайшовши там захист від свавілля брата; на норманських найманців спирався Ярослав I Мудрий у боротьбі за великокняжий стіл; за скандинавського ж найманця Харальда, який пізніше став норвезьким королем, він видав свою дочку Єлизавету заміж. Поставимо три крапки, адже все це — неспростовні факти, які так складно замовчувати.

¹ Одне з слов'янських міст Волін стало основною фортецею в ряді військових укріплень вікінгів.

² Слов'яни, ободрити, лужицькі слов'яни, полабські слов'яни займали землі північної частини Германії й були в подальшому асимільовані німцями.



Рис. 5. Воїн-вікінг XII століття з різьблення, що прикрашає церкву Хілістад, Норвегія. Сцена з легенди про Сигурда, переможця Дракона. Відзначало, що до цього часу мигдалеподібний щит уже замінив традиційний круглий. Шолом має пластину для захисту носа та шиї.



Рис. 6. Морська битва (худ. А. Макбрайд)

Суворі умови життя виробили серед скандинавських племен суворі звичаї. Оскільки господарство після смерті батька успадковував тільки старший син (майорат), молодші діти виявлялися без даху й повинні були власними силами здобувати собі прожиток. Поступово в довгих скелястих фіордах збиралося безліч

вигнанців, які об'єднувалися в гурти. У непогоду, коли всі мирні моряки прагнули сховатися в захищених бухтах, норманни піднімали вітрила на своїх судах. «Буря, — співали вони, — допомагає рукам наших веслярів, нам служить ураган і несе нас куди хочемо...». Репутація вікінгів як лютих бійців наводила жах. Навіть маючи справу з чисельно більшим супротивником, вони перемагали завдяки своїй відвазі й швидкості. Про бойове мистецтво найманців - вікінгів (наймані солдати) склалися легенди, а багато правителів були готові платити за їх послуги й вірність чималі гроші.

Місцеві вожді збирали невеликі загони воїнів, що служили їм охоронцями. Норманнів з дитинства навчали мистецтву володіння зброєю. До військових походів нерідко приєднувалися безземельні люди, якими управляло бажання наживи та пригод.



Рис. 7. Вікінги

Воїни вікінги славилися своїм військовим мистецтвом по всій Європі. Зброя вікінгів на ті часи була найдосконаліша.

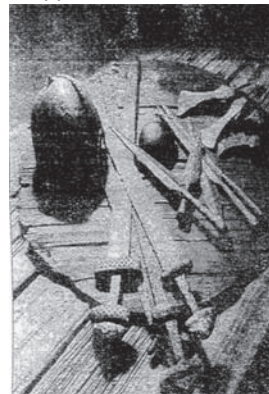


Рис. 8. Норвезька зброя IX—X ст. (Університет Олдсаксамлінг, Осло)

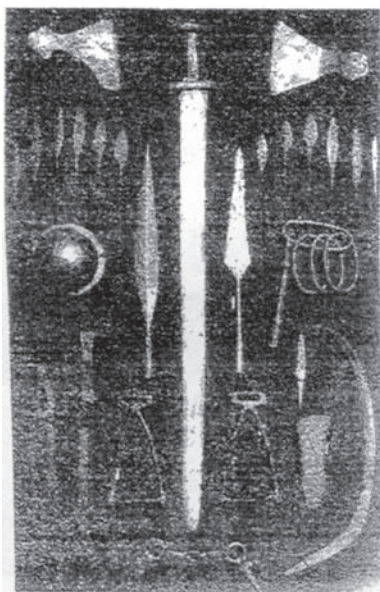


Рис. 9. Колекція норвезької зброї та інструментів IX-X ст.: наконечники стріл, списів, сокири, умбон від щита, стремена, вудила. У лівому верхньому кутку — «бородата сокира»; праворуч від центру — металева деталь батога з прикріпленим кільцем для управління возом, рештки кілець, очевидно, використовувалася як брязкальце для відлякування злих духів, котрі можуть іти слідом. Університет Олдсаксамлінг, Осло)

Чи не найдавнішою зброєю був спис та лук. Деякі воїни користувалися дерев'яними луками і стрілами з металевими наконечниками.

Скандинави здавна користувалися списом. Про це свідчать численні знахідки, що датуються початком нашої ери й раніше.

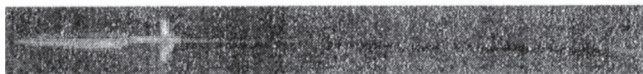


Рис. 10. Спис

В епоху вікінгів найпоширенішим видом зброї був важкий спис, що відрізнявся від своїх побратимів з інших країн. Північний спис мав довге ратище з довгим широким наконечником листоподібної форми. Таким списом можна було і колоти, і рубати (що вікінги з успіхом і робили). Зрозуміло, важив такий спис чимало, а тому метнути його було непросто, хоча траплялося й таке (якщо звернутися до міфів, Один боровся списом Гунгнір, що завжди повертався до хазяїна після кидка). Можна собі уявити силу людини, здатної

метнути такий спис. Утім, існували спеціальні металеві списи, аналогічні до європейських дротиків. Такі списи були коротшими, з більш вузьким наконечником.

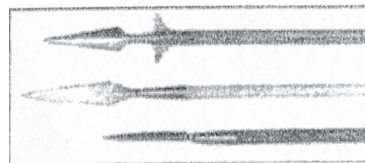


Рис. 11. Списи вікінгів

Форма наконечника могла змінюватися залежно від призначення. Наприклад, трапляються описи списів, що нагадують європейську копальцю.

На ясеневому держаку (spjot), який можна було використовувати в ближньому бою або на відстані. У нього було вузьке листообразне лезо і тонкий держак, пізніше широке лезо і товстий держак. Обидва леза були рифлені, з подовжніми жолобами і короткими бічними виступами, розпрямленими як крила.

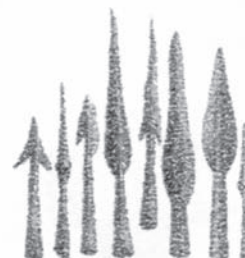


Рис. 12. Наконечники копій

Мистецтво метання списа було у великій шані. Так, Олав Трігвасон славився своєю здатністю метати спис обома руками одночасно.



Рис. 13. Прикрашені втулки норвезьких копій. (Університет Олдсаксамлінг, Осло)



Рис. 14. Наконечник списа



Рис. 15. Наконечник списа



Рис. 16. Скандинавські мечі (XI ст.)

Найпоширенішою зброєю епохи вікінгів у Європі був меч. Перші північні мечі швидше були схожі на довгі ножі, ніж короткі мечі. Незабаром вони помітно збільшились, а згодом перетворилися на ту зброю, що відома зараз як «меч вікінгів».



Рис. 17. Мечі вікінгів

Скандинавський меч періоду IX—XII ст. уявляв собою довгий, важкий двогострий клинок. Техніка бою скандинавів на мечах не сильно відрізнялася від техніки бою інших народів Європи того часу. Варто пам'ятати, що в раннє середньовіччя, а особливо в епоху вікінгів окремого мистецтва фехтування не існувало. Широкий замах, удар у який вкладався вся

сила воїна — це і вся техніка. Колючих ударів у вікінгів не було, і це, відповідно, наклало свій відбиток на зброю. Конкретно це виразилося в закругленні, яким нерідко закінчувався скандинавський меч.

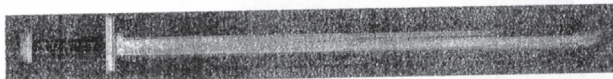


Рис. 18. Меч

Мечі вікінгів були двосічними, що робило їх досконалою рубальною зброєю. Клинки завдовжки близько одного метра виготовлялися з декількох залізних лозин, переплетених одна з одною, а потім сплюснутих в одне ціле. Така конструкція робила клинок гнучким і міцним. Археологи знайшли багато унікальних мечів, похованих разом з їх власниками. Мечі дуже цінувалися й дорого коштували, тому вікінги їх берегли.



Рис. 19. Скандинавські мечі (XI в.)



Рис. 20. Мечі вікінгів

Скандинави наділяли мечі особистістю, а тому цілком логічно намагатися виділити його з іншої зброї. Нерідко мечу, що віддано служив хазяїнові, давалося ім'я, відоме людям не менше, ніж ім'я його власника. От і виникали звучні імена: «той, що випробовує», «полум'я битви»...

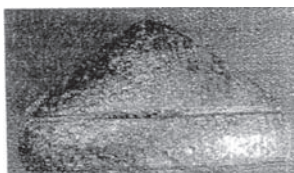


Рис. 21. Рукоятка меча вікінгів (Експонат британського музею)

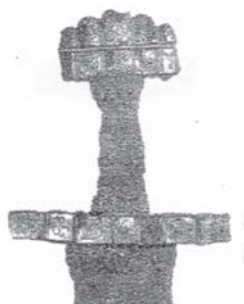


Рис. 22. Рукоятка меча вікінгів



Рис. 23. Рукоятка меча вікінгів

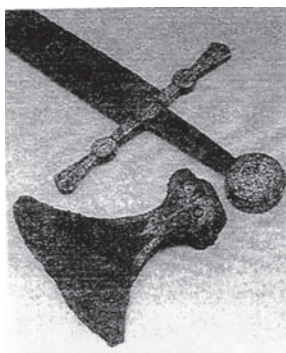


Рис. 24. Меч і сокира

Мечі наділяли також магічними властивостями і вони передавалися з покоління до покоління. Зазвичай мечам привласнювалися звучні імена: Б'ярні Кусачий (Brynjubitr), Довгий і Гострий (Langhvass), Золота Рукоять (Gullinhjalti), що «Рве кольчуги», «Рубаючий ноги» або «Здобувач».

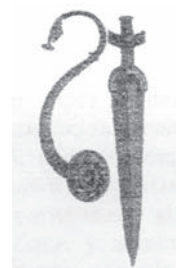


Рис. 25. Сигнальна труба і меч



Рис. 26. Варязький меч

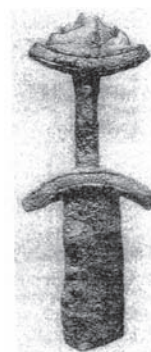


Рис. 27. Меч IX ст. з різьбленою рукояткою типово англійського стилю, який у X ст. перейняли вікінги. Знайдено в Ебінгдоні в 1890 р. (музей в Оксфордї).



Рис. 28. Рукоятка одного з 40 норвезьких і франкських мечів IX ст., знайдених на кладовищі вікінгів у середині XIX ст. у Кілмейн-хемі, Айландбріджі, в околицях Дубліна. Перехрестя і яблуко покриті сріблом. Також були знайдені списи та ум-бони. (Національний музей Дубліна)



Рис. 29. Мечі

Найкращі мечі доставлялися з французьких королівств, а ремісники вікінгів оснащували їх вишуканими рукоятками з металу, кістки, рогу й моржевого бивня. Вони часто прикрашалися золотом, сріблом або міддю. Найпростіша рукоятка могла бути з гладкого дерева, покритого шкірою. Леза, зазвичай інкрустовані, були двосічні або односторонні з жолобком для зменшення ваги посередині. Односторонній меч (sax) використовувався переважно на початку епохи вікінгів у Норвегії.



Рис. 30. Головка меча

Піхви та рукоятки мечів також прикрашалися золотом і сріблом, леза покривали руками. Один із найкращих способів прикраси мечів був таким: при виготовленні клинка в рукоятку вковувалися по черзі мідний і срібний дріт, у результаті меч виходив "смугастим".

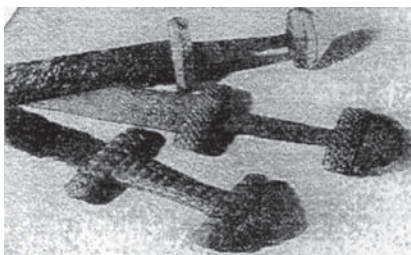


Рис. 31. Мечі вікінгів

Вікінги берегли свої мечі в чохлах-піхвах з дерева або шкіри. Основа піхов була дерев'яною, покрита обробленою шкірою, з внутрішнього боку піхви були оброблені спеціально змазаною шкірою, вощеною тканиною або овечою шкурою з шерстю, щоб перешкоджати утворенню іржі. Вони підвішувалися до пояса за допомогою пряжки у бронзовій або срібній оправі.



Рис. 32. Рукоятка меча



Рис. 33. Піхви ножа (різьблення по іклу моржа)

Чи не найулюбленішою зброєю вікінгів була сокира. Можливо, через те, що другого удару сокирою зазвичай не було потрібно, вона мала ще й великий моральний вплив на супротивника вікінга. З іншого боку, у захисті сокира мала багато мінусів. Навіть копійщик здатен роззброїти воїна з сокирою, піймавши її в місці з'єднання леза та рукоятки й висмикнувши з рук власника. Сокири вікінгів були величезними. До початку епохи вікінгів сокира в європейському військовому мистецтві була майже забута. Але в IX-XI ст. вікінги знов ввели його у вживання, особливо в Англії і Ірландії. Було три типи сокир: «бородата» сокира (skeggox) (в ходу до VIII в.), сокира з короткою рукояткою і вузьким лезом і сокира з широким лезом на довгій рукоятці (breidox). Останній тип відрізнявся серповидним лезом, що вперше з'явилося в кінці X ст. і було найпопулярнішим у англо датських хускарлів в битві при Гастінгсе в 1066 р. Згідно «Сазі об Лексдейле» лезо такої сокири, зроблене з високоміцного мета-

лу, мало ширину в 12 дюймів, а довжину (по периметру заломленого краю) 18 дюймів.



Рис. 34. Бойові сокири

Сокирам давали жіночі імена, пов'язані з богами або силами природи (наприклад, їх називали іменами тролів), а король Олав назвав свою сокиру Хель, на честь богині смерті. З топором завдовжки близько метра і закруглюючим лезом.



Рис. 35. Дві сокири з семи знайдених у Теймсі, поблизу північної частини Старого Лондонського мосту, XI ст. Датуються часом атаки Олафа Харальдсона на мост, захоплений датчанами



Рис. 36. Ритуальна сокира, прикрашена узором з срібного дроту. З норманського поховання X століття



Рис. 37. Бойова сокира вікінга. Довжина 17 см. Середина IX століття. Національний музей, Копенгаген, Данія

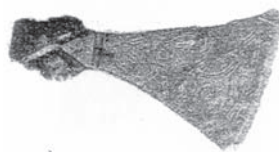


Рис. 38. Невеличка сокира з Маммену, Ютланд; прикрашена срібною інкрустацією в стилі „Маммен», ця знахідка дала назву стилю, який характеризується зооморфними мотивами (Національний музей, Копенгаген)

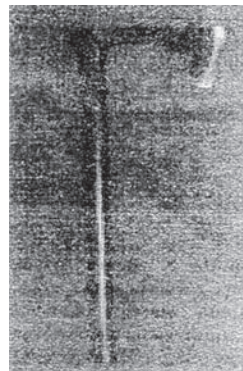


Рис. 39. Бойова сокира

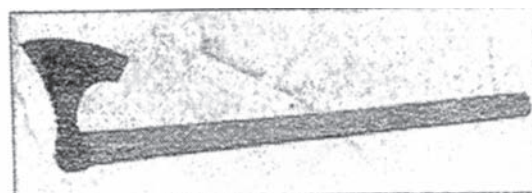


Рис. 40. Бойова сокира

Сокири прикрашалися золотими та срібними візерунками.

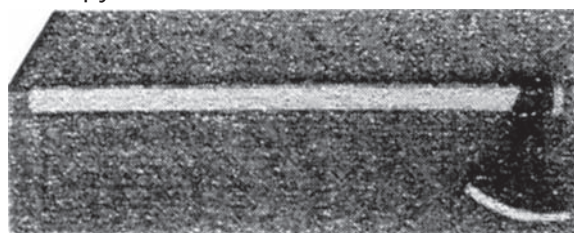


Рис. 41. Бойова сокира вікінга

Вважається, що одним із чинників перемоги нормандців при Гастінгсі була більш прогресивна зброя. Армія Вільгельма була озброєна залізними сокирами, у той час як англосакси вийшли на поле бою з кам'яними сокирами. Але варто підкреслити, що кам'яні сокири цінували й вікінги. Причиною був вік зброї, що давав підстави вважати її наділеною магичними властивостями. Така зброя, дбайливо

зберігаючись, передавалася з покоління в покоління.

Вікінги користувалися також луком і стрілами, б'ючись на морі й на суші. «Знаменитими стрілками» називали норвежців. Слово «лук» іноді позначало у Швеції самого воїна. Навіть королі стріляли з лука й дуже пишалися своєю влучністю. До 40 стріл вікінги носили на талії в циліндровому сагайдаку. Наконечники стріл могли бути грановані та з жолобками.

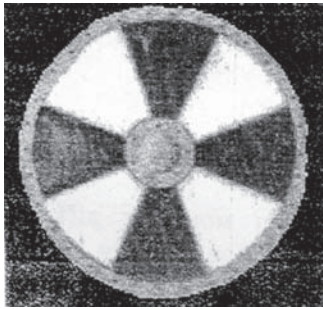


Рис. 42. Щит вікінгів

Щит також виступав обов'язковим атрибутом воїна за всіх часів. Від століття до століття, від народу до народу, щити змінювали форму, будову, зовнішній вигляд, але призначення їх лишалося одне — надати воїнові зручний та надійний засіб особистого захисту. Природно, що скандинави, у житті яких війна посідала далеко не останнє місце, не залишили щити без уваги.



Рис. 43. Зображення щита X ст. Передбачалося, що ці три залізні пластини лежали впоперек щита, утворюючи рукоять. Ця конструкція зібраної видна на манускрипті IX століття, як показано на малюнку А. Деталь В знайдена археологами на місці поселення франків. Так само таку конструкцію щита можна побачити на готландському рунічному камінні.

Для захисту вікінги мали великі щити діаметром близько 1 м. Щити були круглі, з де-

рева, покритого шкірою, оброблені по краях також шкірою або металом. У Бирці (Швеція) був знайдений щит, оброблений маленькими бронзовими пластинками. У центрі щита розташовувалася напівсферична або конічна залізна деталь (ум-бон), під якою знаходилася рукоять для руки. Сам по собі щит був зроблений із липи. Щити могли бути й меншого розміру.



Рис. 44. Вигляд спереду і з задку одного з 64 знайдених в Гокстаді щитів, 900-й рік. Він має близько метра в діаметрі. Металеві обручі й три дерев'яні щаблини археологи зробили для відновлення форми щита. Гокстадські щити були пофарбовані в жовтий або чорний колір та обтягнуті по краях шкірою (Університет Олдсаксамлінг, Осло)

Найпопулярнішими були червоні щити (у русів - червлени), але могли бути й жовті, чорні, білі, рідше зелені або сині. 64 щити, знайдені на Гокстадському кораблі, були розфарбовані в жовтий і чорний кольори. Круг міг бути розділений на дві або чотири частини, пофарбовані в контрастні кольори. Є дані про щити, що зображають міфологічні сцени, драконів та інших істот. У битві при Несьярї в 1015 році воїни Святого Олава носили позолочені, червоні або сині смуги на щитах.



Рис. 45. Частина щита

Розфарбовувалися щити по-різному, залежно від смаку власника. Щит міг бути пофарбований повністю одним кольором, або сегментами. Поширеними малюнками минулого були хрест і колесо — символ сонцестояння. Крім того умбон і посилювальні смуги нерідко прикрашалися сріблом і золотом. Інколи воїни малювали на своїх щитах яскраві картини або візерунки.



Рис. 46. Щит

З I по X століття у Скандинавії міцно утвердилися круглі щити. Існували два різновиди таких щитів — плоскі та опуклі. Для посилення такої набір міг бути двошаровим, причому шари накладалися поперек, що знову ж таки надавало міцності. У центрі щита обов'язково був наявним умбон — металева півкуля, призначена для захисту від прямих ударів: зброя супротивника зісковзувала по ньому. До того ж, умбон захищав руку, оскільки найпоширенішим кріпленням щита на руці у скандинавів було кулачне кріплення.



Рис. 47. Опуклості в центрі щитів

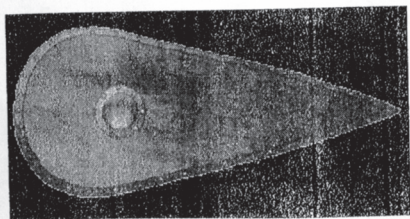


Рис. 48. Щит

Під умбоном проходила рукоять, за яку воїн і тримав щит. Таке кріплення зручне тим, що щит можна легко скинути. З іншого боку, необхідно мати добре натреновану руку, щоб успішно захищатися. Утім, існували щити з «традиційним» кріпленням на руці. Нерідко по краю щит оббивався смугою товстої сирицевої шкіри, а іноді міг навіть бути обтягнутим шкірою з лицьової сторони. Хоч подібні щити й не були жодного разу знайдені, згадки про щити, обтягнуті шкірою, дуже часто трапляються в літературних джерелах того періоду. Що стосується всіх знайдених щитів, то фарбу на них було нанесено безпосередньо на дерев'яну поверхню.



Рис. 49. Щит

Традиційно щити виготовлялися з липового дерева, хоча могла використовуватись також інша деревина (наприклад, вільха або тополя). Ці сорти деревини були обрані завдяки своїй легкості та невеликій щільності. Крім того, ця деревина не лущиться так легко, як, скажімо, дуб. За розміром круглі щити варіювалися від 45 до 120 сантиметрів у діаметрі, але найпоширенішими були щити діаметром 75–90 сантиметрів.

На початку XI ст. нижній край щита почав витягатися вниз для захисту ніг. Така зміна дала початок розвитку краплевидного щита. Як і їх попередники, круглі щити, краплевидні існували як плоскі, так і опуклі, причому відчутно переважали. Дотепер ведуться суперечки про кріплення такого щита: він кріпився на руці, на кулаці чи його не було взагалі. Річ в тім, коли щит тримається під умбоном, то нижня, витягнута, частина щита діє як маятник, усилиючи

роботу з щитом. Розміром ці щити були близько 1–1,5 метра.

І круглі щити, і краплевидні могли носитися в похідному варіанті, за спиною. Для цього існував спеціальний ремінь або просто широка смуга шкіри. Навіть пішому воїнові нести щит у такий спосіб було набагато зручніше, тим більше вершникові.

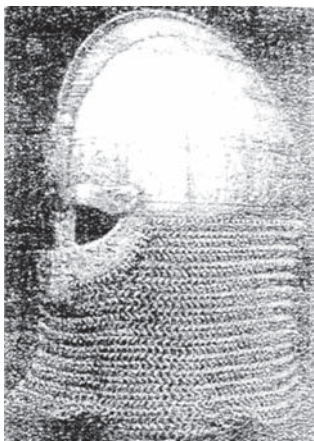


Рис. 50. Шолом вікінга

Захисні обладунки вікінгів, окрім щита, склалися головним чином із шолома та кольчуги.



Рис. 51. Шолом вікінга. VII ст. (Державний історичний музей, Стокгольм, Швеція)

Більшість воїнів носила шкіряні або металеві шоломи. Окремі шоломи мали закруглену верхівку й щитки для захисту очей та носа. В інших верхівка була конічною (злегка загостреною) форми з прямою планкою для захисту носа.

У минулому багато художників зображали вікінгів у шоломах з крилами або рогами. Насправді вікінги таких шоломів не носили.



Рис. 52. Шолом вікінга



Рис. 53. Шолом шведського воїна

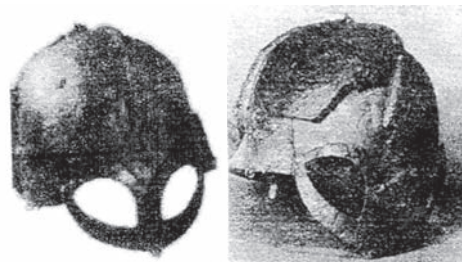


Рис. 54. Це відновлений шолом вікінга X ст., зібраний із фрагментів, знайдених у могилі поблизу Гермунд-бю, Рінгеріке (Норвегія). Він має захисну напівмаску й ребра жорсткості, оперізувальні його зведення. (Університет Олдсаксамлінг, Осло)



Рис. 55. Шолом, забезпечений пластиною для захисту носа, XI-XII ст., типовий для Скандинавії й Західної Європи упродовж двохсот років. Деякі шоломи вікінгів X-XI ст. мали мідні й срібні прикраси надбрівних граней та носової захисної пластини. Один із шоломів такого типу знайдений у Готланді.



Рис. 56. Шолом вікінга. VII ст. Державний історичний музей, Стокгольм, (Швеція)



Рис. 57. Шолом вікінга

Зброя вікінгів була істино спартанською за своєю простотою.



Рис. 58. Нашлемна прикраса, що зображає вікінг-вершника



Рис. 59. Кольчуга



Рис. 60. Кольчуги з Вердалена, Північний Тронделаг. Свідчення саг і археологічних досліджень говорять про те, що такі кольчуги були поширені у VIII - XI ст. (Університет Олдсамлінг, Осло)

Зброя передавалася від одного покоління до іншого. Вважалося почесним володіння давньою зброєю, а вміння користуватись мечем і сокирою вважалося необхідним для скандинава будь-якого прошарку. Кожен чоловік — чи то дворянин, чи селянин або рибалка — був воїном. Військові експедиції вікінгів вражають своїми масштабами. У середньовічній Європі не було такої державі, в історії якої не залишили свого сліду звитяжні скандинавські воїни. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гвин Д. Викинги. Потомки Одина и Тора. — М.: ЗАО Центр полиграф, 2003. — 445 с.
2. Гвин Д. Норманны. Покорители Северной Атлантики. М.: ЗАО Центр полиграф, 2003. — 301 с. 3. Гуревич А.Я. Походы викингов. М.: Наука, 1966.- 177 с.
4. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. — М., 1969.
5. Толочко П.П. Древняя Русь. — К., 1987.





КОРАБЕЛЬНАЯ ПУШКА XIV-XVI ВВ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЗАПОРОЖСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Около 1840 года жители днепровского острова Хортицы, вскапывая огород, случайно нашли «две небольшие пушки, одна медная, а другая железная положенные одна на другую крестообразно, и тогда же там было отыскано несколько греческих золотых монет, византийского периода» [1, с. 550]. Монеты, к сожалению, не сохранились и не были исследованы специалистами. Следы одной из пушек, медной, также потерялись во времени. Другой же, железной, суждено было стать «звездой» золотого фонда древностей Запорожья.

Осенью 1842 года она была подарена Екатеринославским вице-губернатором Д.В. Сафроновым музею Одесского общества истории и древностей, где находку с Хортицы зарегистрировали как «железную кованую Запорожскую пушку» [2, с. 20]. Уникальность конструкции пушки уже тогда привлекала внимание почитателей старины. Главное артиллерийское управление Российской империи требовало передать пушку в Артиллерийский музей в Петербурге, но ему было отказано [3,

с. 13]. В 1852 году рисунок пушки был впервые опубликован как приложение к работе С.И. Мышецкого «История о казаках запорожских» [4, с. 93]. А в 1872 году хортицкая пушка экспонировалась на Всероссийской политехнической выставке в Москве [5, с. 62]. В 1964 году пушку, которая к тому времени находилась в Одесском областном историко-краеведческом музее, благодаря ходатайству Н.П. Киценко, возвратили в Запорожье [6]. Здесь она сразу же была включена в открытую тогда же в 1965 году экспозицию «Место края в истории запорожского казачества» и охарактеризована в путеводителе как «особенно ценный экспонат – кованая морская пушка XVI ст.» [7, с. 44]. Фотографией пушки иллюстрированы все три издания книги Н.П. Киценко «Хортица в героике и легендах» [8]. Сегодня эта редкая находка украшает открытую в 2002 году в Запорожском областном краеведческом музее экспозицию, освещающую историю морских походов запорожских казаков (фото 1).

Хортицкая находка, несомненно, представляет собой корабельное артиллерийское



орудие (фото 2). Об этом свидетельствует наличие у него характерного в основном для корабельных пушек шарнирного приспособления – вертлюга. Общая длина этой корабельной пушки составляет 870 мм, длина ее ствола — 580 мм, а внутренний диаметр орудийного ствола — 60 мм. Правило, то есть рукоятка для маневрирования и прицеливания, у пушки отломано. Пушечный ствол скреплен шестью железными кольцами. К его задней части прикована рама с внутренним пространством для помещения зарядной камеры 202 мм в длину. В центральной части пушки с боков прикованы цапфы квадратного сечения с расстоянием в 195 мм между их внешними концами. К ним с помощью накованых обойм прикреплен вертлюг для придания углов возвышения орудия по вертикали. Вертлюг откован из плоской полосы железа шириной в 30 мм, изогнутой в двуроугольную дугу с петлями, на верхних ее концах шарнирно соединенными с цапфами. К дуге вертлюга снизу прикован стержень длиной в 205 мм (фото 3). Он вставлялся в обойму пушечной подставки на борту судна и обеспечивал вращение пушки по горизонтали. Зарядная выемная камера у нашей пушки отсутствует.

Такие пушки по типологии, предложенной главным хранителем Артиллерийского музея лондонского Тауэра, Р.Д. Смитом, являются орудиями клепано-обручной конструкции типа SW1 [9, с. 7]. Они датируются XIV—XVI столетиями и известны в артиллерии под названием «бомбарды» [10, с. 49].

Технология изготовления этих пушек чрезвычайно сложная. Это настоящее чудо кузнечного дела средневековой Европы. Ствол пушки изготавливали из двух частей: центральной — снарядной, к которой крепились рама и вертлюг, и передней — непосредственно ствола. Центральная, так сказать, казенная часть изготавливалась в виде цилиндрическо-конической болванки со сквозным отверстием. Потом из листа железа или из нескольких скованных вместе полос выковывали трубку, внутренний диаметр которой равнялся будущему калибру пушки. Эту трубку вкладывали в отверстие центральной части и приваривали кузнечной сваркой. Для укрепления тонких

стенок ствола на него последовательно, в раскаленном состоянии, набивалось кольцо с цапфами, затем узкое кольцо, затем хомут (широкое кольцо), потом снова кольцо и т. д. У хортицкой пушки таких хомутов пять, а колец шесть. Последнее, седьмое, кольцо на стволе имеет диаметр больше других. Для предоставления прочности пушке, части ствола, которые выходили за последнее дульное кольцо, разрубали на три-четыре части и загибали, приковывая к дульному кольцу (фото 4). К задней стенке рамы приковывалось правило — рукоятка для маневрирования и прицеливания. Перед выстрелом в раму вставлялась вынимаемая сменная зарядная камера, в которой находился порох. Камера представляла собой железный стакан, открытый к стволу. Для удержания камеры в раме в нижней части рамы закреплена металлическая полоса. Между задней стенкой рамы и камерой забивался дубовый клин, который плотно прижимал камеру к стволу. После этого в ствол пушки заряжалось каменное или свинцовое, а позже железное или чугунное ядро, которое забивалось пыжом. Фитиль подносился к зажигательному отверстию в камере и звучал выстрел [11, с. 67–69].

Подобные казеннозарядные орудия использовались раньше других не только на кораблях, а и в полевой артиллерии, но на лафетах и колесах. Об этом красноречиво свидетельствует редкая средневековая гравюра, на которой изображен прибрежный бой (фото 5) [12]. На переднем плане гравюры изображены те его участники, которые ведут бой со стороны суши. На втором плане – противостоящий им экипаж трехмачтового корабля, подошедшего к самому берегу. Все воюющие облачены в средневековые доспехи, а некоторые из них стреляют из луков и арбалетов. Многие участники боя вооружены также копьями и шпагами. Редкость изображения баталии на гравюре состоит в том, что вместе с перечисленным метательным и холодным оружием мы видим и использование огнестрельного оружия в виде железно-кованных пушек, аналогичных находке с острова Хортица. В нижней части гравюры, на берегу, изображено три орудия: два рядом в правой ее части и одно – слева. Автор гравюры изобразил интересные для



Фото 1.



Фото 2.



Фото 3.

нас детали: возле пушек лежат зарядные камеры и горка, похоже, каменных ядер, один из пушкарей изображен с молотком в поднятой правой руке. По-видимому, он забивает дубовый клин, между задней частью рамы и зарядной камерой, готовя орудие к выстрелу. Тремя подобными пушками вооружен и парусный корабль. Судя по вооружению участников сражения, гравюра изображает событие, происходящее в XIV—XV столетиях.

Немногочисленные находки таких пушек на территории Украины [13] традиционно связывают с военным судоходством запорожских казаков. Д.И. Яворницкий называл их «фальконетами», а воспринимая архаичность конструкции и технологии изготовления таких пушек за примитивность, не исключал изготовления их запорожскими «сечевыми кузнецами». «Судя по слишком примитивному устройству железных и кованых пушек, писал он, можно думать, что из всех видов запорожских армат, эта пушка была собственного, т. е. сичевого, производства» [14, с. 214]. Эту мысль разделял и исследователь находок пушек на Украине В.А. Сидоренко [15, с. 111].

Мы считаем, что описываемое нами орудие должно рассматриваться не просто как пушка запорожских казаков, а как самое раннее орудие, которыми они пользовались. Письменные источники свидетельствуют, что преобладающая часть пушек, которые имели на вооружении запорожские казаки, были иностранного происхождения. Попадались пушки казакам в руки в качестве трофеев во время тех или иных боевых действий. К. Крюйс отмечал, что «пушек запорожцы у себя не имеют, а пользуются только теми, кои внезапно нападениями с кораблей и галер у турок взяли» [16, с. 68]. Однако существовали и другие, и как свидетельствуют письменные источники, совсем неожиданные пути обретения пушек казаками. С.И. Мышецкий записал рассказ запорожцев о том, что во время существования Сечи на реке Каменке и в Олешках (1709—1734 гг.), «... некоторые их казацкие рыболовы нечаянно на крымской стороне, в отмытом, от полой воды, берегу реки Днепра, в урочище Карайтебень усмотрели одну пушку малую, и пришед об оной объявили

кошевому, на что кошевой взяв несколько казаков, пришед оную пушка вырывать стали, и в том месте нашли их числом пятьдесят; которые пушки взяв и содержали в одном зимовнике потаенно, не объявляя об них никому, опасаясь дабы татары, вот их, оных пушек не отобрали, а как пришли в подданство Российской империи, то оные пушки раздали по своим казацким куренем, которые ныне в них, на их военных дубах, имеются» [17, с. 26]. Как видим, Мышецкий сообщает, что запорожские казаки случайно нашли на левом берегу Днепра, в урочище Карайтебень, что ниже современной Каменки-Днепровской, настоящий арсенал из пушек XIV—XVI столетий. Проведя раскопки, которые так и хочется назвать археологическими, так как кованые железные пушки действительно были древностями даже для первой половины XVIII века, запорожцы добыли с полсотни орудий. находка этого арсенала была очень своевременна и полезна. Ведь после 1709 года сечевикам было запрещено иметь артиллерию и вплоть до войны 1736—1739 гг. они не принимали участие в морских походах. Во время упомянутой войны запорожцы вооружили свои военные суда-дубы найденными пушками и успешно пользовались ими. Известно, что основные стоянки судов, в том числе и казацких, на Днепре в компаниях 1736—39 гг. были возле острова Хортица. Именно здесь и найдена наша пушка и мы вправе предположить, что это одна из тех пушек, о которых рассказывали запорожские казаки С.И. Мышецкому.

Хорошо известно, что в XIII—XV столетиях бассейн Черного моря и Нижнего Днепра активно осваивался морскими купцами Генуи [18]. Генуэзская рукопись 1316 года свидетельствует, что каждое судно грузоподъемностью 600 тонн должно было быть вооруженным пятью бомбардами и 120 железными или каменными ядрами [12, с. 173]. Известно также, что через крепость Кафу (Феодосию) Генуя вела торговлю оружием в черноморском бассейне. В те времена Днепр на картах капитанов генуэзских галей обозначался как «река Олешье». Возле Олешья, в районе современного Цюрюпинска, в 30–40-х годах XIV столетия находилась торговая фактория



генуэзцев [20, с. 81]. Есть свидетельства о том, что существовала их фактория и неподалеку от урочища Карайтебень, где казаки нашли пушки, неподалеку от современной Знаменки [21, с. 35]. Этим по нашему мнению, в первую очередь и объясняется появление в бассейне Днепра итальянских корабельных пушек XIV—XVI столетий. Впрочем, как указывалось выше, не исключена возможность попадания их на юг Украины и в качестве трофеев, захваченных во время многочисленных морских походов запорожских казаков на Черное море в XVI-XVII столетиях. ■



Фото 4.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Чирков А. Краткий очерк городищ, находящихся по Днепру и его лимана. ЗООИД. — Одесса, 1867, т. VI.
2. Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1842 г. по 14 ноября 1843 г. — Одесса, 1843.
3. Полищук М. А. Предметы вооружения музея Одесского общества истории и древностей в фондах Одесского историко-краеведческого музея // Тезисы докладов юбилейной конференции к 100-летию основания Херсонского музея древностей «Проблемы музееведения и краеведения». Октябрь 1990 года. — Херсон, 1990. — Т. 4.
4. Мышецкий С. История о казаках запорожских. — Одесса, 1852. Приложение.
5. Монгайт А. Л. Русская артиллерия в XIV—XVI вв. // Военно-Исторический журнал. — 1940. № 7.
6. Фонды Запорожского областного краеведческого музея. — Инв. №ЗКМ КН-11736; Збр. 182.
7. Запорізький краєзнавчий музей: Путівник. Під заг. ред. А.Д. Мільської. — Дніпропетровськ: Вид-во «Промінь», 1972.
8. Киценко М.П. Хортиця в героїці і легендах. Дніпропетровськ: Вид-во «Промінь», 1967. — 127 с.; Киценко М.П. Хортиця в героїці і легендах. Вид. друге, доп. і перероб. Дніпропетровськ: Вид-во «Промінь», 1972. — 146 с.; Киценко М.П. Хортиця в героїці і легендах: Істор.-краєзн. нарис / Післямова О.М. Апанович; Худож.-іл. К.Д. Ткаченко. — Дніпропетровськ: «Січ», 1991. — 150 с.
9. Smit R.D. Towards a new typology for wrought iron ordnance // The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration. — London, 1988, v. 17-1. — P. 5-16.
10. Курти О. Постройка моделей судов. — Ленинград, 1988.
11. Милицлавевич К. Старинная пушка, найденная у о. Тендры // Вісник Одеської Комісії Краєзнавства при Українській Академії Наук. — Одесса, 1925. - Ч. 2-3. — С. 67-69.
12. Савов Н. Корабната артилерія // ФАР. — Варна: Книгоиздателство «Г. Бакалов», 1986. — № 86. — С. 5.
13. Шаповалов Г.І. Про знахідки корабельних гармат XIV-XVI ст. на Нижньому Дніпрі // Древности степного Причерноморья и Крыма. — Запорожье: ИПК «Запорожье», 1993. — Т. IV. — С. 268-271; Шаповалов Г.І. Корабельні гармати XV—XVI ст. з Каламітської затоки Чорного моря // Старожитності степового Причорномор'я та Криму. — Запоріжжя, 2002. — Т. X. — С. 259–260.
14. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. — К.: Наукова думка, 1990. — Т. 1. — 592 с.
15. Сидоренко В. О. З історії селянсько-козацької артилерії часів визвольної війни українського народу 1648-1654 гг. // Праці Київського державного історичного музею. — К.: Мінкультури УРСР, 1958. - Вип. 1. — С. 99-118.
16. Крюйс К. Разыскания о Доне // Отечественные записки. - СПб, 1824. — Сентябрь. — № 54. — С. 68-70.
17. Мышецкий С. История о казаках запорожских. - Одесса, 1852. — С. 26.
18. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: проблемы торговли. — М.: МГУ, 1990. — 336 с.
19. Савов Н. Корабната артилерія // ФАР. — Варна: Книгоиздателство «Г. Бакалов», 1986. — № 86. — С. 173-181.
20. Ратнер И. Д., Костюк Л. И. Древности Херсонщины. — Симферополь, 1989.
21. Штамбок А. Из царства Атея в Неаполь-Скифский. — М., 1966.



Шлайфер В.Г.
Волох А.А.



ДВУРУЧНЫЙ МЕЧ XVI В. ИЗ ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ОРУЖИЯ (Г. ЗАПОРОЖЬЕ)



Двуручные мечи (Spadon, bidenhänder, zweihänder, two-handed sword) среди прочих видов холодного оружия занимают особое место. Они всегда были в какой-то степени «экзотикой», обладающей своей магией и таинственностью. Такие мечи — украшение любого современного музея. Поэтому появление двуручного меча XVI в. в музее истории оружия (г. Запорожье) вызвало большой интерес среди его посетителей.

Двуручным в Европе традиционно называется клинковое оружие, общая длина которого превышает 5 футов (примерно 1500 мм). Действительно, общая длина дошедших до нас образцов варьируется в пределах 1500 – 2000 мм (в среднем 1700 – 1800 см), причем на рукоять приходится 400 – 500 мм. Исходя из этого, длина самого клинка достигает 1000 – 1500 мм (в среднем 1300 – 1400), а ширина — 40 – 60 мм. Вес оружия относительно невелик — от двух с небольшим до пяти кг, в среднем 3,5 – 4 кг. Меч из музея истории оружия имеет следующие характеристики. Общая

длина 1603 мм, длина и максимальная ширина клинка соответственно 1184 и 46 мм, длина рикассо (незаточенной пяты) 230 мм, толщина клинка в районе рикассо 6,5 мм, длина крестовины 395 мм, вес 2,8 кг. Известно, что встречаются мечи весом 5, 7 и даже 8 кг и длиной более 2 м. К. Асмолов, например, в своей работе «История холодного оружия» указывает, что именно такие характеристики имел английский кавалерийский меч «слэшер» (slasher, hard sword) [1, с. 203]. Впрочем, большая часть исследователей склоняется к тому, что это все-таки поздние церемониальные, интерьерные и просто тренировочные экземпляры. По поводу даты появления в Европе двуручного меча у ученых нет единого мнения. Многие склонны предполагать, что его прообразом был швейцарский пехотный меч XIV в. На этом настаивал в свое время В. Бехайм, а позднее и Э. Вагнер в своей работе «Hieß und Stich waffen», изданной в Праге в 1969 г. [3, с. 126] Англичанин Э. Окшотт утверждает, что уже в начале и середине XIV в. существовали мечи крупных размеров, называемых на французский манер «epees a deux mains»,

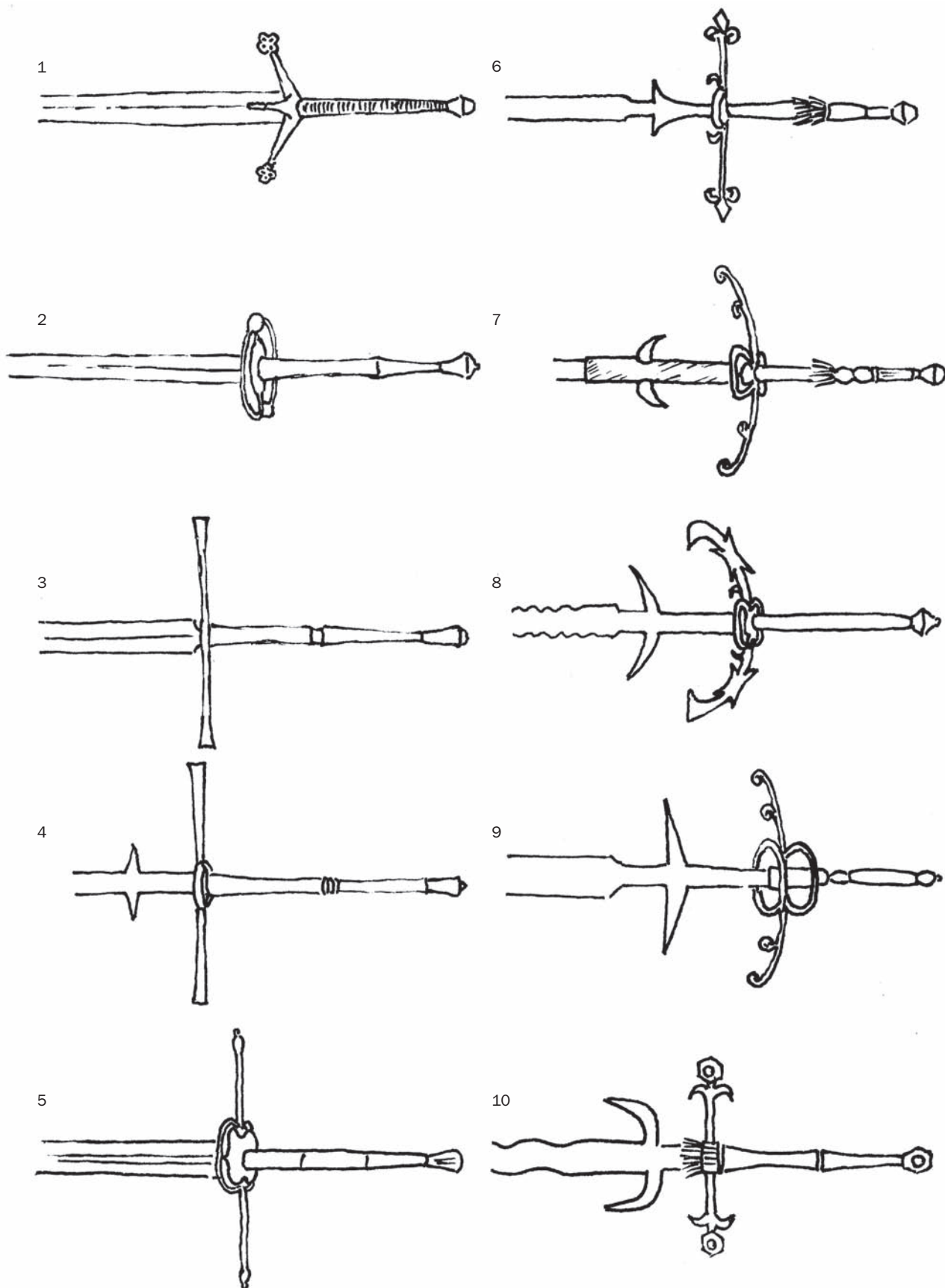


Рис. 1. Некоторые типы двуручных мечей: 1) Клеймор, XVI в.; 2) Меч, 1-я четверть XVI в.; 3) — 5) Итальянский тип, 2-я пол. XVI в.; 6) — 8) Немецкий тип, 2-я пол. XVI в.; 9) Немецкий тип, начало XVII в.; 10) Интерьерный меч, XIX в.

при этом имеются в виду т. н. «седельные» мечи рыцарей, которые имели полутораручный хват и могли использоваться в пешем бою. По всей видимости, первые двуручные мечи отличались от полутораручных только размерами — удлиненной рукоятью и соответствующей длины клинком. Крестовины на таких мечах прямые или слегка загнуты к острию, вполне в духе своего времени (примером может служить датский меч середины XV в. из Национального Музея в Копенгагене, упоминаемый Э. Окшоттом) [9, с. 382]. Спорадически такие мечи используются на заключительном этапе Столетней войны, но о более или менее частом употреблении этого вида оружия можно говорить только во второй половине XV в., а точнее, последней его четверти. Именно в этот период появляются первые упоминания о двуручных мечах в письменных источниках. Так, согласно запискам некоего Пауля Джовиуса, двуручные мечи были применены швейцарцами в битве при Форнуово (1495 г.). Одной из характерных особенностей оружия периода конца XV — первой четверти XVI в. было наличие S-образной крестовины, заимствованной у более коротких мечей-катцбальгеров [6, с. 66]. Наибольшее распространение «двуручники» получили в первой половине XVI в., хотя встречаются они и во второй его половине (большая часть мечей датируется именно этим периодом), и даже в XVII в. (в большей степени как церемониальное оружие) [7, с. 84]. В XVI в. существовало несколько типов двуручных мечей. Мечи «итальянского» типа сохранили традиционную для позднесредневекового оружия прямую или слегка изогнутую в сторону клинка крестовину, лишь по обеим сторонам самой рукояти добавилось по кольцу (часто с дополнительными округлыми или сердцевидными горизонтальными пластинами) для защиты пальцев [3, с. 127]. С некоторой натяжкой к этому типу можно отнести и экспонат запорожского музея, который имеет похожую крестовину. Для «немецкого» («немецко-швейцарского») типа характерна достаточно сильно изогнутая крестовина, со временем (примерно с 40-х гг. XVI в.) дополненная фигурными кольцами, «улитками», дополнительными ответвлени-

ями (предназначавшимися для блокировки вражеского оружия, и, по одной из версий, для удобства переноски в походном положении). Пята клинка (рикассо), как частично на ранних образцах, так и особенно на более поздних, была не заточена и зачастую покрывалась кожей. Примерно с 30–40-х гг. XVI в. на клинках (это относится больше к «немецкому», нежели «итальянскому» типу) ниже рикассо появляются т. н. «кабаньи клыки» — отростки разной длины и конфигурации (в форме треугольников, полумесяцев и т. д.), загнутые, как правило, в сторону острия клинка. О назначении незаточенной пяты и «клыков», которые присутствуют и на мече из музея истории оружия, речь пойдет ниже. Сами клинки обоих типов мечей были ромбовидными, часто со слабовыраженным ребром, как правило, без долов и каких-либо украшений. Правда, на рикассо меча из коллекции музея истории оружия присутствует простейший орнамент в виде волнообразных линий с зубцами, окружностей, а также клеймо, представляющее собой латинскую литеру «Т» в овале. Последнее свидетельствует о том, что этот образец был произведен мастерами Толедо (Испания) примерно в середине XVI в. Клинки двуручных мечей были прямыми, гораздо реже встречаются «пламенеющие» мечи-фламберги. Теоретически во время обратного хода лезвия при режущем ударе на себя этими мечами наносился ряд довольно глубоких порезов. Как антигуманное оружие, фламберги в свое время запрещались Ватиканом, а владельцу такого меча после пленения грозило отсечение правой руки. Рукояти мечей деревянные, часто биконические, граненые, имеют поперечные желобки, обмотаны железной проволокой или кожей. Так, деревянная рукоять меча из музея истории оружия имеет 8-гранное сечение, в средней части утолщения с поперечными бороздками, обтянута кожей с геометрическим орнаментом. Практиковалась обмотка рукоятей кожей, которая затем пробивалась металлическими гвоздями [10, с. 102]. Верхнюю часть рукояти обычно венчает массивное навершие-противовес различных форм (в данном случае бутоновидное), в верхней части которого расклепывался хво-

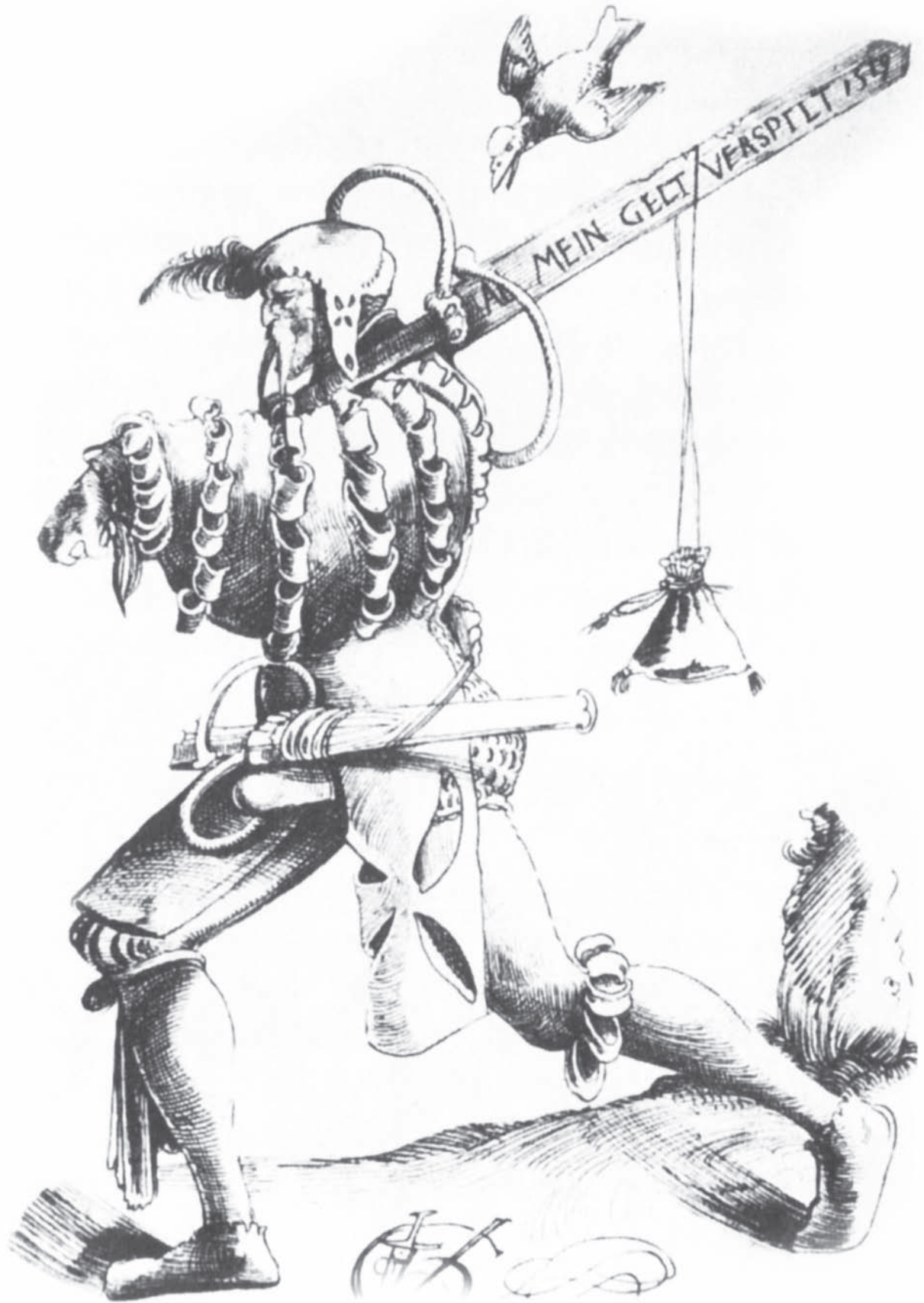


Рис. 2. У. Граф. «Возвращающийся ландскнехт». 1519 г.

стовик клинка. Средняя часть рукоятей иногда снабжалась бахромой, служившей как для украшения, так и для впитывания крови, стекавшей по клинку. Ножны для двуручных мечей не предусматривались (хотя встречаются образцы, снабженные чехлами). Судя по гравюрам XVI в., меч носился просто на плече, либо, вероятно, каким-то образом приторачивался за спиной наискосок. Особняком стоит, как его называет Асмолов, «англо-шотландский» тип. Имеется в виду знаменитый *Claidheamh mór* (гэльское «великий, большой меч») XVI — начала XVII в. Его главные особенности — прямой, постепенно сужающийся к острию клинок (менее длинный, чем у его континентальных собратьев) и своеобразная крестовина с двумя — тремя концами, наклоненными к лезвию под углом 45 градусов и увенчанными четырехлепестковыми цветками.

Конец XV — начало XVI в. — это время формирования абсолютных монархий, час зарождения новых экономических отношений, начало эпохи Великих географических открытий. Другая сторона медали — религиозная нетерпимость, эпидемии и неурожай, а также постоянные захватнические походы и войны, главными действующими лицами в которых были ландскнехты. Впервые слово ландскнехт (в значении «солдат, слуга государства») упоминается в 1470 г. По некоторым сведениям, автором этого неологизма стал Петер фон Гагенбах, набиравший тогда наемников для герцога Бургундского Карла Смелого в Южной Германии, Тироле, Швейцарии. Позднее этим термином стали называть наемных солдат, вербовавшихся также в Нидерландах, Испании, Шотландии, вкладывая при этом в слово исключительно негативный смысл. Действительно, чертами типичного «солдата фортуны» того времени стали необузданная жестокость, недисциплинированность, отсутствие всяких моральных приципов. Своими развратными действиями и экстравагантной одеждой ландскнехты доводили до исступления свое начальство, отцов церкви и просто добропорядочных граждан. Однако является фактом то, что ландскнехты оказали заметное влияние на военную машину многих стран. Так, характерная структура армий XVI в. со стро-

гой иерархией, большим количеством чиновников разных рангов определило устройство европейских армий на века вперед. А принципы ведения боя, применяемые в начале XVI в., долгое время оставались неизблемыми. Тактика ведения боевых действий в первой половине XVI в., несомненно, испытала на себе влияние швейцарцев. Основу войск составляли плотные глубокие построения пехоты разной конфигурации, ставшие прообразом позднейших каре. В состав построений входили пикинеры и стрелки-аркебузиры. Стрелки, стоявшие на флангах или в центре боевого порядка, давали залп и отходили назад, под прикрытие копейщиков. Такой строй был практически неуязвим для атак конницы. В то время первые и последние шеренги строя комплектовались наиболее опытными, рослыми, выносливыми и стойкими бойцами, вооруженными различными видами алебард и двуручными мечами. Воины задних шеренг были резервом и предупреждали отступление новичков. Задачей же солдат первой шеренги было после первого копейного столкновения протиснуться вплотную к противнику и, рубя и парируя его древковое оружие, сломать строй врага и создать условия для прорыва в образовавшуюся брешь своих войск. Здесь и пускались в ход двуручные мечи. Насколько эффективно это громоздкое оружие было в стесненных условиях рукопашной схватки — можно только догадываться. Более уместным и действенным скорее всего было использование короткоклинкового оружия — различных тесаков, даг или стилетов. Кстати, двуручный меч практически всегда носился в паре с дополнительным коротким мечом. В задачу воинов авангарда входило также закрывать образовавшиеся прорехи в своих боевых порядках. Работа была опасной, поэтому часто переднюю шеренгу называли *verlorene haufe* («оставь надежду»), а перед ней несли т. н. *blutfahne* («знамя крови»). Интересно, что назывались эти бойцы *doppelsöldner* (в их число входили, по некоторым данным, и аркебузиры), т. е. получали за риск двойное жалование [2, с. 198]. В начале XVI в. это составляло 8 гульденов в месяц (в 1515 г. простой рабочий получал 1,6, а опытный каменщик — 2,5 гульдена). О специальном статусе этих людей



Рис. 3. Меч и его фрагмент (ы) из экспозиции Музея истории оружия

говорит следующий факт. Экстравагантная, кричащая одежда наемников часто вызывала нарекания у начальства. Однако император Священной Римской империи Максимилиан I (1493—1519) все же закрыл на это глаза, а в 1503 г. Аугсбургский рейхстаг разрешил ландскнехтам носить любую одежду. Установить, каков был процент «мастеров большого меча» в войсках, довольно сложно. В первой четверти XVI в. (до битвы при Павии в 1525 г.), когда аркебузы, а затем и мушкеты еще не получили широкого распространения, в стандартной роте было примерно 300 пикинеров и 100 «двойных» солдат (половина из которых были аркебузирами, а остальные вооружены холодным оружием). Есть и более скептические мнения. Так, составители буклета львовского музея «Арсенал» отмечали, что «на батальон припадало 5 воїнів, озброєних дворучними мечами» [5, с. 3]. Некоторые иконографические источники (например, гравюры начала XVI в.) свидетельствуют о том, что иногда на три десятка обычных солдат приходился один «мастер меча» [11, с. 20]. Помимо полевых сражений, двуручные мечи на раннем этапе применялись при обороне крепостей, парных поединках перед битвой, на тренировках. Так, любил поупражняться с двуручным мечом в молодые годы и английский король Генрих VIII (1509—1547). Постепенно, с распространением огнестрельного оружия процент пик, алебард и двуручных мечей резко уменьшается. «Биденхандеры» теперь сделались атрибутом воинов, охранявших знамя, телохранителей-трабантов военачальников и госдеятелей, становясь все более декоративными [8, с. 199]. Последним отголоском былой славы двуручных мечей стало их применение во время Северной войны. В 1702 г. русские войска осадили крепость Нотебург, и на заключительном этапе осады остатки шведского гарнизона пошли в бой с мечами и в старинных доспехах.

В XVIII—XIX вв. появляется так называемое интерьерное оружие — более или менее точные копии исторического оружия, которыми украшались особняки и замки богатых европейцев. Не последнее место среди этого оружия занимают и двуручные мечи. Интерьерные (как, впрочем, и более ранние це-

ремониальные) образцы отличаются чрезмерной длиной и весом, отсутствием заточки лезвий, а также вычурными крестовинами с часто нефункциональными ответвлениями и щитками [6, с. 68]. Несколько подобных мечей, например, хранится в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск, и войск связи (Санкт-Петербург).

Приемы владения двуручным мечом описаны во многих теоретических работах. Об этом писали Ханс Талхофер (XV в.), Мароццо (1536), Джакомо ди Грасси (1570, 1594), А. Хаттон (конец XIX в.). Судя по всему, первоначально основным хватом меча был прямой, когда правая рука находилась у крестовины, а левая — на навершии. Удары в основном были рубяще-режущими, причем перехват меча за незаточенную пятую позволял регулировать и силу, и длину удара. Действительно, длина меча позволяла действовать им, постоянно меняя дистанцию боя, повышая при этом безопасность владельца. В трактатах упоминаются как вертикальные и круговые удары, так и удары по диагоналям — по конечностям. В технике ведения боя фламбергом, по-видимому превалировал режуще-рубящий удар (интересно, что встречаются мечи подобного типа и со слегка искривленным клинком) [6, с. 12].

Колющий удар упоминается, но сама конструкция клинка (параллельные лезвия практически на всем его протяжении) наталкивает на мысль, что основным этот удар не был. Впрочем, представители некоторых современных фехтовальных школ утверждают, что преобладающим был как раз-таки колюще-режущий удар, мотивируя свое мнение тем, что значительный вес и длина меча предполагали появление значительной инерции при нанесении рубящего удара, сводили к минимуму время на повторный замах. К тому же точность нанесенных ударов по противнику (особенно легковооруженному) оставляла желать лучшего. Появление же на мечах незаточенной пяты и «кабаньих клыков» позволило применять как прямой, так и обратный хват (при этом «клыки» использовались одновременно и для защиты руки, лежавшей на рикассо, и для блокировки оружия противника, и для на-

несения несильных ударов) с последующим тычковым ударом. Эти приемы, а также, скажем, парирование оружия противника с упором своего клинка в землю, сильно напоминает систему боя коротким шестом, копьем и, соответственно, винтовкой со штыком [12, с. 46]. Дополнительно для концентрированных колющих ударов можно было использовать и концы крестовин (если они были заострены), а для дробящих ударов — мощное навершие.

В заключение хочется подчеркнуть, что, будучи когда-то грозным оружием, «цвайхандер» сейчас — неизменный участник ролевых действий, герой кинофильмов и фэнтезийных романов, и, конечно же, ценный и редкий музейный экспонат. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асмолов К. История холодного оружия. — М., 1993. — ч. 1. — 264 с.
2. Бехайм В. Энциклопедия оружия. — СПб.: АО «Санкт-Петербург оркестр», 1995. — 576 с.
3. Wagner E. Hieß und stichwaffen. — Praha, Artia. - 1969. - 494 p.
4. Withers H. Worlds swords 1400- 1945. — Sutton Coldfield, Studio Jupiter Military Publishing, 2006. — 298 p.
5. Косив М.В., Косой В.М., Мельник Б. В., Чайковський Б.М. Музей «Арсенал» у Львові. — Москва: ВРИБ «Союзрекламкультура», 1990
6. Кулинский А. Н. Немецкое холодное оружие. — СПб.: ООО «Изд-во «Атлант», 2007. — т.1-2. — 400 с.
7. Lhoste J. Les epees portees en France. — Editions du portail, 2003. — 482 p.
8. Müller H., Köling H. Europäische hieß und stichwaffen. — Berlin, Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republic. — 1981.
9. Окшотт Э. Археология оружия. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. — 398 с.
10. Оружие. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — 360 с.
11. Функен Ф. Средние века. Эпоха Ренессанса: Пехота — кавалерия — артиллерия. — М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. — 146 с.
12. Хаттон А. Меч сквозь столетия. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 344 с.





К ВОПРОСУ О КОРАБЛЕКРУШЕНИИ В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА ЧЕРНОМОРСКОЕ

Риюне 2004 года дайв-клуб «АРАТТА», проводил учебно-тренировочные погружения членов клуба в районе пос. Черноморское, АР Крым, в 9–10 км западнее поселка. В одно из погружений была случайно обнаружена и поднята 6-ти фунтовая пушка, интересных пропорций, с коротким, по отношению к калибру стволом. Диаметр канала ствола — 96 мм, длина до конца винграда — 980 мм, вес — 150 кг. Над запальным отверстием расположены арабские цифры 5 = 3 = 16, разделенные двойной горизонтальной чертой (знаком «равно»). Пушка находилась на глубине 4,2 метра. Ствол зачеканен дубовой пробкой, положение ствола — запалом вниз. Одновременно с пушкой на дне были обнаружены и подняты на поверхность гак талевой оснастки, для крепления пушек к бортам судна при откате, и несколько чугунных ядер 6-ти, и 3-х фунтового калибра.

Все находки найдены на глубине 4–5 метров, дно скалистое, с отдельными выступающими на высоту 1,5 — 2 метра камнями. В 40 — 50 метрах от скалистого берега, высотой 5 — 6 метров. В 50 метрах от входа в небольшую

бухточку. Пушка была обмерена, сфотографирована, материалы отправлены в Санкт-Петербургский Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи для атрибутации. В заключении экспертизы говорится о том, что подобные орудия производились в Великобритании, на заводе «Кэррон» в Шотландии. Завод известен тем, что работающий на нем директором с 1769 по 1784 инж. Карл Гаскойн изобрел новый тип орудий, получивших по имени городка название карронад, характерной особенностью которых является пропорция отношения длины ствола к калибру в пределах 7,0–7,5 (для пушек — 11–18). Ввиду того, что предоставленное на экспертизу орудие имело характерные признаки, присущие как карронадам, так и пушкам, экспертиза сделала лестное заключение о том, что мы имеем дело с переходной моделью между пушками и карронадами, весьма редкой, представляющей большую историческую, техническую и культурную ценность. Нижняя граница события (производство орудия) была определена последней четвертью XVIII века, при этом подчеркивалось британское происхождение орудия.

По снаряжению орудия (зачеканен ствол), можно сделать вывод о том, что судно погибло не в бою, а походном положении. По положению ствола — запалом вниз, можно предположить, что орудие попало в воду вместе с лафетом, перевернулось в воде более тяжелым стволом вниз и в таком положении осталось на дне, деревянный же лафет за эти годы полностью разрушился. На дне найдены и боеприпасы. Все вышеперечисленные факторы позволяют предположить, что мы имеем дело с кораблекрушением XVIII — XIX века. Скорее всего, во время шторма судно было разбито о скалы, при попытке укрыться от шторма в бухте, либо орудие и боеприпасы были выброшены в море экипажем, при попытке облегчить судно, спасая его от крушения.

НЕПОСРЕДСТВЕННО КАСАЕТСЯ ДАННОГО ОРУДИЯ

После находки происходили и совсем другие события... Слух о находке монументально распространился по поселку и к нашему лагерю стала подтягиваться ныряющая и плавающая публика: спасители, сборщики рапанов, водолазы, рыбаки и т. д. Они-то и поведали, что это не первая подобная находка в данном месте. Мол, лет двадцать назад, с этого места уже была поднята пушка, которой можно полюбоваться у входа в местный краеведческий музей. Мало того, по слухам, буквально пару месяцев назад здесь была поднята большая пушка и сдана на металлолом! Далее — почти детективная история. Кропотливый поиск информации, очень осторожные контакты, далекие и близкие поездки, и т. д. В конце концов, пушка нашлась. Далеко. В Феодосии. И была выкуплена у торговцев металлоломом. Полной уверенности в том, что это именно то орудие, понятное дело, нет. Но и это орудие имеет маркировку! Над запальным отверстием расположены римские цифры IV:XIX:XV, разделенные двоеточием.

В настоящее время выполнена консервация и реставрация ствола орудия, изготовлен заново по чертежам конца

XVIII века и искусственно состарен лафет. Можно говорить о воссоздании или реконструкции памятника истории.

Была предпринята попытка идентифицировать потерпевшее крушение судно. В распоряжении имеются несколько ядер, как левой оснастки и корабельное орудие. Надо отметить, что орудие весьма оригинально по конструкции, кроме того, имеет специфическую маркировку. Именно орудие и может служить ключом к решению задачи.

Этап 1. Исследование пушки.

Вооружившись монументальным трудом «Наука морской артиллерии» Корпуса Морской Артиллерии капитана Ильина (С.В.), изданной в 1846 г., совместно с экспертом удалось установить следующее: в главе «Артиллерийские орудия» очень подробно описаны все виды орудий, использовавшихся за все время существования Российского флота. В том числе, на стр. 213 описываются карронады, а на стр. 214 имеется полное описание необычного орудия, под названием «пушка-карронада».

Описания невелики по объему и предлагаются полностью, с максимальным приближением к оригинальному тексту. Только без «ять», «і» и «ъ» в окончаниях слов.

Каронады

130. Каронады имеют следующие части:

Канал.

Камора, - у 96, 48, и 30 ф. новейшей отливки коническая, с плоским дном; у всех прочих цилиндрическая, с полушарным дном.

Распал.

Запал.

Казенная и дульная части.

Проушина. Так называется прилив со сквозною дырою внизу каронады близ центра тяжести орудия. В проушину вставляют железный болт (штырь), который служит вместо цапф.

Прилив над запалом.

Тарель.

Винград, - со сквозною дырою, в которую помещается прицельный винт.

Винградное ухо.

Мишень, - приливы с прорезами, находящиеся сверху орудия над тарелью и в начале казенной и дульной части; служит для прицеливания.

Поддон, - прилив внизу тарели. Коль скоро казенная часть каронады не поддерживается прицельным винтом, то она ложится на опорную точку поддоном.

Фризы и пояса.

Пушка-каронада.

131. Пушка-каронада имеют следующие части:

Канал.

Камора, - коническая, с полушарным дном.

Распал.

Запал.

Казенная и дульная части.

Цапфы.

Прилив над запалом у Балтийских; прилив спереди и позади запала — у Черноморских.

Тарель.

Винград. У пушка-каронад Балтийского флота винград с проушиной; у пушка-каронад Черноморского флота — глухой.

Винградное ухо, - у пушка-каронад Черноморского флота.

Поддон.

Фризы и пояса..[5, с. 213–214]

Как выясняется, пушка-карронада представляла собой отдельный вид вооружения Российского флота. Мало того, подробное описание полностью соответствует пушке-карронаде Черноморского флота, т.к. имеют все отличительные признаки, присущие орудиям, отлитым для Черноморского флота, а именно:

- прилив спереди и позади запала — у Черноморских орудий.
- винград у пушек-карронад Черноморского флота — глухой.
- винградное ухо — присутствует только у пушек-карронад Черноморского флота.

Неслишком пострадала редкость и оригинальность конструкции орудия. Судя по нелестным высказываниям к-на Ильина, он не стал ярким приверженцем данного вида вооружения:

«... Еще менее одно и тоже орудие может быть и пушкою и каронадою, т. е. пушкою-каронадою. В самом деле, что заимствовано для этого орудия и каронад? — одна наружная форма дульной и некоторым образом тарельной части; но разве в этом состоит существенное отличие каронады от пушки? — оно заключается в малом весе, в малом заряде, и в малой длине орудия в сравнении с величиной калибра; все прочия особенности частию принадлежат как пушке, так и каронаде, частию могут быть и не быть у каронад...» [5, 229]

Собранный материал позволяет однозначно классифицировать орудие, как состоявшее на вооружении Черноморского флота России, что позволяет с оптимизмом предполагать и российское происхождение погибшего судна.

Этап 2. Предварительный поиск судна.

Теперь порассуждаем о судах... Исходя из предположения, что судно российского происхождения, обращаемся к самому полному списку русских военных судов когда-либо служивших в Черноморском и\или Азовском флотах — «Списокъ русскихъ военныхъ судовъ с 1668 по 1860 годъ». Критерием поиска выбираем флот и место гибели судна. Выделяем из списка судов Черноморского и Азовского флотов те, которые погибли в районе полуострова Тарханкут, у берегов Крыма или в Черном море вообще, если место трагедии не локализовано более точно. Сведения представлены в таблице 1.

(Табл. 1., см. на след. стр.)

Таблица 1. Список судов Азовского и Черноморского флотов, погибших в указанном районе с момента образования флотов по 1876 год. [7, с. 454–639]

Имена и ранги судов (№ страницы)	К-во пушек	Габариты - Длина - Ширина - Глубина интрьума	Дата закладки	Дата спуска	Место постройки	Имя строителя	Время и место гибели
Корабль Александръ <Невский> (454)	66	160 ф. 44 ф., 4 д. 19 ф.	28 июня 1781г	11 апреля 1786г	Херсон	Афонасьев	1786 г. разбился у м. Тарханкут
Фрегат Десятый (с 1783 г. Крым) (468)	44	128 ф. 34,5 ф. 11,75 ф.	29 сентября 1778 г.	14 апреля 1779	Новохоперская верфь	н\д	1787г. пропал без вести в Черном море
Пароход Еникале железн. в 180 сил (502)	2	180 ф. 19 ф.	1847 г.	1848	Англия	н\д	1852 г. потерпел крушение у Крымского берега
Бриг Язонъ (510)	н\д	н\д	н\д	н\д	н\д	н\д	1807 г. разбился у м. Тарханкут
Шхуна Вестникъ (524)	12	95 ф. 24 ф. 2 д.	13 ноября 1840 г.	27 сентябр. 1841	Николаев	Поручик Кирилов	1847 г. потерпела крушение у м. Тарханкут
Транспорт Чайка (7 пуш.) (548)	6	49 ф., 11д. 16 ф., 4 д. 11 ф., 4 д.	8 ноября 1824 г.	28 июля 1825	Николаев	Разумов	1836 г. разбился у Акмечети
Гальот Слонъ (564)	н\д	н\д	н\д	1774	Река Дон	н\д	1787 г. разбился в Черном море
Бот Миусъ (572)	12	66 ф. 18,5 ф. 7,5 ф.	н\д	1772	Новопапавловск	н\д	1782 г. пропал без вести в Черном море
Бригантина Фома (594)	8	69 ф. 21 ф. 6 ф.	н\д	1778	Река Днепр	Беляев	1812 г. разбилась в Черном море
Кирлангич Ахиль (парусно-гребное)	н\д	н\д	28 декабря 1789 г.	н\д	Херсон	н\д	1798 г. опрокинулся и утонул в Черном море

В таблицу вошли только суда, состоящие на момент гибели на службе. Не вошли суда подаренные, проданные, переданные различным юридическим и физическим лицам, ввиду неизвестности их дальнейшей судьбы, и сомнения в том, что на них разрешили оставить боевые орудия.

Временной интервал гибели девяти судов составляет семьдесят лет: с 1782 года по 1852 год. С целью сокращения списка особую остроту приобретает вопрос даты, и, желательнее, места производства орудия. Рассмотрим его подробнее.

Этап 3. Дополнительное исследование орудия.

При изучении вопроса о карронадах, случайно задела внимание удивительная схожесть конструкций британских и российских карронад, и принципиальное отличие от них карронад французских. Не слишком принимая во внимание возможности неразвитого, на то время, промышленного шпионажа, пришлось внимательно изучить трудовой путь изобретателя карронад инж. Гаскойна. Догадка не подвела. Как оказалось, с 1785 года он трудился директором Александровского пушечного завода в г. Петрозаводск, Олонецкой губернии, лил орудия для Балтийского

флота. Более того, спустя девять лет, в 1794 году Карл Карлович Гаскойн был откомандирован в Малороссию для строительства Луганского литейного завода [1] и запуска на нем производства орудий для Черноморского флота. Согласно принципам логистики, предполагалось вооружать активно строящийся Черноморский флот (8 апреля 1783 г. Крымское ханство вошло в состав Российской империи, и Ясский мирный договор 1791 года закрепил это положение), продукцией, произведенной из местного сырья, изготовленной непосредственно у места потребления.

Вот в чем причина удивительной схожести британских и российских карронад — их разработкой и производством занимался один человек! И вот почему похожи, но незначительно отличаются пушки-карронады, произведенные для Балтийского и Черноморского флотов — они разрабатывались одним человеком, но в разное время, под разные технологии, производились на разных заводах.

Таким образом, в настоящее время существует полная уверенность, что пушка-карронада произведена на Луганском литейном заводе. Это позволяет довольно точно обозначить нижнюю границу события. *«В сентябре 1797 г. вступила в строй первая воздушная печь, рассчитанная на отливку 100 пудов боеприпасов в неделю. Заказчики давно ждали этого момента. Петербургское артиллерийское управление прислало заказ на целое пятилетие, по 1802 г. Он определял изготовление 345 орудий различного калибра и 387153 снарядов. Заказы шли из Киевского крепостного района, южных крепостей страны. Произведенные на новом заводе в Луганске пушки и снаряды стали поступать на вооружение Черноморского флота, морских и береговых крепостей Азова, Керчи, Еникале, Кинбурна, Севастополя, Очакова, Киевского крепостного района».* [1]. Работа идет на привозном чугуна и чугуном ломе. Первая экспериментальная плавка чугуна состоялась в 1799 году. К сожалению, дальше эксперимента дело не пошло. Технологии того времени не позволяли производить кокс надлежащего качества из местного каменного угля. Сталелитейные заводы того времени рабо-

тали только на древесном угле. Луганский литейный завод работал на привозном, уральском чугуне. С логистикой такой подход не слишком согласован. После смерти Гайсона в 1806 году завод несколько раз порывались закрыть, что и произошло, в конце-концов в 1887 году. Однако за годы своей работы он сумел-таки вооружить Черноморский и Азовский флоты России, работал на гражданские заказы — производил ширпотреб: от сельхозмашин до высокохудожественного литья. Даже отлил два памятника, один из которых установлен под Полтавой, к столетию Полтавской битвы.

Судя по наличию в Интернете довольно подробной информации о деятельности Луганского литейного завода, на заводе хорошо сохранился архив. Представляется возможным установить конкретную дату производства пушки-карронады, на торце левой цапфы орудия видны выступающие цифры «1» и «1». Возможно, число «11» означает номер отливки, модели или партии.

В любом случае — это зацепка. Загвоздка же, в ином. После всех перепетий, Луганский литейный завод в 1895 году перепрофилировали в Луганский патронный завод, тот самый, известный во времена исторического материализма как Ворошиловградский станкостроительный завод, производящий для всей Советской Армии и не только Советской, боеприпасы: патроны, снаряды и проч. Завесу секретности, прочно окутавшую завод в это время не удастся пробить до сих пор. Даже директор заводского музея скрывается и не выходит на связь. А просьба о допуске в архив, пусть и к документам двухсотлетней давности, пусть это документы другого предприятия, выводит сотрудников завода из равновесия и вызывает приступ бурного и искреннего негодования.

Этап 4. Уточнение списка судов.

Полученных фактов достаточно для того, чтобы определить нижнюю границу события — сентябрь 1797 года, год начала производства вооружения для Черноморского флота на Луганском литейном заводе. Исключа-

ем суда, погибшие ранее этой даты. Из табл. №1 находим шесть судов, погибших после указанной даты: пароход «Еникале» (1852), бриг «Язонь» (1807), шхуна «Вестникъ» (1847), транспорт «Чайка» (1836), бригантина «Фома» (1812) и кирлангич «Ахилль» (1798). Двухпушечный, «железный, 180-ти сил» пароход исключаем. Если он потерпел крушение в этом месте, остались бы металлические останки, безусловно, обнаруженные бы с помощью металлоискателя. А сбрасывать 150-ти килограммовое орудие для облегчения стального парохода — бесполезное занятие. Остается пять судов: бриг «Язонь» (1807), шхуна «Вестникъ» (1847), транспорт «Чайка» (1836), бригантина «Фома» (1812) и кирлангич «Ахилль» (1798).

Самое время обратиться к работе «К вопросу о маркировке на казенной части гладкоствольных орудий». Сделанный в ней вывод позволяет с уверенностью предполагать, что орудия, имеющие маркировку, подобную нашей, проходили службу в Черноморском

флоте, возможно, в эскадре Ушакова и подверглись пристрелке и маркировке после февраля 1792 года. Задача значительно упрощается. Предположим, что указанное орудие служило в Черноморской эскадре Ушакова в какой либо период времени с сентября 1797 года (дата производства орудия) по август 1798 года (дата выхода эскадры Ушакова в средиземноморской поход). Остается найти списки судов Ушаковской эскадры этого периода и сравнить их с составленным нами перечнем из пяти судов. Списки судов эскадры Ушакова находим в трехтомнике документов «Адмирал Ушаков», под редакцией Мордвинова, изданном в 1951—1956 годах. В первом томе на стр. 649 находим «Ведомость о состоянии кораблей, фрегатов и других судов Черноморского флота» от 30 марта 1797 года. Во втором томе на стр. 23 находим рапорт Ушакова Павлу I о состоянии готовности кораблей Севастопольской эскадры к кампании от 15 апреля 1798 года. Списки представлены в таблице 2.

Таблица 2. Список судов Черноморского флота по состоянию на 30. 03. 1797 и список судов Севастопольской эскадры по состоянию на 15. 04. 1798 года

РАНГ СУДНА	ДАТА и ИМЯ СУДНА	
	30 марта 1797 года	15 апреля 1798 года
КОРАБЛИ	«Рождество Христово»	
	«Иоанн Предтеча»	
	«Богоявление Господне»	«Богоявление Господне»
	«Св. Троица»	«Св. Троица»
	«Князь Владимир»	«Князь Владимир»
	«Мария Магдалина»	«Мария Магдалина»
	«Св. Павел»	«Св. Павел»
	«84-х пушечный»	«Св. Петр»
	«74-х пушечный №1»	
	«Захарий и Елисавета»	«Захарий и Елисавета»
ФРЕГАТЫ		
	«Григорий Великия Армении»	«Григорий Великия Армении»
	«Александр Невский»	«Александр Невский»
	«Георгий Победоносец»	
	«Св. Андрей»	
	«Навархия Воскресение господне»	«Навархия Воскресение господне»
	«Св. Николай»	«Св. Николай»
	«Богородица Казанская»	
	«Федр Стратилат»	
	«Сошествие Святого Духа»	
«Иоанн Златоуст»		
	«Макроплия св. Марк»	

РАНГ СУДНА	ДАТА и ИМЯ СУДНА	
	30 марта 1797 года	15 апреля 1798 года
ФРЕГАТЫ	Царь Константин	
	«Счастливой»	«Счастливой»
	«Поспешной»	«Михаил»
РАЗНЫЕ СУДА	акат «Св. Ирина»	акат «Св. Ирина»
	бомбард. «Рождество Богородицы»	бригантина «Феникс»
	судно «Полоцк»	судно «Полоцк»
	бригантина «Таганрогская»	бригантина «Таганрогская»
	бригантина «№ 1»	бригантина «№ 1»
	кирлангич «Ахилл»	кирлангич «Ахилл»
БЕЛОМОРСКИЕ Так назывались суда, в свое время пришедшие в Черное море из Средиземного или Эгейского (Белого) морей и поступившие на русскую службу вместе со своими владельцами — греками.	«Св. Елена»	
	«Св. Матвей»	
	«Св. Николай»	
	«Абельтаж»	
	«Березань»	
	бригантина «Феникс»	
	«Св. Андрей»	
	«Принц Александр»	
	«Панагия Апотуменганы»	«Панагия Апотуменганы»
	«Св. Николай»	
«Красноселье»	«Красноселье»	
ТРАНСПОРТЫ	«Св. Никон»	
	«Св. Сергей»	
	№ 1	
	№ 2	
	№ 3	
	№ 4	
	№ 5	
	№ 6	
	№ 8	
№ 9		
ИТОГО:	52 судна	21 судно
Источник информ.	[8, 649-651]	[9, 25]

Этап 5. История гибели судна.

Сравнив полученные списки судов Черноморского флота и Севастопольской эскадры с нашим перечнем из пяти судов: бриг «Язонъ» (1807), шхуна «Вестникъ» (1847), , транспорт «Чайка» (1836), бригантина «Фома» (1812) и кирлангич «Ахилль» (1798), замечаем, что именно кирлангич «Ахилль» служил в Ушаковской эскадре в указанное время. Попутно выяснился еще один любопытный факт[3]. Он, таки, не вышел в средиземноморской поход эскадры, т. к. за месяц до выхода, утонул в июле 1798 года [4, 123]. Казалось бы, задача решена, погибшее судно идентифицировано.

Подробности гибели судна узнаем из рапорта Ушакова в государственную адмиралтейств-коллегию от 19 июля 1798 года. «...а 17 числа из Ахтиярского <Севастопольского> порта получил я известие, присланное с Альмы от приказного войска Донского Самойлова, который в рапорте своем доносит — сего месяца 17 числа противу кордона Альмы выбило из моря живого матроза Ермолая Мерезова с судна кирлангича «Ахилл». По сказанию онага матроза сего месяца 16 числа по полудни во 2-м часу случившеюся на море погодою оное судно опрокинуло, с которого сей только в бесчувственности спасся на берег». [9, 51].

Кордон Альмы — у устья реки Альма, на пути от Евпатории в Севастополь. Чуть выше, кстати, Ушаков и пишет о том, что он отправил кирлангича «Ахилл» именно в Кезлов (Евпаторию). Погибло 76 человек, из них два офицера — капитан судна лейтенант Кононович и мичман Комондоров.

Этап 6. Поиск дополнительной информации.

Стало абсолютно понятным, что погибшее в районе Черномоского судно, не кирлангич «Ахилл». Остальные же суда, из нашего перечня, были построены позже и не служили в Черноморском флоте в Ушаковский период. Но это как раз не беда, известно, что орудия в то время многократно меняли судно-хозяина. Это подтверждается уже цитируемой «Ведомостью о состоянии кораблей, фрегатов и других судов Черноморского флота» от 30 марта 1797 года, в которой заметки напротив названий судов пестрят сообщениями: *«разоружены и состоят в гавани», либо «исправляется и приготавливается к вооружению»* [8, 649]. Более подробно пишет об этом известный авторитет в области флота, Ф.Ф. Веселаго: *«Значительная и весьма частая изменения калибра орудий, даже на одном и том же судне, происходили от многих причин; наприм. недостатка наличнага числа орудий требуемых известным судном, слабости постройки или гнилости судна, переделки его в другой род, новых усовершенствований по части артиллерии и кораблестроения, отдельных попыток переменю артиллерии увеличить боевую силу судна или улучшить его мореходныя качества и т.п., наконец, в случай военного времени, не редко на многих судах значительно усиливали артиллерию, а иногда вооружали ею транспорты и другия суда, в мирное время вовсе неимевшия орудий.»* [7, XI]

Анализируем ситуацию и понимаем, что существует три варианта:

- похоже, что найденное орудие повторно использовалось на другом судне, в пост-Ушаковское время;
- похоже, что основной источник информации «Список русских военных судов...» страдает неполнотой или ошибочностью;

- возможна комбинация двух первых вариантов.

Становится абсолютно понятным, что ввиду чрезвычайно большой многовариантности, без дополнительных источников информации, мы в абсолютном тупике. Дополнительный источник нашелся в списке литературы, которую использовал известный историк Ф.Ф. Веселаго. Источнику 160 лет и он носит весьма интригующее название: *«Летопись крушений и пожаров судов Русского флота. 1713 — 1853»*. Попытки разыскать книгу в Украине, ни к чему не привели, удалось найти только один экземпляр на родине издания в Санкт-Петербурге. Микрофильмирование с последующей распечаткой и сопутствующими бюрократическими процедурами, заняло два месяца. Тем приятнее было взять в руки совершенно уникальное издание. Издание не академическое, потому и не сохранившееся в библиотеках учебных и научных заведений. Издание, скорее, аматорское, изданное мизерным тиражом, возможно за свои деньги, но с разрешения «Морского Ученого Комитета» от 24 ноября 1855 года. С трогательным четверостишием Державина на титуле и красивой виньеткой. Автор — известный библиограф Александр Петрович Соколов. Посвящено «памяти товарища, лейтенанта Федора Алексеевича Андреева, погибшего на корабле ИНГЕРМАНЛАНД 31 августа 1842 года»...

Для начала, проверяем оставшиеся четыре судна из нашего перечня.

«1807 г. Бриг Язон. Командир Лейтенант Лобысевич. По пути из Севастополя в Одессу, на другой день по выходе, в 2 1\2 часа полудни 18 марта, когда по счислению был в 3 верстах от Тархан-кута, во время густога тумана ударился о камни рифа, идущего от того мыса в море, и стал на нем. Бриг разбит, а люди и груз спасены» [10, с. 72].

«1847 г. Шхуна Вестник. Командир Капитан-Лейтенант Н.И. Скаловский.

... Шхуна разбилась на западной стороне Крымскага полуострова, в 8 милях <в сторону Севастополя, из текста> от Тарханкутскага маяка, близ деревни Торнаджи, около таможеннага поста, с котораго чрез другие кордонные посты, немедленно сообщено было

известие о том в Севастополь. Тотчас послан на место крушения пароход, для подания возможной помощи...» [10, с. 206]

«1836 г. Транспорт Чайка. Командир Лейтенант Н.И. Пятунин. Следуя из Севастополю к Тарханкутскому маяку, с грузом, 29 июня, за противным ветром зашел в Акмечетскую <пос. Черноморское> бухту, остановился на двух якорях. И в ночи на 30-е, жестоким шквалом от NW, был брошен на риф. Писарь Сысов, при этом снесен волною и утонул; прочие спасены. Корпус судна впоследствии продан» [10, с. 171].

«1812 г. Бригантин Фома. Командир Лейтенант Х.А. Метакса. На пути из Севастополя в Козлов <Евпаторию>, куда назначался под брандвахту, был застигнут жестокою бурей от юго-запада 29-30 марта, и отстаивался на якорях, по неспособности держаться в море, выброшен на берег против Соляных озер. Все спасены, хотя некоторые и ушиблись при этом. Командир оправдан; ветхая бригантина разбилась» [10, с. 86].

Для очистки совести, перепроверяем информацию по «Ахиллу».

«1798 г. Кирлангич Ахилл. Командир Лейтенант Кононович. Возвращаясь к флоту из под Евпатория, куда был послан Адмиралом Ушаковым, для разузнания о движениях неприятельского флота, 16 июля, жестоким шквалом опрокинут. Погибли: Командир Лейтенант Кононович, Мичман Комондоров и 74 человека нижних чинов. Только один матрос, Ермолай Лазарев, был выброшен на берег, без чувств, и привезен казаками в Севастополь, с вестию о страшной гибели» [10, с. 51].

Очевидно несовпадение в разных документах фамилии спасшегося матроса: Мезезов-Лазарев, но кто тогда обращал внимание на нижних чинов...

Этап 7. Находка.

«Летопись...» содержит 81 судно, погибшее в Черном море. Не мудрствуя лукаво, пришлось перечитывать все. Причем внимательно и аккуратно. Флот парусный, далеко не всегда попадает, куда направлялся. Бывало,

«противным ветром», или «измененного течения», занесет совсем в иную сторону. Удача улыбнулась на странице 101. Процитируем полностью:

«1820 г. военный транспорт Пруть. Командир Капитан-Лейтенант Д.П. Асланов. Следуя от Глубокой пристани с грузом, назначенным в Севастополь «за противными и непостоянными ветрами» зашел в Одессу. По выходе отсюда «по обыкновению» придержался для определения места к полуострову Тендре, отсюда шел в полветра при свежем брамсельном ветре SW1W на SO 37о, и вечером того-же дня (28 октября), когда по счислению подходил к Тарханкутскому маяку, а он не открывался, и глубина оказалась меньшею предполагаемой, поворотил на другой галс, на WNW. Ветер было затих; но вскоре нашел сильный шквал от NW1W, которым изорвало грот-марсель, а у остальных марселей принудило взять рифы. Тогда легли к SW, с дрейфом в 4 румба, при ходе 1 ½ узлов; следственно к S. В первом часу ночи глубина стала уменьшаться; отойти казалось невозможным, и потому бросили два якоря; но не задержались, ударились о камни, и транспорт наполнился водою. Это было у западного мыса Акмечетской бухты, в 10 в. от него к западу. Ошибка в счислении простиралась на 10½ м. Команда спаслась на плотках и шлюпках, и к 4 часам утра вся спасена. Транспорт разбит бурей 31 октября. Ценность транспорта показана постройкою (1812 г.) и вооружением в 201,312 руб.; потеря (грузом?) в 107,561 руб. Коммисия Военного суда — следственное дело тянулось до 1828 года — оправдала командира, приписав гибель транспорта неверности счисления, измененного течением, и силе ветра; но Главный Командир Черноморского флота, Вице-Адмирал А.С. Грейг, несколько раз возвращая это дело для переисследований, обвинил его (14-ю пунктами) за неправильное распоряжение курсами, приведшее транспорт к гибели, и за лживые показания о ветрах, будто-бы принудивших заходить в Одессу; потому предложил «арестовать его на три месяца», а Коммисии, за его упущения при исследовании, сделать «строжайший выговор». Но по Манифесту 26 августа 1826 года, долго судившиеся командир и коммисия, освобождены от наказания.» [10, с. 101–102]

Этап 8. Завершение поиска.

Все сложилось... Ак-Мечеть — ныне Черноморское. Место крушения найдено в девяти километрах (чуть менее 10 верст) к западу от западного мыса бухты Узкая. От точки крушения до Тарханкутского маяка — 17 км по прямой, т.е. 9,3 мили, и если предположить, что транспорт «Прут» намеревался обойти маяк с востока на расстоянии 2200-2500 метров (меньше невозможно, от маяка в море идут рифы), «ошибка в счислении» составит аккурат 10 ½ миль. Транспорт военный, имеющий вооружение, что подтверждено выше в описании крушения А. Соколовым, а также, и Ф.Ф. Веселаго: «Транспорты, вообще, имели 3-х фунт. пушки и фальконеты или корронады не свыше 18-ти фунтового калибра» [7, XXIV]. Есть и более подробное описание: «Транспорт — парусное деревянное двух-трехмачтовое судно для перевозки грузов и войск. Эти суда использовались в русском флоте первой половины 19 столетия, имели по 4-6 орудий, а некоторые — до 26. Размеры корпусов: достигали длины до 45 метров, ширины до 12,5 метров, глубина трюма доходила до 4,9 метра» [13, с. 376]. «Прут» был построен в 1813 году и вполне мог вооружаться орудиями с отслуживших свой срок кораблей Ушаковской эскадры, что подтверждает уже цитируемый Ф.Ф. Веселаго: «...на многих судах значительно усиливали артиллерию, а иногда вооружали ею транспорты и другия суда» [7, XI].

Внутри- и внешнеполитическая обстановка вполне способствовала вооружению

вновь отстроенных судов не новыми орудиями, а орудиями с отслуживших судов. Шла война с Наполеоном, флот в войне не участвовал, и вплоть до прихода командующим Черноморским флотом в 1816 году уже упоминающегося А.С. Грейга, снабжение флота, да и его состояние вообще, оставляло желать много лучшего, чему, и находим подтверждение: «С 1812 по 1816 гг., не имея хорошаго начальника, флот начал приходить в упадок, заботы правительства были обращены на армию» [11, с. 58]. Это цитата из 1914 года, столетие спустя. Характерно, что за сорок лет до публикации этой цитаты, в 1873 году, мнение о тех временах было куда более критичным: «... деятельность портов умолкла, корабли сгнили в гаванях, флот перестал плавать... Черноморский флот был в полном и безмятежном усыплении. Застой этот продолжался и в последующие годы» [12, с. 38].

Описанию трагедии можно верить. В отличие от коротких вышеперечисленных описаний, здесь дана развернутая картина трагедии; с деталями маневрирования, точным описанием обстоятельств и места трагедии, финансовыми подробностями, осведомленностью о деталях судебного процесса. Автор явно работал с судебными документами, уже квинтэссенцией правды.

А что же «Список русских военных судов...»? Информацию о транспорте «Прут» находим на стр. 544.

Имена и ранги судов (№ страницы)	К-во пушек	Габариты - Длина - Ширина - Глубина интрюма	Дата закладки	Дата спуска	Место постройки	Имя строителя	Время и место гибели
Транспорт Прут (544)	н\д	н\д	16 декабря 1812 г.	24 мая 1813 г.	Николаев	Кузнецов	1820 г. разбился близ устья Дуная

Время гибели совпадает с «Летописью...», а местом гибели указано устье Дуная. Что вполне объяснимо: от Глубокой пристани (под Херсоном) судно должно было следовать в Севастополь, а попало в Одессу, рядом устье Дуная, далее, очевидно, составитель сборника его не отследил. Опирался Ф.Ф. Веселаго на списки

по строительству и службе судов. Крушения же отслеживал только по доступной информации. Тем более, что данный период времени историк описывал по имеющимся в его распоряжении «Ведомости о судах Черноморских (1781—1795 гг.)» и «Списка судов Черноморского флота, с 1824 по 1860 год» [7, III], т.е.,

описываемый период, от строительства судна в 1812 году, до его гибели в 1820 году, историку приходилось восстанавливать по крупицам, без базового источника. Автор и сам замечает: «...недостаток материалов, неопределенность и противоречия многих сведений и неизбежная, иногда, ошибочность в их соглашении не позволили довести «Список» до желаемого совершенства» [7, VI]. В этом отношении, труд А. Соколова, награжденный, кстати, в 1857 году Демидовской премией, опирающийся именно на крушения, и подкрепленный серьезным фактическим материалом, выглядит более достоверным. Да и написана «Летопись...» на два десятка лет ближе к событию...

Можно констатировать факт: западнее пос. Черноморское, АР Крым, 31 октября 1820 года потерпел крушение российский военный транспорт Черноморского флота «Прут». В составе вооружения транспорт имел, как минимум, 3-х и 6-ти фунтовые орудия (по найденным ядрам). Одно из орудий, поднятая 6-ти фунтовая пушка-карронада, произведенная в 1797—1798 годах на Луганском литейном заводе, имеет маркировку на казенной части, свидетельствующую, о службе данного орудия в Черноморском флоте (возможно, в эскадре вице-адмирала Ушакова) и подвергнутой пристрелке и маркировке в указанный период времени.

ОПИСАНИЕ СОСТОЯНИЯ ПАМЯТНИКА

Корабельное орудие, изготовленное из черного металла (чугун), цилиндрической формы. Длина от дульного среза до торели — 171 см, масса около 750 кг. Ствол изготовлен техникой литья, с последующей доработкой. Диаметр канала ствола 97 мм. Над запальным отверстием пушки расположены римские цифры IV:XIX:XV, разделенные двоеточием.

Экспонат, поднятый со дна моря, до начала реставрации имел поверхность, полностью покрытую известковыми наростами. Стойкие грунтово-коррозийные наслоения представляли собой многослойные наслоения морского песка, пропитанные окислами железа.

Наблюдается коррозия по всей поверхности экспоната, в отдельных местах активная.



В отдельных местах наблюдается язвенная коррозия.

Ядро экспоната — металл в плохом состоянии, а на большей части поверхности наблюдается фаза «старения» (хрупкость).

В дульной части верхняя часть фриза имела механические повреждения, местами поверхность сильно повреждена трещинами и вздутиями поверхностного слоя, особенно в районе цапф и винграда.

*Гидроархеолог, художник-реставратор металла
2 категории В.В. Нефедов*

ЭТАПЫ ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ ПО КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ЭКСПОНАТА

КОРАБЕЛЬНОЕ ОРУДИЕ КОНЦА XVIII ВЕКА.

1. Этап — расчистка и консервация металла

1.2. Проведение первичной расчистки из известковых и песчаных наслоений.

1.3. После проведения первичной расчистки проведена механическая очистка поверхности от продуктов коррозии при помощи скальпеля и мягкой металлической щетки.

1.4. С целью удаления хлоридов проведена многократная промывка экспоната дистиллированной водой.

1.5. Проведена антикоррозионная обработка всей поверхности экспоната ингибитором коррозии вводно-спиртовым раствором танина дважды с выдержкой между нанесением слоев 48 часов.

1.6. Обезвоживание экспоната было проведено техническим ацетоном при помощи кисти.

1.7. Сушка поверхности принудительным теплым воздухом (40–50 °С) до полной просушки.

2. Этап — включал в себя проведение реставрационных мероприятий, которые позволили придать экспонату вид, достойный для экспонирования.

2.1. Выполнена пропитка трещин в теле экспоната клеем Super, после чего на поверхности в местах повреждений и трещин нанесена мастика на эпоксидной смоле с введением в

основу окислов черного металла. Излишки мастики удалены механически.

2.2. Защита поверхности выполнена скипидарным раствором пунического воска. Излишек консервационного слоя удален механически.

2.3. С целью постоянного экспонирования экспоната и воссоздания достоверного исторического облика, реконструирован корабельный лафет. Лафет коробчатого типа, на осях с 4 колесами, изготовлен из дуба. Выступающие детали, крепеж и фиксирующие приспособления изготовлены из кованого железа. Поверхность дерева и железа тонирована и механически застарена.

Рекомендации по хранению:

1. Учитывая хрупкость предмета, не допускать механических нагрузок и ударов.

2. Хранение проводить в помещении без резких температурных и влажностных колебаний. Не допускать попадания воды на поверхность экспоната.

ЛИТЕРАТУРА:

1. http://softacademy.lgpu.lg.ua/Programs/Luhansk/Part3_1.htm
2. Материалы для истории русского флота. Ч.XVI. — С.-Пб. 1902
3. К.Л. Козюренко Командиры линейных кораблей Ушаковской эскадры 1799 г. http://enoth.narod.ru/Navy/Corfu_Command_1799.htm
4. Веселаго Ф.Ф. Общий морской список. — С.-Пб. 1890, Ч. IV стр. 123
5. Ильин С.В. Наука морской артиллерии. — С.-Пб. 1846 год.
6. Материалы для истории русского флота. Ч.VI С.-Пб. 1877
7. Веселаго Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. С.-Пб. 1872
8. Адмирал Ушаков. Под ред.Р.Н. Мордвинова. Том I. М.1951
9. Адмирал Ушаков. Под ред.Р.Н. Мордвинова. Том II. М.1952
10. Соколов А. Летопись крушений и пожаров судов русского флота 1713–1853. — С.-Пб. 1855
11. Мязговский Е.А. История Черноморского флота. 1696–1912. — С.-Пб. 1914
12. Асланбергов А. Адмирал А.С. Грейг. — С.-Пб. 1873
13. Зубов Б.Н. Развитие кораблестроения на юге России. — Калининград. 1990



СІКОМІ-ДЗУЕ ЗІ ЗБРОЯРСЬКОГО ЗІБРАННЯ ПОЛТАВСЬКОГО КРАЄЗНАВЧОГО МУЗЕЮ



Взброярській колекції Полтавського краєзнавчого музею автором нещодавно виявлений японський меч у оправі сікомі-дзуе (рис.1), що досі не привертав уваги дослідників. Наведемо його опис (зі збереженням стилістики та правопису): «Кинджал з ножами. Клинок крицевий, зігнутий, з гранями на тиллі, рукоятка дерев'яна, чорна. На клинку два жолобка: широкий і вузький. Японія. ХІХ-поч. ХХ ст. Сталь, дерево, залізо, довж. 48 см. Ножни поповані» (Інвентарна книга Зброя, 1948, 1, 103-104). В іншому описі він згадувався, як палка-кинджал (Чорнові матеріали про зброю, Арк.21). За посиланнями у чернетках були встановлені старі інвентарні номери, а у довоєнних інвентарних книгах знайдені відповідні записи: «Ніж: клинок крицевий, зогнутий, з гравійованим «тильєм», черенок ручки дерев'яний, чорний. Клинок має два жолобки: широкий і вузький. Довжина клинка — 48 см» (Інвентарна книга ПКМ, 1939, 19, 160-161). Інша — подає наступні відомості: «Ножни саблі дерев'яні, з різьбою по дереву, з тасьмою і

невеличкими круглими фігурками, з невеличким наконечником наприкінці. Розмір 73x3 см» (Інвентарна книга ПКМ, 1939, 20, 96-97).

В процесі дослідження експонату був укладений робочий варіант опису, який постійно коригується в залежності від стадії дослідження. Наведемо останній варіант: «Меч східний, японський з піхвами. Загальна довжина у піхвах — 920 мм, довжина клинка — 695 мм, довжина леза — 510 мм*, довжина руків'я — 197 мм, довжина піхов — 745 мм.

Клинок сталевий, слабковигнутий, односічний, з подвійним долом – (один дол. широкий, класичний, другий – вузький, ледь намічений), спинка клинка гранована, без оригінальних ознак.

Руків'я пряме, з дерев'яною обкладкою. Асоціатив сприйняття породжує аналогію з чорнолакованим бамбуковим стеблом з чітко збереженим рельєфом кілець. Кільця імітуються ниткою або рослинним волокном, просякнутих чорною фарбою. У «міжвузлях» нит-

* Наведені метричні дані отримані за авторською методикою.

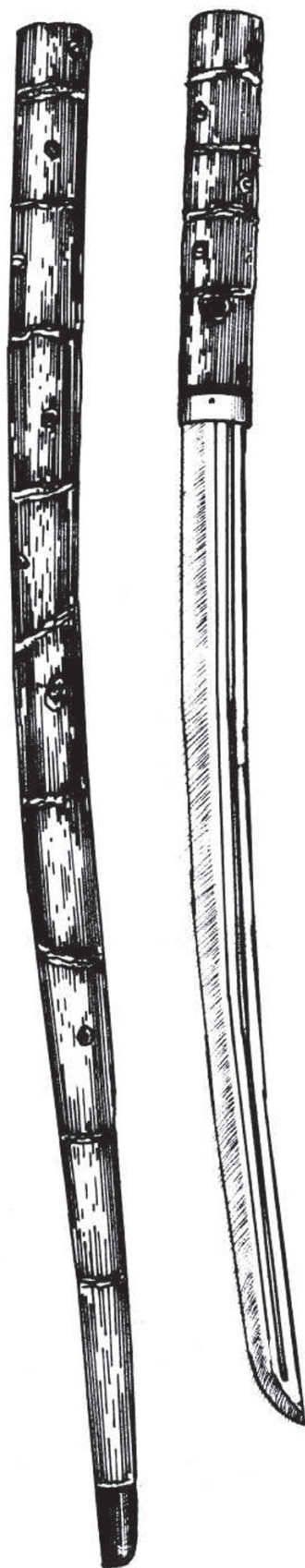


Рис.1. Меч в оправі сікомі-дзуе. Малюнок Г.Коваленко

кою імітуються «місця кріплення гілок». Колір чорний. Руків'я має латунну обіймицю (цуба відсутня). Руків'я кріпиться до хвостовика за допомогою одного гвіздка.

Піхви з металевим вічком (метал жовтий, забарвлений чорною фарбою) дерев'яні, для оформлення використана та ж техніка, що і для руків'я. Кінчик піхов (п'ятка) металевий.

Лезо клинка потьмяніле, еродоване, із зазубринами, особливо в нижній частині, біля руків'я. Обкладка руків'я потерта, місцями спостерігаються втрати зовнішнього покриття. Піхви місцями з тріщинами, потерті з частковою втратою покриття. На вічку піхв, ззовні, злущилася фарба. Зі слідами корозії. Меч зберігається з інв. № 36.212. ПКМ 3483».

В процесі попереднього опрацювання були відмічені наступні ключові елементи: Тосін (полоса меча) – фукура-цуку. Конструктивно (цукурікомі) клинок відповідає ката-сіногі-дзукурі. Форма кривизни (сорі) – косі-дзорі. Кісакі – о-мару. Тип обуху визначається як муне-хікусі. Дол (хі) типу бо-хі-ні-цуре-хі.

Поверхневий малюнок сталі (дзіхада) – типу масаме-хада (прямі лінії). Хамон клинка належить до групи мідаре та має якібу у формі дзука-тьодзі.

Кідзу: фукуре (вкраплення вуглецю чи повітря у сталі), кірікомі (зазубрини), йосінагава (локації невідшліфованої окалини), варе (щілини – результат поганої зковки прошарків сталі) (Баженов, 2003, 77-80; Носов, 2001, 173-174).

За часом виготовлення подібна зброя відносяться до групи гендай-то (Баженов, 2003, 5) — т.зв. сучасні мечі — з 1877 р і до сьогодні, хоча в окремих класифікаціях виділяють ще й сінсяку-то (Носов, 2001, 137; Хорев, 2003, 24; Фуллер, 2002, 16). Час, на початок якого припадає панування ген дай-то, навряд можна назвати спокійним. На цю добу припадає грандіозна реформа японського суспільства. Японський уряд рішучими кроками починає вести політику «європізації» руйнуючи сталий соціальний уклад. Перша ластівка майнула у 1868 р., коли уряд Морі Арінорі запропонував на добровільних засадах припинити носити мечі всім окрім військових та

чиновників. Чиновники, в свою чергу, повинні були відмовитися від вакідзасі. Ці пропозиції були оформлені у вигляді доповідної записки і подані до Дадзьокану (вищого урядового органу). Однак ця ініціатива не прийшлася до вподоби більшості і не була ратифікована у Кагісьо (законодавчому органі уряду Мейдзі). Але вже в 1870 р. уряд своїм декретом забороняє селянам і ремісникам носити вакідзасі та нагінати. Представникам місцевої влади рекомендувалося дати раду з цього питання і навести лад.

Важко сказати наскільки результативними виявилися ці заходи, але наступні події наводять на думку щодо досить поміркованих успіхів молодих реформаторів. Імовірно причини невдачі вбачалися у сталому укладі суспільства, а тому наступний крок – адміністративне реформування було покликане змінити засади шляхом наступу на права вищого самурайства. Так у 1871 році була ліквідована домена система і замість неї вводилося 302 префектури (в подальшому їхня кількість була скорочена спочатку до 72, а дещо пізніше – до 48 (Мак-Клейн, 2006, 243). Даймо, в якості компенсації за втрачені домени, від держави отримували пенсію.

В цьому ж році уряд оприлюднює декрет про можливість добровільно відмовитися від носіння меча: «Зачіска, носіння форменого або повсякденного одягу, а також відмова від носіння меча є справою добровільною, однак у випадку носіння парадного одягу меч також повинен носитися» (Баженов, 2001, 213). Але бажаний результат так і не був досягнутий – самураї продовжували носити мечі.

У 1872 році в країні відбувається реформа збройних сил. Згідно неї самураї були позбавлені монополії на військову службу, а самурайські військові контингенти підлягали до негайного розпуску. Їм на заміну пропонувалася регулярна армія, яка базувалася на принципах загального військового зобов'язання. Однак й в цьому випадку офіцерський склад формувався із представників самурайського стану. Це повинно було гарантувати збереження в армії воїнських традицій, без яких армія просто не змогла б існувати (Кучма, 2000, 52). Це стало дошкульним ударом до-

силь багатьох самураїв, особливо зважаючи на те, що разом із втратою монополії на військову службу самураї втрачали й традиційні станові виплати за належність до військового стану. Хоча, слід зазначити, що уряд зробив спробу зберегти виплату цих «стипендій», але досить швидко був вимушений від цього відмовитися, бо економічні засади Японії були не в змозі винести цей тягар (Мак-Клейн, 2006, 245). Окрім цього самураїв формально урівняли з усіма іншими верствами населення: вони втратили привілей мати власне прізвище, а у 1876 р. позбулися й права носити меч. Так в кінці 1875 р. міністр сухопутних військ Ямагата Арітомо вніс пропозицію заборонити носіння меча, мотивуючи це тим, що ця звичка бере своє коріння у часах, коли меч носився для самозахисту, а тепер, це негативно відбивається на авторитеті нової армії. Чотири місяці поспіль Дадзьокан випадає свій знаменитий наказ «Тайто кінсірей»: «Наказ про припинення носіння мечів. Відтепер і назавжди мечі можуть носити лише військові чини, а також поліцейські чини та чиновники відповідного рангу лише на державних церемоніях, а в інших випадках носіння мечів забороняється; у порушників цього наказу мечі будуть конфісковуватися. Мейдзі 9 [1876 р.], 3-й місяць, 28-й день» (Баженов, 2001, 214).

В решті-решт ці заходи спровокували серію заколотів у самурайському середовищі – повстання Майбари, виступи шидзоку у Чікузені, громадянська війна в Сацума. Всі ці заворушення були досить швидко придушені, що дало змогу військовому міністрові позитивно оцінити обраний напрямок та перетворення у країні.

Реформування суспільства і армії наклало свій відбиток і на царину традиційної клинкової зброї. Так в 1871 р. до обігу надходить новий меч – фактична репліка англійської військово-морської шаблі зразка 1827 р., а у 1873 р. затверджується офіцерський клинок шпажного типу. В кінці 1870-х р. з'являються кю-гунто – мечі нового військового зразка (саме вони в 30-х роках ХХ ст. будуть замінені на сін-гунто). Протягом кількох років з'являться модифікації цієї зброї для імператорського військово-морського флоту

та кавалерії. В цей же час побутували і мечі у оправках сікомі-дзуе. Традиційно вважається, що останні – як правило, низької якості, а отже не представляють значної цінності (Носов, 2001, 145). Можливо це зауваження і правомірне, зважаючи на те, що безсумнівно існують більш коштовні екземпляри, як за оправою, так і за якісними показниками, однак, наявність подібного, досить екзотичного екземпляра японської зброї у зібранні Полтавського краєзнавчого музею має для нас неабияке значення. Цей меч відноситься до групи гендай-то (зразки цієї групи виготовлялися ще за традиційною технологією, на відміну від сьовато – машинного виробництва) (Фуллер, 2002, 62) і він є своєрідним маркером кінця однієї епохи і початком іншої у галузі традиційного японського зброярства. Слід зазначити, що починаючи з 1876 р. і до кінця другої Світової війни за традиційною технологією було виготовлено дуже незначна кількість мечів (Носов, 2001, 138). Отже цінність подібного зразка, з історичної точки зору, значно зростає. Час його виготовлення достеменно визначити не має можливості, але відомо, що екземпляри в оправі типу сікомі-дзуе майже всі були виготовлені після революції Мейдзі (Носов, 2001, 145). Таким чином подібний меч гармонійно доповнює колекцію японського озброєння у зібранні Полтавського краєзнавчого музею. І хоча походження експонату достеменно невідоме, за результатами попереднього дослідження японської збірки можна припустити, що й цей меч був привезений до музею відомим меценатом Павлом Бобровським чи учасниками російсько-японської війни 1904-1905 рр. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баженов А.Г. История японского меча. – Санкт-Петербург: ТПГ «Атлант» - ИД «Балтика», 2001. – 265 с. + 16 фото
2. Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. – Санкт-Петербург: ТПГ «Атлант», 2003. – 440 с., ил.
3. Полтавський краєзнавчий музей. Інвентарна книга Зброя // Архів фондів ПКМ. — Полтава, 1948. — Т.1. — 150 с.
4. Полтавський краєзнавчий музей. Інвентарна книга // Архів фондів ПКМ. — Полтава, 1939. — Т.19. — 588 с.
5. Полтавський краєзнавчий музей. Інвентарна книга // Архів фондів ПКМ. — Полтава, 1939. — Т.20. — 446 с.
6. Кучма В.В. Развитие государственного строя Германии и Японии в период Нового времени: Учебное пособие. — Волгоград, 2000. — 72 с.
7. Мак-Клейн Дж. Л. Япония. От сёгуната Токугавы – в 21 век / пер. с англ. Е.А. Красулина. М.: АСТ-Астрель, 2006. – 895 с., ил.
8. Носов К.С. Вооружение самураев. – Санкт-Петербург: Полигон – Москва: АСТ, 2001. – 256 с., ил.
9. Хорев В. Японский меч. Десять веков совершенства. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 192с., ил.
10. Фуллер Р., Грегори Р. Японское военное и гражданское холодное оружие. – Москва: Астрель-АСТ, 2002. – 287 с., ил.
11. Чорнові матеріали про зброю // Архів фондів ПКМ. — Спр.1. — б/н

心

圓

德





АНАЛИЗ КОНСТРУКТИВНЫХ И ЭКСПЛУАТАЦИОННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ РУССКОГО И КАВКАЗСКОГО КРЕМНЕВЫХ ПИСТОЛЕТОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА.



Перед нами два кремневых пистолета. Два характерных представителя двух цивилизаций – европейской и азиатской. Двух непримиримых и бесконечно разных по менталитету и культуре миров, радикально отличающихся во всем, в том числе и в конструктивно-идеологических подходах к созданию различных видов огнестрельного и холодного оружия. Специфика климатогеографических условий, особенности мировоззрения, степень научно-технического развития и традиции ведения боя – все эти факторы обусловили столь явные различия конструкций оружия.

В этой статье, отнюдь не претендующей на научность и неоспоримость, предпринята попытка наглядно сопоставить оружие противоборствующих сторон, на примере русского кавалерийского кремневого пистолета обр. 1809 года и кремневого пистолета азиатского типа, произведенного на Кавказе.

Наверное, уместно будет вспомнить, что собственно короткоствольное огнестрельное оружие, допускающее стрельбу с одной руки, появилось в середине XVI века, при появлении искровых колесцовых замков. Традиционно изобретателем первого «короткоствола» считается итальянский оружейник Камилл Ветелли, живший, по преданию, в городе Пистойя, отчего и пошло название «пистоль». Ряд историков считает, что название «пистолет» произошло от чешского слова *pistala* (дудка). Как бы оно ни было, но в русском языке прижилось слово «пистолет» («пистоль»), сохранившееся и по сегодняшний день. Причем в России слово «пистолет» стало нарицательным для обозначения любого короткоствольного оружия, револьверов в том числе. Правда, случалось и наоборот — у нас до революции и пистолет Браунинга без тени сомнения часто называли «самозарядным револьвером», но это уже детали.

Развитие огнестрельного оружия в России и на Кавказе, вплоть до XX века, всегда носило зарубежное влияние. Кавказские оружейни-



Рис. 1. Русский кавалерийский солдатский пистолет образца 1809 года и кавказский кремневый пистолет XIX в.

ки традиционно подражали азиатским коллегам, а в русском оружии часто угадывалось европейское влияние. Удивляться здесь нечему, по иному просто и быть не могло. Причина подражания - в вполне естественных религиозных и традиционных политико-экономических связях. Западу впоследствии также пришлось многому учиться у нас, особенно в XX веке.

Безусловно, любое подражание в итоге приводит к определенным, порой значительным, изменениям в конструкции и эргономике оружия. Связаны эти изменения как с технологическими факторами, обусловленными возможностями местного производства и общим уровнем квалифицированности мастеров, так и с неизменными различиями в военных традициях даже близлежащих регионов. В итоге любой тип оружия отдельно взятого народа или государства, даже не имеющий клейм, будет иметь ряд конструктивных

и декоративных особенностей, позволяющих идентифицировать образцы с достаточно высокой точностью. Таким образом, благодаря естественной конструктивно-эргономической эволюции, появляются характерные «национальные» образцы оружия. А по общим чертам или по отдельным узлам можно отнести «национальный» образец оружия к такому более широкому понятию как «тип». В частности, если один из представленных экземпляров, русский кавалерийский пистолет обр. 1809 г., является оружием европейского типа, то второй пистолет – это один из классических вариантов кавказского короткоствольного оружия, но уже азиатского типа.

Для удобства сначала рассмотрим каждый пистолет в отдельности, а основные выводы и предположения будут изложены в конце статьи.

РУССКИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ СОЛДАТСКИЙ ПИСТОЛЕТ ОБРАЗЦА 1809 ГОДА

Этот пистолет — яркий представитель русского и европейского солдатского оружия — мощный, тяжелый, без излишних украшений. Сразу вызывает уважение и восхищение. Типичное оружие ближнего боя, когда все надежды возлагались только на твердую руку и верный клинок. Вспомним, что традиционно пистолеты, включая капсюльные, благодаря невысокой надежности кремневого замка первых и низкой скорострельности однозарядных шомпольных пистолетов вообще, предпочитали носить парами — до появления первых капсюльных револьверов.

Итак, тульский кремневый пистолет обр. 1809 г. Показанный на фотографиях экземпляр произведен в 1813 году, в яркую эпоху наполеоновских войн. Несмотря на значительное количество трофейного французского оружия, отечественные заводы продолжали наращивать выпуск огнестрельного и холодного оружия.

Пистолет имеет массивную деревянную ложу с длинным цевьем, характерным для кавалерийских образцов, шомпол отсутствует. Рукоять заканчивается мощным латунным затыльником («набалдашником»), с двумя «усами» по бокам. Ложа пистолета вызывает определенные сомнения в подлинности. Но, в любом случае, ложа в точности соответствует оригинальным размерам. Общая длина пистолета достигает 435 мм, при весе около 1500 г (3 фута 71 золотник). Длина ствола — 263 мм (10 дюймов 5,5 линии), калибр — около 18 мм (7 линий). Ствол нашего экземпляра, в дульной части, имеет разностенность — толщина стенок ствола колеблется от 1,7 до 2,3 мм. Ствол конической формы, выкат отсутствует. Ствол круглый в сечении. Только в казенной части, на протяженности 50 мм, ствол граненый. Гранение ствола по длине практически совпадает с проекцией передней части замка. Толщина ствола в казне равна 31 мм, в дульной части — 22,5 мм. Диаметр затравочного отверстия — 2 мм. При стрельбе из пистолета применялась круглая свинцовая ружейная пуля, вес заряда дымного пороха составлял 6,3 грамма (1,5 золотника).

Ствол имеет «сквозное» сверление. В казенной части, на глубину 20 мм нарезана крупная 22-мм резьба. Шаг резьбы — около 9 витков на 20 мм. В ствол, на пеньку, вкручивается казенник, с массивным хвостовиком (длиной 53 мм) и передней нарезанной частью, соответствующей резьбе ствола. Часть торца казенника, соответствующая расположению затравочного отверстия, имеет скос. Ствол с вкрученным казенником в ложе фиксируется винтом, стягивающим через ложу хвостовик с личинкой спускового крючка и надульным кольцом, фиксирующим дульную часть ствола в ложе и оберегающим торец цевья от сколов. Спусковая скоба крепится традиционно для русского оружия того времени — задняя часть притянута к ложе винтом, который ввинчивается в латунную личинку овальной формы («щиток», располагающийся на верхней части рукояти и несущий вензель императора Александра II), а передняя часть имеет плоскую перпендикулярную пластину, врезанную в глубь цевья и зафиксированная поперечным штифтом. По причине явно технологического плана, штифт этот является обыкновенным гвоздем, вытащить который весьма не просто. Такой способ крепления спусковой скобы, пусть в несколько измененном виде, сохранился вплоть до 1870-го года — скоба винтовки Крнка, обр. 1869 г., крепилась точно так же. Разве что гвоздь-штифт стал потолще. Спусковой крючок пистолета так же крепится на оси, так же сделанной из куса гвоздя. Длина крючка — 22 мм, ширина — 8 мм.

«Нюрнбергский» замок пистолета, как и все «европейские» замки, очень массивен. Размеры замка — 142 x 86 x 27 мм. Из-за значительной толщины замка наибольшая толщина пистолета достигает 63 мм, что, в совокупности со значительной длиной и весом, делает его малоприспособленным для какого-либо скрытого ношения.

Замок выполнен очень тщательно — все детали хорошо обработаны и тщательно пригнаны. Крепится замок пистолета двумя солидными винтами, разной длины: 47 и 51 мм. Толщина винтов 5 мм, диаметр шляпки 12 мм. Замочная личинка изящной формы, располо-



Рис. 2. Виды пистолетов с боков снизу и сзади

женная с левой стороны, позволяет плотно притягивать замок к ложе и стволу, не разрушая шляпками винтов древесины цевья. На лицевой стороне замочной доски выбита надпись «Тула, 1813». Внутренняя сторона доски так же имеет клейма, но уже технологического плана. Углубление для затравочного пороха сделано из латуни, во избежание быстрого ржавления и эрозии. Огниво крупное, вытянутое, размером 23 x 40 мм, с закругленными краями. Рабочая поверхность гладкая. Боевая пружина расположена перед курком, что и объясняет значительную длину замка. Курок имеет предохранительный и боевой взводы. Амплитуда курка, при постановке на предохранительный взвод, составляет 15 мм. Полная амплитуда, при взведении курка на боевой взвод — 35 мм. При этом прилагаемое усилие составляет около 8 кг, что вынуждает прилагать значительные усилия при взведении курка. Учитывая его большую амплитуду, пистолет приходится придерживать при взведении за ствол левой рукой. Иначе силы большого пальца правой руки может оказаться недостаточно. Хотя, значительная практика, безусловно, позволяла стрелку манипулировать курком одной рукой.

Прицеливание из пистолета довольно комфортное, но рукоять приходится перехватывать несколько ниже, чем хотелось бы. Спусковой крючок, несмотря на свою форму, довольно удобен в обработке пальцем. Впрочем, спусковые крючки гораздо более поздних французских винтовок семейства Шасспо-Гра обр. 1866—74 гг. имеют схожую «старомодную» форму, что особо не отражается на их эргономичности. Усилие спуска курка на пистолете около 4 кг. Спуск подпружинен, провал крючка после срыва курка с боевого взвода отсутствует. В целом, спуск довольно комфортный. Удар курка по огниву очень сильный, из-за значительной скорости движения курка. Но, несмотря на мощную боевую пружину и массивный курок, ожидаемого сбивания наводки не происходит. Конечно, пистолет вздрагивает, но незначительный сбой наводки вполне прогнозируем и купируется работой кисти. Процесс стрельбы из кремневого оружия чем-то ассоциируется со стрельбой одиночными из ПП, пусть из того

же ППШ. Наводка при стрельбе сначала сбивается, но с опытом стрелок приучается контролировать оружие.

Расстояние от спускового крючка пистолета до наиболее удаленной задней части набалдашника рукояти составляет около 130 мм. Длина самой рукояти (по оси, до хвостовика казенника) — около 160 мм. Максимальная ширина рукояти, в нижней ее части — 50 мм, при средней толщине в 30 мм.

Прицельные приспособления представлены латунной мушкой, размерами 23 x 4 x 2. Целика нет, но, учитывая калибр пистолета и его предназначение (ближний бой), в нем нет никакого практического смысла.

КАВКАЗСКИЙ ПИСТОЛЕТ

При попытке идентифицировать этот образец автор столкнулся с некоторыми трудностями. С большей долей вероятности это черкесский пистолет середины XIX в., хотя ряд особенностей конструкции замка вызывает сомнения. На огнестрельном оружии Кавказа и Закавказья применялся т.н. «средиземноморский» тип кремневого замка. Условно его можно назвать «кавказским замком». В свою очередь, кавказские замки, из-за конструктивных различий, в зависимости от места производства, делятся на черкесский, кубачинский и закавказский образцы. Помимо конструкции замка, большую роль в идентификации играют: клейма, орнамент, конструкция ложи, конфигурация ствола, детали прибора — накладки и обоймицы. Несмотря на желательность точного определения происхождения пистолета, оставим это специалистам и обратим внимание на конструктивные особенности оружия. По ходу текста кавказский пистолет будем именовать «черкесским».

Итак, типичный кавказский кремневый пистолет. Вес оружия — около 550 граммов. Габариты пистолета: общая длина — 400 мм, размеры по высоте — 135 мм, максимальная толщина по замку — 50 мм. Как и все кавказское оружие, пистолет отличается своеобразной изящностью. Во многом это достигнуто благодаря малому калибру, легкому и компактному замку и минимальному количеству металла в приборе.



Рис. 3. Дула pistols

Пистолет имеет узкую и очень легкую ложу черкесского типа, целиком сделанную из орехового дерева. Шомпол отсутствует. Рукоять ложи заканчивается шариком. Именно благодаря этому элементу ложи считается, что пистолеты в Турцию и на Кавказ попали с Запада – колесцовые европейские пистолеты имели именно такой шарик на конце рукояти. Рукоять имеет более острый угол к стволу, по сравнению с тульским пистолетом. Длина рукояти, вместе с шариком – 140 мм, толщина в 30 мм от спускового шарика – 35 мм, около шарика – 27 мм. Шарик у черкесских пистолетов традиционно несколько приплюснут. У нашего экземпляра приплюснутость выражена незначительно; размер шарика 43 х

47 мм. Расстояние от спускового шарика до максимально удаленной точки шарика рукояти – 155 мм.

Как ложа пистолета, так и замок не имеют украшений, за исключением скромного полустертого орнамента на нижней части боевой пружины и боковой планке. Обоймица всего одна – очень тонкое (0,2-0,4 мм) и узкое (всего 9 мм), слегка украшенное серебряное колечко. Пистолет явно не относился к категории дорогого оружия.

Ствол пистолета из дамаска, конусной конфигурации. Примерно в 50 мм от дульного среза ствол имеет выраженный выкат, с резким утолщением в дульной части. Макси-

мальная толщина ствола в казне – 22 мм, в дульной части – 19 мм. Длина ствола - 240 мм, калибр — 12 мм. Толщина стенок ствола на дульном срезе – 3,3 мм. Диаметр затравочного отверстия – 2,8 мм. В казенную часть ствола вкручен казенник с длинным (140 мм) хвостовиком, практически достигающим до шарика рукоятки. Хвостовик закреплен в ложе 3-мя винтами. Шляпки винтов замурованы в ложе, что не позволяет разобрать пистолет. Дульная часть ствола притянута к ложе кольцом.

Прицельные приспособления состоят из гривки с прорезью, на передней части казенника. Высота гривки – 3 мм. Мушка на дульной части ствола отсутствует.

Спусковой механизм представлен традиционным для кавказского огнестрельного оружия шариком (пуговкой), выступающим из ложки всего на 13 мм. Наибольший диаметр пуговки – 11 мм. Направление усилия спуска на кавказском кремневом замке – строго назад, в отличие от Нюрнбергского замка русского пистолета, где давление спускового крючка на спуск осуществляется снизу-вверх. Шарик спуска приварен к пластине, посаженной на ось верхней своей частью. Амплитуда шарика – 20 мм.

Замок крепится двумя шурупами-саморезами, притягивающими замочную доску к ложе. С левой стороны ложки пистолета расположена накладная съемная личина, притянутая к ложе шляпками шурупов. Длина шурупов – 39 мм, толщина – 3,7 мм, диаметр шляпок – 8,2 мм. Длина шурупов чрезмерна и они значительно выступают за плоскость замочной доски. Применение шурупов вместо болтов предъявляет повышенные требования к качеству врезки замка в ложе и степени подгонки узлов оружия в целом. В противном случае, замок на кавказском оружии начинает быстро расшатываться на своем ненадежном креплении, потом, от постоянных подтягиваний шурупов, срывается резьба в отверстиях замочной доски или на шурупах и замок в итоге может просто выпасть из своего гнезда в ложе.

Замок черкесского пистолета, по сравнению с замком «туляка», очень легкий и мини-

атюрный. Длина замка – 56 мм, высота – 64 мм, при ширине 19 мм. Замок легче тульского примерно в 3 раза. Сам замок состоит из 10 деталей – замочной доски, боевой и подогивной пружин, курка и угольника жесткости курка, полки, боковой планки, огнива, перки (спусковой пружины) и спуска.

Двуперая боевая пружина замка расположена снаружи. Ее расположение под курком и полкой позволяет минимум в 2 раза уменьшить длину замка. Короткое перо пружины имеет выступ, входящий в отверстие замочной доски. Длинное перо боевой пружины подпирает снизу пятку курка.

При взведении курка, боевой выступ его пятки сначала заскакивает на предохранительный взвод спуска, выступ которого контактирует с пластиной спускового шарика. Предохранительный взвод загнут кверху, для предотвращения соскакивания острого края пятки курка. При дальнейшем движении курка назад, его пятка становится на боевой взвод, расположенный на подпружиненном колене спуска. При нажатии на спусковой шарик, его пластина воздействует на выступающее колено спуска, спуск проворачивается вокруг своей оси и отжимает пружину вбок, освобождая пятку курка от сцепления с боевым взводом. Одновременно отходит в сторону и выступ предохранительного взвода, освобождая путь пятке курка. Курок проворачивается на своей оси и кремь, зажатый в его губках, бьет по рифлению вставной пластинки огнива. Под воздействием удара курка, подпружиненное огниво откидывается назад, открывая полку с порохом в желобе. Порох на полке воспламеняется от искр, огонь проникает через затравочное отверстие ствола к заряду пистолета. Происходит выстрел.

При изучении кинематической цепи конструкции замка, остроумная конструкция спуска вызывает восхищение. Первая же возникшая ассоциация – спусковой механизм «Парабеллума» Р-08! В «Люгере» ударник освобождается при воздействии спускового крючка на нижнее колено передаточного рычага. В замке черкесского пистолета курок так же освобождается при воздействии пластины спускового шарика на подпружиненное



Рис. 4. Замки pistols

колени спуска, своеобразный аналог передаточного рычага Р-08. Конечно, говорить о каком-либо точном соответствии не приходится, но определенное сходство явно присутствует.

Курок, состоящий из 5 частей, имеет усилие взвода около 10 кг, при амплитуде около 18 мм. При взведенном курке, пуговка спуска имеет свободный ход около 5 мм. Усилие при спуске около 2 кг, провал после спуска курка отсутствует.

Эргономика черкесского пистолета XIX века явно не рассчитана на руку европейца XXI века. Изгиб рукоятки слишком мал, для нормального прицеливания – суставы большого пальца норовят перекрыть линию прицеливания. Приходится перехватывать рукоятку ниже, выгибать большой палец влево и неестественно сгибать кисть в лучезапястном суставе. После отработки приемлемого хвата, необходимо привыкать к пуговке спуска. Надо отметить, что привыкание к пуговке после крючка не занимает много времени. Из-за отсутствия мушки, прицеливание через гривку казенника непривычно и дискомфортно, что приводит к увеличению времени прицеливания.

При спуске курка, удар кремня по насеченной пластине огнива резкий и сильный. Времени, с момента срыва курка с боевого взвода и удара по пластине, требуется несколько меньше, чем у тульского пистолета – сказывается меньшая амплитуда и более жесткая боевая пружина.

После русского пистолета, «черкес» не воспринимается серьезно – небольшой вес, малые габариты и более чем умеренный вес делают кавказский пистолет больше похожим на детскую игрушку, чем на серьезное оружие.

РЕЗЮМЕ

Возможно, сопоставление вышеописанных пистолетов не совсем корректно, но, тем не менее, такой подход представляется вполне оправданным. В любом случае, автор не стремился доказать превосходство одного из пистолетов над другим. Целью статьи было

наглядное иллюстрирование особенностей короткоствольного огнестрельного оружия двух разных культур. Несмотря на отсутствие датировки на черкесском пистолете, его уверенно можно отнести к эпохе наполеоновских войн. Конструктивно кавказское кремневое оружие мало менялось на протяжении конца XVIII – XIX вв. Конечно, расшифровка клейма с именем мастера могла бы пролить свет на историю черкесского пистолета, но это уже выходит за рамки статьи.

Если абстрагироваться от исторических изысканий и попробовать сделать выводы из анализа чисто технической стороны исследуемых образцов оружия, можно отметить несколько весьма интересных моментов. Сначала вспомним, что оба пистолета предназначены для ближнего боя (реальная дистанция – считанные метры, до 20 шагов) в качестве вспомогательного оружия. Следовательно, пистолеты должны быть достаточно компактны, иметь минимально возможный вес и обеспечивать достаточную надежность и эффективность в применении.

Тульский пистолет сделан весьма качественно и очень основательно. Калибр пистолета, равный 12-му охотничьему, предъявляет повышенные требования к прочности конструкции оружия и накладывает ограничения на снижение веса. Поэтому пистолет и весит 1,5 кг, что позволяет добиться умеренной отдачи, при максимальной эффективности – круглая калиберная пуля или хороший заряд картечи из ствола 12 калибра – очень убедительный аргумент на минимальных дистанциях стрельбы. При стрельбе из этого пистолета, попасть с лошади в человека, на дистанции более 25–30 шагов, можно было лишь случайно. Мощный затыльник рукоятки «туляка» делает пистолет пригодным как для колки орехов, так и для проламывания черепов. Ведь даже в эпоху револьверов под унитарный патрон, после расстрела патронов в каморах, рукоять оружия часто использовалась в рукопашном бою в качестве кастета.

«Нюрнбергский» замок пистолета к началу XIX века являлся отработанным конструкцией, а качественное изготовление замка тульскими мастерами обеспечивали прием-



Рис. 5. Конструктивные особенности русского кавалерийского солдатского пистолета

лемую надежность, по меркам того времени. Несколько измененный конструктивно, «Нюрнбергский» замок и по сей день служит в курковых охотничьих двустволках, что только подчеркивает его достоинства.

Благодаря значительной массе пистолета и неплохой эргономике, оружие уверенно сидит в руке, а плавная и четкая работа механики УСМ делает пистолет обр. 1809 г. удобным в обращении и применении. Главные недостатки пистолета – большой вес и значительные габариты, плохо зафиксированный наконечник ложи и носимый отдельно шомпол, который, конечно же, часто терялся солдатами.

Черкесский пистолет, несмотря на минимальные различия с тульским пистолетом по длине, гораздо меньше его по всем остальным параметрам. Обусловлено это малым калибром (примерно равным 32-му охотничьему калибру), легкому и компактному замку и минимальному количеству металла в конструкции. Надо отметить, что кавказское огнестрельное оружие всегда имело небольшой калибр и вес, в сравнении с европейским и российским оружием. Обусловлено это несколькими факторами, в основном – горным ландшафтом региона. По скалам особо не побегаешь с тяжелым и громоздким мушкетом и тяжелым пистолетом – вес оружия и снаряжения имеет большое значение. Конструктивные особенности кавказского и казачьего оружия во всем следуют одной цели – уменьшению веса, габаритов и максимальному удобству применения. Это отсутствие лишнего металла прибора винтовок и пистолетов, спусковые пуговки без предохранительной скобы вместо крючков, ложевые глазки для ремня вместо антабок, а так же отсутствие дужки и перекрестия эфеса на холодном оружии. Кавказское оружие вообще редко имеет черты универсальности, приводящее к увеличению веса и габаритов оружия. В частности, на винтовках не использовались штыки, холодное оружие так же имело выраженную специализацию. Значительное влияние на конструкцию и отношение к оружию оказывали обычаи горцев, сложности с производством и качеством боеприпасов. В частности, производимый на Кавказе порох (отметим,

что порох в значительных количествах так же завозился из-за границы) не всегда был хорошего качества, что вынуждало увеличивать размеры затравочного отверстия, совершенствовать конструкцию замка и особое внимание уделять уходу за оружием.

Черкесский пистолет гораздо более приспособлен для скрытого ношения, но его довольно архаичная конструкция в целом делает его менее удобным и надежным, в сравнении с русским образцом. В русских источниках XIX в. можно найти упоминания об особенностях конструкции кавказского огнестрельного оружия, где ему дается не самая высокая оценка именно из-за эргономики и неудобной конструкции замка (хотя встречаются и прямо противоположные отзывы). Останавливающее действие 12-мм пули теоретически должно быть сопоставимо с 9-мм пулей ПМ, что вполне достаточным для поражения человека. Но рядом с тульским пистолетом, этот показатель у «черкеса» выглядит куда более скромным. Недаром боевые пистолеты всегда имели максимально возможный калибр. С другой стороны, малый калибр подразумевает меньший вес носимого боекомплекта, более экономный расход боеприпасов и, теоретически – лучшую точность боя. Старые российские и зарубежные источники говорят о неплохих показателях точности кавказского «огневого» оружия. Вспомним, что кавказские пистолеты, изготовленные как на Кавказе, так и оружейниками-казаками, имели широчайшее хождение у гребенских, терских, черноморских, донских, украинских и других казаков, ценивших в кавказских пистолетах именно удобство при постоянном ношении. (В основном, это были кубачинские пистолеты, имевшие казацкое название «кубач»). Ибо в казачьих войсках ношение оружия казенного образца было необязательным.

В обслуживании, ремонте и уходе более удобен тульский экземпляр, полностью разбирающийся за 10 минут при помощи шлицевой отвертки. Разобрать кавказский пистолет обычно не так просто. Помимо «глухого» крепления хвостовика казенника в ложе, ствол порой оказывается приваренным к казеннику. Миниатюрность деталей замка и склон-

ность кавказских мастеров к чрезмерному украшению оружия так же не способствовали удобству в обращении и ремонтпригодности винтовок и пистолетов. Конечно, украшенное оружие всегда являлось (и является до сих пор) важнейшим показателем статуса воина и охотника, вне зависимости от его национальности, но увлечение кавказских оружейников декорированию своего оружия в итоге привело к резкому снижению его боевых характеристик.

К сожалению, нет никакой возможности протестировать эти пистолеты боевой стрельбой, несмотря на их отличное техническое состояние. Несмотря на одинаковый принцип действия, на практике эти пистолеты, по эффективности применения и удобству повседневного ношения, могут иметь несколько иные оценки и показатели, чем в вышеизложенных теоретических построениях. ■

TVA
J8J3